

*Мы навечно вписались
в Историю...*

70

A stylized red number '70' with a black and white striped ribbon draped across it, symbolizing the 70th anniversary of the end of World War II.

Геологический институт КНЦ РАН
Кольское отделение и Комиссия по истории РМО

Мы навеки вписались в Историю...

Апатиты
2015

УДК 82.470:21

ISBN 978-5-902643-30-2

Мы навечно вписались в Историю... Литературный сборник / Сост. и ред. Ю.Л. Войтеховский. – Апатиты: Изд-во К & М, 2015. – 156 с.

В сборник вошли воспоминания ветеранов отечественной геологии о профессиональных буднях и военных годах, опаливших детство и юность. Почти все авторы имеют отношение к Кольскому п-ову и Геологическому институту КНЦ РАН. Написанные с различной степенью автобиографичности, тексты объединены любовью к профессии геолога, которой авторы безраздельно посвятили свои жизни. Сборник посвящён Дню геолога и Дню Победы, адресован всем причастным к геологии и неравнодушным к Северу.

Электронный вариант книги доступен на сайте:
<http://geoksc.apatity.ru/publications>

Компьютерная вёрстка: Л.Д. Чистякова, Н.А. Мансурова

Фото на обложке: А. Грачёв, <http://andreyphoto.livejournal.com/898.html>
Фото в тексте: авторы, Интернет

© Коллектив авторов, 2015

© Кольское отделение РМО, 2015

© Комиссия по истории РМО, 2015

© Геологический институт КНЦ РАН, 2015

От редактора

С 2005 г. в Геологическом институте КНЦ РАН и Кольском отделении РМО к Дню геолога издаётся томик, а то и два, геологической беллетристики. Их авторы – геологи, отдавшие профессии всю жизнь. Ранее изданы: Месяц кончается март... (2005), А.Е. Ферсман (2005), Конгломерат (2006), Мы ищем то, что не теряли... (2007), И.В. Бельков: хроника жизни (2007), Брекчия (2008), В дебрях Кольского края или двое в лодке, считая собаку (2009), Дым костра создаёт уют... (2009), Не отстрани проснувшееся чувство... (2010), Горит костёр на горном перевале... (2010), День оленя (2011), Фамилии сотрудников Геологического института КНЦ РАН в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи (2011), Фломасты (2012), В краю, где поздняя весна... (2013), Перекрёстки судеб (2014).

В этот том вошли воспоминания ветеранов отечественной геологии, работавших и работающих на Кольском п-ове и в других северных регионах России. Написанные с разной степенью автобиографичности, тексты объединены любовью к Родине и профессии, которой авторы безраздельно посвятили свои жизни. Издание приурочено к Дню геолога, который празднуется в этом году в 50-й раз. К этой радостной дате в этом году добавляется ещё одна – 70-летие Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне, опалившей детство и юность старшего поколения. Несколько воспоминаний посвящены этой теме, которую нельзя забывать, поскольку фашизм поднимает голову у самого порога.

С 1966 г. День геолога делит наш год на «до» и «после», начинающая активную подготовку к полевому сезону. Желаю всем коллегам успешного поля и возвращения домой.

Ю.Л. Войтеховский, проф., д.г-м.н.
директор Геологического института КНЦ РАН
председатель Кольского отделения и
Комиссии по истории РМО

Карпов Николай Николаевич – родился 26 апреля 1932 г. в Рославле в семье учительницы Ольги Сергеевны Сырейщиковой и инженера-путейца Николая Константиновича Карпова. В 1943 г. был угнан на принудительные работы в Германию вместе с бабушкой Клавдией Петровной Сырейщиковой. Вернулся из неволи в октябре 1945 г. После окончания школы с серебряной медалью в июле 1952 г. поступил на Географический факультет МГУ. По завершении учёбы был оставлен на кафедре Географии полярных стран, обучался в аспирантуре, но диссертацию не защитил из-за увлечения литературным трудом. С 1953 г. неоднократно приезжал в Хибинны, сначала как студент-практикант, а затем как преподаватель. Работал в экспедициях в Забайкалье, Большеземельской тун-

дре, горах Путорана и Ульяновском Поволжье.

В 1962 г. пытался поступить в Литературный институт, но не прошёл творческий конкурс, хотя в это время песню «Едкий дым создаёт уют...» пели по всему Советскому Союзу. В январе 1968 г. перешёл на преподавательскую работу в МГЗПИ, сначала в должности ассистента, а затем старшего преподавателя. В мае 1979 г. после выхода в свет первой книги стихов «Северный базар» был принят в Союз писателей. Через 2 года оставил преподавание и сосредоточился на литературе. Любимые жанры – стихи, проза, художественный перевод, публицистика. – *Ред.*

Прощание с Хибинами

(воспоминания с лирическими отступлениями)

1

До прощания ещё далеко, и надо понимать, что прежде была встреча, был путь в Хибинны. И начался он летом 1952 г., когда я, окончив школу с серебряной медалью, был на распутьи и не знал точно, куда мне пойти учиться. В кругу возможных ВУЗов были: астрономическое отделение мехмата МГУ, Институт международных отношений, Институт лесоводства и даже экзотический Литературный институт... Разброс, как видите, велик. И я не нашёл ничего лучшего, как, захватив «Справочник для поступающих в высшие учебные заведения» и выстраданную серебряную медаль, отправиться к любимой бабушке Клавдии Петровне Сырейщиковой, жившей летом на даче у одной из дочерей. Встал рано, так как с детства не любил жару, и поехал.

Доехал на метро до вокзала, потом сел в полупустую электричку (был будний день), и через час сошёл на дощатой, омытой ночным

дождём платформе. До бабушки идти было ещё километра три, и путь этот был приятным – по зелёным, заросшим травой улочкам, где на вольном выпасе бродили белые, чёрные и пепельные козы – животные, любимые с детства, и мимо уютных деревенских домов, больших садов с плодовыми деревьями и цветниками. Но вот показалась крыша бабушкиного дома, а вот и она сама вышла из калитки, словно почувствовала, что едет к ней её любимый внук. Я подбежал к ней, крепко обнял и поцеловал родное морщинистое лицо. «Как я рада, что ты приехал ко мне; пойдём, я накормлю тебя и напою чаем», – сказала она и было видно, что она действительно рада. «Бабушка, а я медаль серебряную получил за школу», – сказал я и достал из кармана брюк белую картонную коробочку, в которой хранилось моё сокровище. Бабушка бережно взяла её, раскрыла и заплакала. «Бабушка, ну что ты плачешь, радоваться надо!» «А я от радости плачу», – ответила она и повела меня на террасу, зажгла керосинку и стала подогрывать картошку. После картошки был чай с вишнёвым вареньем, и пока я ел и пил, бабушка смотрела на меня и улыбалась. Изредка она открывала коробочку, брала в руки медаль и любовалась ею.

Наевшись и напившись, я поблагодарил бабушку и спросил: «Угадай, зачем я приехал?» «Как зачем? Показать медаль». «Нет, не только за этим. Я не знаю, куда поступать учиться и решил с тобой посоветоваться...» С этими словами я достал из холщовой хозяйственной сумки «Справочник для поступающих в высшие учебные заведения» и протянул его бабушке. Она взяла книгу в руки, подержала немного, положила на стол и пошла в комнату за очками. Очки были старенькие. Одна дужка сломана и скреплена тонкой медной проволокой, отчего очки сидели криво и бабушке, вероятно, было неудобно читать. Но она взяла книгу, раскрыла оглавление и стала там что-то искать. «Ты что ищешь?» спросил я. «Я знаю, что искать. Я давно уже решила, что ты должен поступить в университет, где учился твой покойный дедушка Сергей Сергеевич... Ведь в университете есть все специальности и выбор богатый. Давай вместе прочтём, что тут написано о каждом факультете...» Я согласно кивнул, сел рядом с бабушкой, и она начала читать. Зная, что ей читать трудно, я хотел было взять книгу, но она воспротивилась: «Нет уж, раз ты пришёл просить совета, я должна прочесть всё сама!»

Читала она долго и действовала методом исключения. В конце концов, когда были отвергнуты остальные, остались три факультета: биологический, геологический и географический. В каждом было много разных кафедр, и бабушка принялась читать, кого готовит каждая из них, и остановилась, наконец, на кафедре климатологии и метеорологии географического факультета. «Вот сюда и поступай», – сказала она. «Я тридцать лет проработала на нашей Рославльской метеостанции и любила эту работу. Проверять меня приезжали люди с высшим образованием. Они во всём хорошо разбирались и помогали мне. Вот и ты, окончив эту кафедру, будешь инспектировать метеостанции. Поездишь, повидеешь мир...» Я не стал ей возражать и простодушно подумал: «Правда, чего уж лучше – разъездная вольная работа, смена мест, знакомства со многими людьми...» – и сказал вслух: «Я принимаю твой совет и завтра же подам заявление!» «Ну, вот и хорошо», – сказала бабушка, – «Только не забудь и прямо в заявлении напиши не только название факультета, но и название кафедры...» Знала бы бабушка, что этим советом она чуть ли не определит моё успешное поступление! Но она не знала, и узнала только после собеседования.

А пока, пробыв у бабушки целый день и подав, как и обещал, на следующий день заявление, стал готовиться к собеседованию. Пошёл в районную библиотеку, взял там несколько книг по географии, но прочесть успел только одну – о модных тогда «планах преобразования природы» и с этим скудным багажом заявился на собеседование в назначенный день. Когда пришел на факультет, в коридоре уже сидели шестнадцать дрожащих от страха девушек и лихорадочно листали огромные, мрачные с виду книги по географии. Девушки задавали друг другу вопросы, потом рылись в книгах и отвечали на них! Я, к счастью, по наивности своей не испугался, дождался очереди и вошёл в большую светлую комнату, где за столом сидели ведущие профессора геофака. Тон собеседованию задавала бабушка... Обычно абитуриенты писали в заявлении: «Прошу принять меня на географический факультет...», а у меня по совету бабушки было написано: «На кафедру климатологии и метеорологии географического факультета...» Это всех заинтересовало, и первый вопрос был: «А почему Вы хотите поступить именно на эту кафедру?» Я простодушно ответил, что у меня бабушка тридцать лет проработала на метеостанции. Такого здесь

никто никогда не слышал, и вся приёмная комиссия чуть не пока- тилась со смеху. Только профессорский сан большинства из них не позволил смеяться в голос.

Они заулыбались и, видимо, прониклись ко мне некоторой симпатией, но всё же для порядка профессор Саушкин спросил: «А что Вы читали по географии?» Я назвал книгу о Сталинском плане преобразования природы. Он сказал, что это хорошо, но по- просил назвать и другие книги. Бабушка приучила меня никогда не лгать, и я признался, что больше ничего не читал... Как ни странно, но и этот ответ не погубил меня и спрашивавший, чтобы разрядить обстановку, с улыбкой сказал: «Ну, вот и хорошо, что ничего не читали... Если бы читали, нам нечему было бы Вас здесь учить...» Все рассмеялись, но тот же Саушкин, чтобы не превращать собе- седование в анекдот, спросил: «Ну, а художественную литературу Вы читали?» «Да, конечно», – ответил я и прочёл им настоящий обзор новинок прозы и поэзии. Уж что-что, а литературу я знал хорошо благодаря моему прекрасному Учителю литературы Ивану Михайловичу Горшкову. Меня приняли, а из шестнадцати бедных девушек, проходивших собеседование со мной в один день, я после увидел в числе студентов только троих. Как-никак, а я, как маль- чик, пользовался привилегией... Но «это присказка покуда, сказка будет впереди...»

2

После окончания первого курса и месячной полевой практи- ки в Красновидово всем полагалась месячная дальняя практика на выбор: Кавказ, Крым или Кольский полуостров (точнее – Хибина- ны). Для меня выбор места практики был predetermined тем, что я плохо переносил жару, а знаний моих хватило, чтобы определить – прохладнее всего будет в Хибинах. Не знаю, чем руководствова- лись другие, но желающих поехать на Север набралось несколько десятков человек. Вёз нас в качестве сопровождающего Учитель, специально приехавший за нами с Хибинской географической станции. В Москве в день отъезда стояла жара, и я весь день лежал дома пластом, ничего не ел и только пил квас.

Поезд Москва-Мурманск отходил около двенадцати ночи с Ленинградского вокзала. В вагоне, раскалившемся за день, было душно и, устроившись на второй полке (нижнюю уступил одно-

курснице), я всю ночь промучился до самого Ленинграда. Там во время получасовой стоянки немного отдышался на перроне, а потом вновь окунулся в духоту вагона, но смутно почувствовал, что она уже понемногу слабеет. Предвкушая, что дальше будет ещё прохладнее, залез на верхнюю полку и ждал, когда же придёт настоящая северная прохлада. Она пришла где-то возле Петрозаводска, и я ожил. Вспомнил, что целый день перед отъездом ничего не ел, стал привычным для меня способом заботиться о пропитании. Ходил по вагону и просил однокурсниц дать мне чего-нибудь поесть. За это обещал написать по заказу «приворотные стихи», адресованные любому из немногих в группе парней, гарантируя успех обещанием: «Если не полюбит, то сдохнет!» Заказчицы находились, и я тут же на клочке бумаги набрасывал смешной стишок, в котором обыгрывал внешние признаки адресата и его привычки. То и дело в разных концах вагона раздавался звонкий девичий смех, а я сидел довольный и сытый...

Учитель, который сопровождал нас и, казалось, должен быть всё время с нами и рассказывать, где мы проезжаем, сидел в вагоне-ресторане, потягивал коньяк и беседовал со случайными попутчи-

ками. Вместо него стал выступать я. В нужное время с серьёзным видом объявил, что скоро подъедем к Полярному Кругу и там – важно не пропустить! – будет виден медный обруч, стягивающий землю. Как ни странно, нашлись такие, что поверили и на полном серьёзе смотрели в окно. Было уже поздно, но ночь не пришла, и никто не ложился спать. Где-то разговаривали, где-то пели весёлую студенческую песню о предстоящей практике: «Юкспорйок со- всем как Сочи, Солнце греет, но не очень, За окном поют медведи, Скоро мы туда поедем!» Пейзаж за окнами вагона резко менялся. Среди сосновых и еловых лесов мелькали огромные, оглаженные ледником выступы твёрдых кристаллических пород, и от них, казалось, струится холод. Красное солнце в полночь висело впереди поезда точно на севере. Казалось, будто он, петляя меж каменных гряд, мчится прямо к этому красному, словно озябшему, солнцу. Слева, пересекая железную дорогу, подтекая под неё, с отдаленных и близких каменистых возвышенностей – сельг – стремились к невидимому ещё Белому морю водоворотистые реки, дно которых было устлано валунами. А редкие тихие реки и ручьи несли из ближних болот настоенную на торфе коричневую воду.

Но вот справа в прогалах леса мелькнула первая, вторая, третья лопасть большой водной глади – это Белое море, его заливы. Все разом перестали смотреть в левые окна вагона и сместились к правым с криками: «Море, море, море!» Никто по-прежнему не спал, хотя было уже полночь. Всеми овладело хрупкое возбуждение, какое бывает у жителей Заполярья в пору, когда солнце не заходит за горизонт. Чем дальше шёл поезд, тем чаще возникала справа водная поверхность. Наконец, он вырвался на берег моря и помчался по дуге, огибая залив с запада. Впереди, на том берегу виднелся отдалённо порт с многочисленными кораблями и бело-розовый город – «южный город Кандалакша», как называли его в Мурманской области. Справа от города высились округлые, лысые сверху Кандалакшские горы. В заливе чернели каменистые острова, поросшие сосной. В Кандалакше поезд стоял минут двадцать, и почти все студенты выскочили из вагонов. Дышали свежим морским воздухом, смотрели на близкие горы.

Потом дорога вела вдоль разрубленного плотинами каскада электростанций русла р. Нива, а через три часа слева блеснула водная гладь оз. Имандра. Впереди появились столообразные горы

Хибины, куда лежал наш путь и ждало месячное знакомство с заполярной природой. На станцию Апатиты поезд прибыл около пяти утра и стоял там тоже двадцать минут. Предстояла пересадка, все торопливо выгрузились со своими рюкзаками, резе – чемоданчиками, и сгрудились на перроне вокруг Учителя. Он был трезв и весел, охотно отвечал на наши наивные вопросы, постоянно с шуткой. Слева от дороги над серыми пыльными домами и бараками поселка Апатиты стоял мощный столб розового света – отблеск жемчужины Кольской земли – оз. Имандра. Через полчаса подошла электричка всего из трёх вагонов. Погрузились в неё весело, несмотря на бессонную ночь, и когда она тронулась, глядели в окна на незнакомую природу, среди которой предстояло прожить месяц. От только что увиденного розового столба света над озером и сурового облика гор я присмирел. Сидел у окна, а не бегал, как в поезде, смеша однокурсниц, и глядел, глядел, глядел, и на душу мою снизошёл покой и тёплая волна радости, какая бывает, когда о тебе кто-то думает с нежностью. Видел стрельчатые финские ели, кривые берёзы, пепельные и молочно-белые лужайки лишайников, и всё это казалось родным и прекрасным, даже серая от апатитовых «хвостов» река, словно в насмешку называвшаяся Белой. И всё это представлялось знакомым, словно когда-то давно, может быть, в прошлой жизни, я побывал здесь и был счастлив.

Электричка останавливалась, как пёс, у каждого столба, поэтому весь путь до Кировска, стоявшего впереди на мощном валу, перегораживавшем долину, занял около часа. Выгрузились прямо под чёрной горой, и Учитель назвал её по-саамски. И мы впервые услышали это слово на языке малого северного народа, и было это слово звучным и величественным – Вудъяврчорр, что в переводе означало «обрывистая гора у озера с холодной водой». Из низины, где был вокзал, поднимались по крутому склону насыпи на автомобильную дорогу, где уже ждала нас старенькая, ещё времён Отечественной войны, машина Хибинской географической станции. Погрузили вещи, усадили туда самых слабых, а остальные во главе с Учителем пошли пешком по гравийной серой дороге, продолжая смотреть по сторонам, иногда спрашивая что-то у него. Впереди, как старая, многоопытная олениха в оленьем стаде, шла рыжеволосая могучая лыжница и задавала темп ходьбы. Следом, почти сразу растянувшись на несколько сотен метров, брели

остальные. Сначала середнячки, а в конце – «слабосилка», состоявшая из пухленьких любительниц тортов и пирожных.

Идти было нетрудно – лица овевал свежий утренний ветер из глубины гор. Где-то посредине шёл Учитель, и я держался около него и чаще других спрашивал о названиях гор и слышал в ответ: «Айкуайвенчорр – голова матери бога», «Юкспорр – лук-гора», «Расвумчорр – гора травяной долины». Небо было почти чистым и только на большой высоте затянутым тонкими перистыми облаками. По сторонам дороги, справа и слева, виднелись сооружения – высокие, плотные заборы с колючей проволокой наверху и деревянными вышками по углам огороженных пространств, на каждой из которых стояли фигуры в военной форме и с оружием. «Что это?» – спросил я у Учителя. «Это зона, здесь работают заключённые». «Враги народа?» – переспросил я, так как где-то уже слышал этот термин. «Может быть, может быть...» – уклончиво ответил Учитель, и мне показалось, что он знает, но почему-то не хочет говорить полной правды. Впереди нашего шествия показалась машина. Посторонившись, мы увидели, что в ней сидят, тесно прижавшись друг к другу, бритые наголо мужчины в одинаковых серых куртках, а по углам стоят вооруженные люди в форме. Уви-

«Айкуайвенчорр – голова матери бога»

«Расвумчорр – гора травяной долины»

дев наших девушек, в машине громко закричали, и в этих криках ведущим было слово «Дай!», перемешанное с отборным матом. Один из сидевших вскочил, сжал руку в кулак, согнул её в локте, потом резко прижал к низу живота и вскинул вверх. Все, несмотря на тогдашнюю неиспорченность, поняли, что он имитировал этим жестом. Конвоир пригрозил ему, и он сел, продолжая что-то кричать, но машина уходила, и его никто уже не слышал.

Наша ведущая караван лыжница меж тем остановилась и нашла глазами Учителя. Он показал ей «вправо», и она свернула, а следом и все остальные, на дорогу, ведущую в маленький пригородный посёлок Юкспорйок, названный так по имени протекающей здесь речушки. Она бежала рядом, то скрываясь в ивняках, то возникая вновь. Вода в ней была чистой, прозрачной и холодной. Но вот показался и сам посёлок, лежащий между отрогами Расвумчорра и Юкспорра – несколько одноэтажных и двухэтажных домов и барачков с продовольственным магазином, почтой и даже танцплощадкой, расположенной прямо у мостика через Юкспорйок. Научная станция университета, где нам предстояло проходить практику, помещалась в длинном барачке рядом с продовольственным магазином. Когда все подтянулись, сгрудились и

разобрали с пришедшей раньше машины свои рюкзаки и чемоданчики, Учитель сказал, чтобы все разбились на группы и взяли со склада палатки и спальные мешки с вкладышами. После этого он ушёл и оставил нас на попечение завхоза Никитича – низенького, плутоватого человека, который был дотошным при выдаче снаряжения и всё боялся, что кто-то не распишется в получении палатки или спального мешка. Только несколько ребят из всей группы имели отдалённое представление о том, как ставить палатки, поэтому оборудование лагеря растянулось часов до двух.

Когда всё было готово, пришёл Учитель, оглядел сооружённое, усмехнулся, но поправлять ничего не стал. У него был принцип: «Чтобы научить человека плавать, надо бросить его в воду». И этого принципа он потом придерживался до конца практики. После обеда, состоявшего из супо-каши – густого варева из макарон, сухого лука и мясной тушёнки – и чая, Учитель опять покинул нас, сказав только, что практика начнётся завтра и встать надо будет в семь часов утра. Как он рисковал! Ведь сумасбродная толпа – а мы были именно такой толпой – не знавшая ничего о коварстве этих с виду низких и доступных гор, могла вытворить что угодно... И вытворила! Как только он ушёл, все, кроме любителей пирожных, уставших от перехода, начали разбредаться группками, и у каждой группки было одно желание – влезть на гору. Я никуда не пошёл. Перебрался по валунам на левый берег Юкспорйока, улёгся на мягкую зелёную лужайку, сплошь заросшую ситником, и наслаждался прохладой – лечился от московской жары.

Вскоре ко мне подошла черноглазая однокурсница, чуточку влюблённая в меня, полагавшая, что меня надо утешать, так как меня бросила та, роман с которой у меня длился чуть ли не весь первый курс. «Коварная» предпочла мне, романтичному и душевному, любителя пива и футбола... Но я уже забыл эту сердечную драму и не вспоминал о ней, тем более сейчас, когда на меня обрушились новые впечатления – суровые виды каменистой заполярной земли. Но утешение однокурсницы принял... Она, бедная, не замечала, что я больше смотрел на окружающую природу, чем на неё. Особое мое внимание привлекли козы, бродившие беспризорно в окрестностях поселка и поедавшие всё, что можно было съесть. А коза может есть буквально всё, что имеет зелёный цвет. Эти козы напомнили мне детство, проведённое в Рославле, и многократно

усиливали приятное впечатление от мест, куда я попал. Бессонная предыдущая ночь всё-таки сказалась, и к ужину, к восьми вечера, в лагерь вернулись все, кроме группы из четырёх лыжниц и одного парня. Видя такое, часов в девять собрались на сходку и решили отправить делегацию к Учителю и сказать, что пятеро пропали. Тот не удивился и не взволновался. Он, видимо, считал это в порядке вещей, оделся по-походному, пришёл в лагерь и деловито расспросил всех о том, где видели пропавших в последний раз. Установив приблизительно, куда они пошли, он точно предсказал, что они где-то на склоне Расвумчорра и влезли на ступень, с которой ни вверх, ни вниз сами выбраться не смогут.

Учитель собрал всех ребят – нас оказалось десять – разбил на две пятёрки, дал каждой группе по верёвке, чтобы вытаскивать пострадавших, по биноклю, чтобы обнаружить их, и велел одной группе пробираться сверху, а другой – снизу. Я оказался во второй, а Учитель возглавил первую, так как полагал, что потерявшихся будет сподручней вытаскивать вверх. Когда группы вышли и разделились, с горы стали доноситься слабые крики – это вопили злополучные восходители. По этим крикам их быстро и почти одновременно нашли обе спасательные группы. Начали приближаться к тому каменному «прилавку», на котором оказались любители острых ощущений. Сверху к ним шли на крики, а снизу они были хорошо видны в бинокль. Нижняя группа подобралась быстрее, но по неопытности попала на осыпь. Та поехала вместе с нами вниз и чудом остановилась у края уступа высотой метров в двадцать. Сорвавшись, можно было и погибнуть, но по молодости и бесшабашности эта мысль не пришла никому в голову, и мы продолжали бороться с осыпью. В это время сверху донеслись радостные крики: это верхняя группа добралась до потерявшихся и начала вытаскивать их по верёвке вверх, откуда можно было безопасно вернуться в лагерь. Мы тоже, благополучно справившись с осыпью, добрались до станции. Когда эпопея закончилась, Учитель никого не упрекнул и где-то во втором часу ночи отправил нас досыпать, чтобы начать практику в восемь утра...

И начал он её, несмотря на свой принцип бросать в воду, чтобы научить плавать, всё же с беседы о технике безопасности. Рассказал об опасностях, связанных со снегом – снежных мостах над бурными потоками, снежных козырьках на краях горных плато,

движущихся осыпях и камнепадах, тут же показывая эти объекты в натуре, на склонах Юкспорра и Расвумчорра и объясняя, в чём опасность каждого. Впрочем, был он краток и рассказал обо всём бегло. В конце попросил составить список присутствовавших на беседе и расписаться, что каждый обязуется выполнять все требования техники безопасности при хождении и работе в горах. Учителя сменил старичок, которого все потом ласково называли Кеша (Иннокентий Константинович Тихомиров). Он прочёл лекцию об освоении Хибин и полезных ископаемых, которые здесь добывают и будут добывать, когда найдут дешёвые технологии извлечения того или иного металла из местных, уникальных минералов. Из своего старенького, как и сам, портфеля он извлекал и пускал по рядам кроваво-красные образцы эвдиалита, называвшегося ещё «лопарская кровь», палевые пластинки сфена, сахарно-белого апатита, тёмно-зелёного маслянистого нефелина и рекомендовал всем собрать за время практики личную коллекцию на память.

Я был весь во власти очарования Хибин, радовался благодатной прохладе и впервые почувствовал, что начинаю всерьёз учить-

Верховья долины Гакмана (Юкспор, Хибин). В верхней части склона расположена штольня быв. Ловчорритового р-ка. Фото: А.А. Евсеев.

ся. Стараясь не пропустить ни слова, записывал обзорные лекции в тетрадь и часто – чего со мною не бывало прежде за целый год в стенах университета – задавал вопросы самого разного характера. В обзорных маршрутах, которые начались сразу после лекций, тоже внимательно слушал слова Учителя и других сотрудников станции, совершенно перестал паясничать, писать озорные стишки и смешить ими однокурсниц. Но часть моего лирического прошлого всё же осталась при мне, лучше всего озвученное в стихах Роберта Бёрнса: «Растёт камыш среди реки, Он зелен, прям и тонок. Я в жизни лучшие деньки Провёл среди девчонок...» И на привалах, когда все отдыхали и закусывали сухим пайком, я пристраивался возле черноглазой однокурсницы, клал свою слегка кудрявую голову на её мягкие колени и блаженствовал. А она, млея от радости, что не оставляю её своим вниманием, запускала руку в мои пока ещё густые волосы и перебирала их. Однокурсники к этому привыкли и не обращали внимания, тем более, что на воле, среди прекрасной природы, мигом образовались и другие пары. Только Учитель изредка подшучивал над нами и говорил, что боится, что к концу практики численность группы может увеличиться. Или советовал кому-либо: «Не усните в объятиях своей любимой...» А иногда отпускал и более «солёные» шутки, чем приводил в смущённое негодование прежде всего пуританских лыжниц.

Кроме юмора, он перемежал лекции суровой северной лирикой. Так, широкие получаши в верховьях долин, по-научному — цирки, он в соответствии со скандинавской мифологией называл «кресла великанов». И мы воочию видели, что они и впрямь похожи на гигантские кресла с крутыми задними стенками, мягким дном и двумя отрогами хребта по бокам, напоминающими подлокотники. Всякому, обладающему хоть каплей фантазии, так и чудилось, что в кресле сидит огромное бородатое существо, голова его скрывается в облаках на вершине, большие руки покоятся на подлокотниках, а ноги, привыкшие одолевать огромные расстояния, спускаются вниз к реке или ручью. Читая лекцию на природе, Учитель старался сделать её нагляднее, и когда речь шла о растениях, набирал букет и называл каждое по-русски и на латыни. Сведения о растениях я записывал с особенным усердием и не раз переспрашивал, как правильно писать названия, интересовался «привычками» каждого вида, его способностью жить в определённых, подходящих ему условиях. Эти вопросы падали на благодатную почву. Учитель углублялся в предмет и рассказывал удивительные, особенно для первокурсников, вещи о том, что по растительному покрову можно определить, какие горные породы слагают местность. Что гораздо дешевле и скорее, чем обстоятельный геолог, географ может обнаружить месторождение полезных ископаемых, выходы грунтовых вод и даже определить приближённо их химический состав.

Последний обзорный маршрут Учитель проводил в соседнюю долину р. Вуоннемйок. Йок по-саамски значит река, а Вуоннем переводится двойко и прямо противоположно — то ли «долина отдыха», то ли «тёщиная долина». Вела в эту долину одна-единственная тропа через перевал Юкспорлак, которую после мы назвали «боевая тропа», и это название сохранилось даже на станционных картах. Выход Учитель назначил на восемь часов утра, поэтому встать нужно было на час раньше, чтобы позавтракать и уложить в рюкзаки всё необходимое, в том числе палатки, так как маршрут был запланирован с ночёвкой. Скорее всего, Учитель хотел наглядно показать нам прелести будущей профессии в соответствии со своим правилом.

Утро в день выхода выдалось пасмурным. Всё небо было затянуто низкими, серыми слоистыми облаками, из которых моросил мелкий дождь. Большинство из практикантов думало, что маршрут

Учитель отменит и поэтому не спешили собирать рюкзаки. Но на его лице была написана решимость, и я кинул в народ известную фразу: «Матч состоится в любую погоду» – и быстро собрал рюкзак. Сначала меня поддержали «лыжницы», а за ними и все остальные нехотя собрали рюкзаки и сиротливо стояли под дождём. Особенно несчастный вид был у пухленьких любительниц пирожных, но они изо всех сил крепились и готовили себя к худшему. Когда все были в сборе, Учитель вышел вперёд и повёл за собой пёструю толпу к началу «боевой тропы». Она начиналась в том месте, где в Юкспорйок впадал ручей Гакмана, названный по имени топографа, погибшего при изучении Хибин в 1930-е.

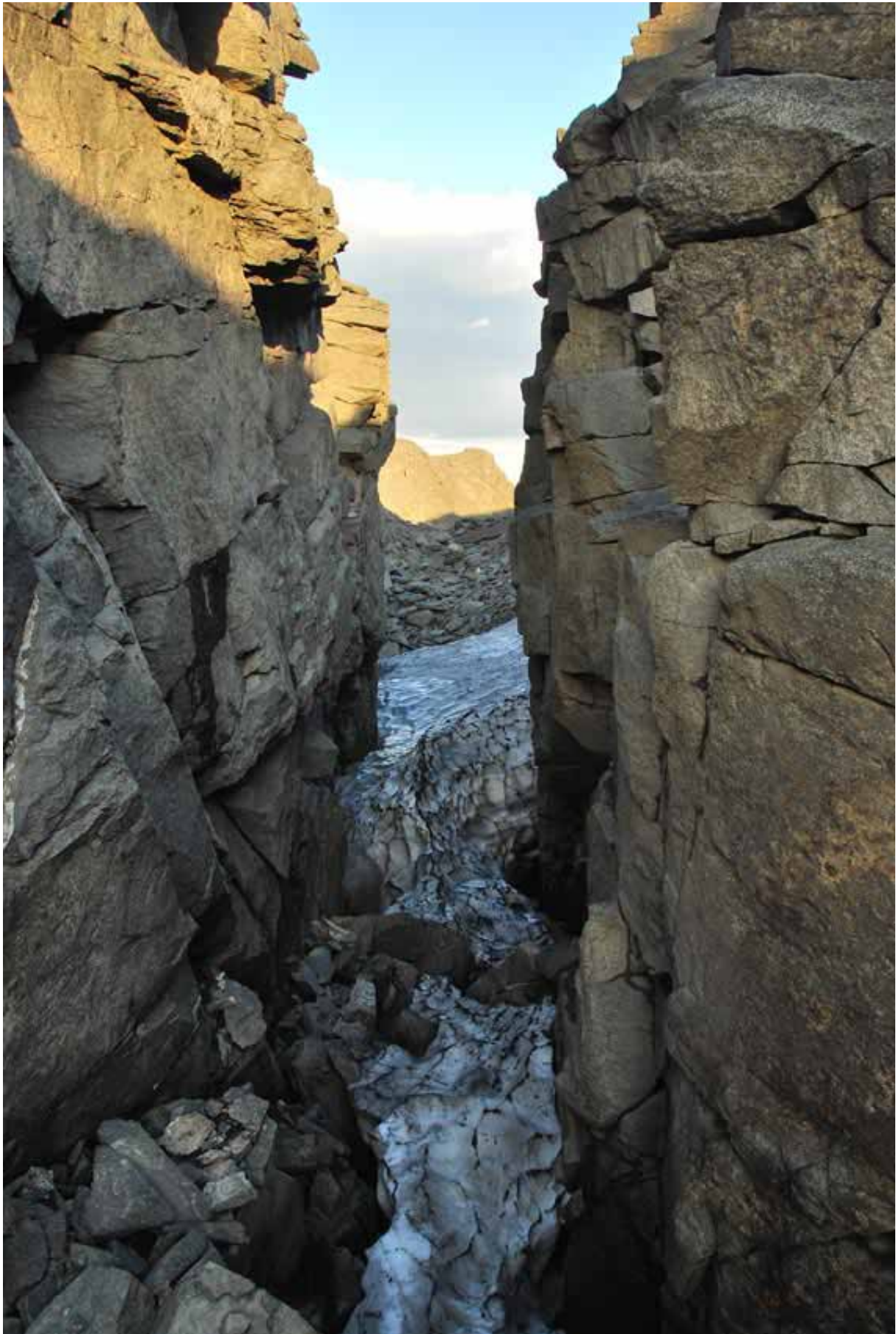
Вначале тропа шла по редкому елово-берёзовому лесу у подножья Малого Юкспорра и, плавно поднимаясь всё выше и выше, выводила в следующий по высоте ландшафтный пояс берёзового криволесья, где привычная нам берёза была совсем иной – низкорослой, с перекрученными искривлёнными стволами и отмёрзшими побегами в вершинах крон. Ростом эта берёза была три-четыре метра и росла не густо, разрозненно, не образуя сплошных непроходимых зарослей. Дождь неожиданно прекратился, облака стали тихо подниматься вверх, и впереди показались два ущелья, два перевала, а между ним треугольная скала, которую позже назвали «зуб мудрости Хибин...» На обоих перевалах лежал снег, и шедшие, как всегда, впереди «лыжницы», увидев его, заторопились, словно на встречу с любимым человеком. Но снег оказался совсем не таким, каким мы его привыкли видеть. Он был твёрдый, слежавшийся за зиму и весь покрыт ячеистыми углублениями, в которые удобно вставляли ноги, обутые в кеды или рабочие ботинки из свиной кожи с резиновыми подошвами. Снежки из такого снега лепились, но были жёсткими, крупнокристаллическими, в нём не было видно привычных ажурных или кружевных снежинок.

На перевале Учитель позволил отдохнуть. Сорвал растущее рядом со снежником растение и начал его жевать. Я тут же последовал его примеру и по вкусу определил, что это щавель, хотя листья у него были иными – округлыми, а не продолговатыми. «Это щавель арктический», сказал Учитель, видя моё недоумение, и добавил звучно по-латыни – *Rumex arcticus*. После привала перешли перевал по снегу. Идти было легко, только сквозь кеды и даже подошвы ботинок чувствовался холод. За снежником, по ту сторону

«зуба мудрости», открывалась глубокая долина. На противоположном, левом её берегу с чёрной высокой скалы, казалось, прямо из нависших серых облаков падают вниз три горных водопада. Ветер, дувший из долины, доносил их шум, а где-то внизу, в выбитой водопадами котловинке, окатывались валуны. Картина была величественная и все, подойдя к краю снежника, остановились и глядели. Учитель никого не торопил и вместе со всеми смотрел на эти водопады, хотя наверняка видел их десятки раз.

Прямо за кромкой снежника тропа круто поворачивала вправо и шла дальше по крупноглыбовой осыпи. По ней и пошли дальше. Впереди, как и раньше, шли «лыжницы», Учитель шёл в середине. А я старался держаться около него, чтобы не пропустить ни слова из того, что он говорил по ходу маршрута. Идти было труднее, чем по твёрдому снегу, и группа растянулась метров на сто. Учитель для подстраховки отстающих послал в конец цепочки Алика по прозвищу «Святой», чтобы он помогал, кому трудно, и в случае чего сообщил. Это было своевременно, так как утомлённые долгим подъёмом на перевал любительницы пирожных уже изнемогали и спрашивали, когда же дойдём до места. Впрочем, с непривычки устали все, кроме лыжниц. Несмотря на то, что тропа шла вниз, двигались всё медленнее и меньше замечали окружающую красоту.

А посмотреть было на что. Слева, чуть прикрытое сверху облаками, показалось ущелье Ферсмана. Дно его было загромаждено огромными глыбами выветрелой породы и выглядело совершенно диким, словно там никогда не ступала нога человека. Внизу, у подножья Юкспорра, а после ущелья Ферсмана – Эвеслогчорра, бежал, набирая воду из притоков, Вуоннемйок, и шум его иногда доносился сюда, наверх. Осыпь под ногами закончилась, и теперь мы шли по мохово-кустарничковой тундре, где почва была торфянистая, и во влажной коричневой массе у всех промокли ноги. Среди кустарничков голубики, толокнянки и вороники попадались иногда цветущие экземпляры неведомых доселе трав, но на них уставшие путники уже не обращали внимания. Сил оставалось только на крупное – вроде ущелья или длинной горы Эвеслогчорр, или виднеющегося впереди справа чёрного крутого обрыва Коашвы. Некоторые детали местности имели более позднее, русское название – цирк Снежный, цирк Буровой. Они воспринимались, как диссонансы к коренным саамским названиям.

Ущелье А.Е. Ферсмана

После кустарничковой тундры начали появляться отдельные берёзки, а потом вся наша цепочка втянулась в пояс густого берёзового криволесья. Ветер сюда не проникал, стало теплее. Идти стало трудно, так как местность была мелкохолмистая, приходилось то спускаться, то подниматься. Вдобавок в безветрии поднялись вверх из убежищ тучи комаров и набросились на вспотевших студентов. Для большинства это было непривычно и мучительно. Немного помогли сорванные ветки берёзы, которыми все обмахивались. Как ни странно, я от комаров почти не страдал. Во мне нарастало чувство радости, что я попал сюда, словно подсознательно знал об этом месте, стремился сюда и буду здесь счастлив. А тропа между тем подошла к подножью Коашвы. Учитель передал по цепочке, чтобы лыжницы остановились, дождался, когда все подтянутся и сказал: «Дальше идти под горой нельзя, здесь бывают сильные камнепады, особенно после дождей, и нам надо перейти на другой берег реки». Словно в подтверждение его слов где-то вдали раздался грохот падающих камней.

Река в этом месте была глубокой, и Учитель попросил кого-нибудь измерить глубину, чтобы решить, как переправляться. Я тут же вызвался, мгновенно разделся до трусов и клетчатой рубашки, взял в руку палку и решительно шагнул в реку. Температура воды была не больше пяти градусов, ноги почти сразу одеревенели и сделались нечувствительными к ушибам от устилавших дно камней. Прошёл туда и обратно и вернулся в мокрых до пояса трусах. «Придётся строить мост...» – сказал Учитель и, достав топоры, ребята принялись рубить росшие поблизости осины, обрубить с них сучья. Переодеться мне было не во что. Отошёл в сторонку, выжал трусы, надел их и почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Это была черноглазая «утешительница». Видимо, она хотела чем-то помочь, но увидев обнажённым, смутилась и убежала...

Когда я пришёл обратно, мост был почти готов, но не держался, его сносило течением. Кому-то нужно было держать его посередине и помогать переправляющимся. Учитель разделся до трусов и вошёл в воду. За ним пошёл и я. В это время одно из бревен вырвалось и ударило меня острым обрубок ветки по ноге. От холода я боли не почувствовал, схватил бревно, придвинул его к другому, и мы с Учителем простояли в ледяной воде, пока все не переправились. Когда вышли из воды, ко мне подбежала черноглазая. Уви-

дев на моей ноге глубокую рану, быстро нашла йод и бинт и перевязала её, поцеловала меня в губы и посмотрела долгим нежным, почти женским взглядом. Мне стало жарко, и я вспомнил, как день тому назад, увидев, что она куда-то уходит, пошёл следом и увидел её совсем обнажённую на корточках у ручья, моющую своё белое, не знавшее загара тело. Мне захотелось к ней, но я устыдился и вернулся в лагерь. И вот теперь этот поцелуй и нежный взгляд...

Между тем все, в разной степени уставшие, полагали, что после переправы пришло время разбивать лагерь. Но Учитель преподнёс сюрприз – заставил переправляться через реку ещё раз, но в совершенно других условиях. Он нашёл перекат, где течение было быстрым, но глубина меньше, всего до колен. Всем пришлось только разуться и подвернуть брюки. Я сразу сообразил, что Учитель показывает наглядно, где лучше переправиться. Переправились и стали разбивать лагерь в крайне неудобном месте, чуть ли не на заросшей крупноглыбовой осыпи. Боже, как мы неумело всё делали! Палатки стояли криво, костёр не разгорался, и на скорый ужин рассчитывать не приходилось. Любительницы пирожных, похудевшие за переход на несколько килограммов, лежали на зелёном мху и не могли пошевелиться от усталости. Кострище устроили безобразное – лопатой вырыли канаву в каменистом грунте, чтобы огонь не пошёл случайно в лес, вкопали две толстых берёзовых рогатины и на них положили, тоже толстый, берёзовый ствол, и на него повесили чайник и ведро. Костёр долго не разгорался. Истратили массу спичек. Делали всё это пять-шесть человек, остальные сидели и ждали.

Учитель молчал, но потом не выдержал и показал, как всё это надо делать. Принёс несколько больших плоских камней и выложил ими круг. Затем срубил две небольших, но крепких рогатины и длинную палку, на одном конце которой сделал перочинным ножом несколько зарубок. Рогатины воткнул за пределами каменного круга в землю наискосок так, что они соединились вверху. Палку воткнул под большой тяжёлый валун тоже за пределами каменного круга и положил на перекрестье рогатин. Край палки с зарубками оказался прямо над серединой круга. На него он повесил чайник, а в окаймлённом камнями круге стал разводить костёр. Сначала наломал под лапами ближайшей ели тонких сухих сучьев, сверху положил сучки покрупнее. Потом с одной спички зажёг костёр, и тот спустя несколько минут запылал со всей силой. Кострище Учителя

– это было наглядно видно – было лучше и удобнее того, туристического, которое соорудили наши ребята. Камни не давали огню выйти за круг, а с торчащей над костром палки было легко снимать чайник и кастрюлю – для этого саму палку не надо было трогать. Чайник Учителя быстро вскипел. Он снял его, засыпал заварку и начал поить самых страждущих. О том, что нам продемонстрировал, только и сказал: «Так делают саамы и охотники». А наши макароны с тушёнкой сварились где-то ближе к ночи. Вскипел большой общий чайник, все поужинали, улеглись в палатки и крепко заснули от усталости. Наутро попили чаю, собрались и пустились в обратный путь. Было видно, что Учитель водил нас в этот маршрут только для того, чтобы мы почувствовали «прелести» экспедиционной жизни...

А через день началась самостоятельная часть практики. Руководили ею сам Учитель, его жена – миловидная, белокурая, чуть полноватая женщина, Кеша и ещё один молодой сотрудник станции, не участвовавший в обзорных маршрутах. Нас разбили на бригады, и каждой дали участок для ландшафтной съёмки в крупном масштабе. Мы к такой высокопрофессиональной работе не были готовы, но таков был метод Учителя – бросить в воду, чтобы научить плавать. Как ни странно, будучи студентами старших курсов, мы поняли справедливость такого метода. Ибо, слушая лекции по специальным предметам, видели перед глазами живую природу, и её законы крепко запоминались благодаря виденному. Практика не обошлась без чрезвычайных происшествий. Однажды, в туман и магнитную бурю одна бригада ушла по ошибке с плато Юкспорр в другую долину и побрела в направлении Умбозера. Их искали целые сутки и нашли обессиленных в сосновом лесу на берегу р. Тульйок. В другой раз практику прервали на целых три дня. По городскому радио объявили, что из лагеря, перебив охрану, бежали одиннадцать заключённых, опасных рецидивистов. А после по Кировску и прилежащим посёлкам ходили слухи с ужасными подробностями. Рассказывали, что преступники ворвались в медпункт, изнасиловали молоденькую медсестру, а потом зарезали её, забрали спирт, лекарства и чайную заварку. От этих рассказов волосы вставали дыбом, и в сознание неопытных студентов вторгалась правда о параллельной жизни, которая идёт по звериным законам здесь же, в этих горах.

Водопад на р. Тульйок

В предпоследний день практики, когда большинство бригад уже сдали зачёт и с нетерпением ждали завтрашнего отъезда в Москву, в тесную камералку вошёл Учитель. Долго оглядывал своих учеников и учениц, назвал несколько фамилий и сказал: «Пройдёмте ко мне, мне с Вами надо поговорить». Среди приглашённых оказались, кроме меня, Осетров по прозвищу Святой, Полканов, Косолопов и две Наташи – лыжницы Грошенкова и Епифанская. В кабинете усадил нас и неожиданно предложил остаться после практики и поработать в экспедиции в долине Вуоннемйок и на восточных склонах Хибин – проложить трассу для будущей дороги к новому месторождению апатита в недрах г. Коашва. Немедленного ответа не потребовал и договорились, что о своём решении сообщим к ужину. Когда мы вышли от Учителя и рассказали всем о его предложении, многие позавидовали нам. Лишь любительницы пирожных, мечтавшие скорее вернуться в Москву, кисло улыбнулись и чуть ли не хором сказали: «Подумаешь, больно надо здесь комаров кормить из-за каких-то лишних денег!»

Однако, моя черноглазая расстроилась и долго сидела задумчивая. Потом просветлела лицом и пошла к лыжницам. Начала с

ними о чём-то шептаться – уговаривала одну из них отказаться от работы в экспедиции, чтобы дать ей возможность... Какую возможность – лыжницы поняли с полуслова, и одна из них – Епифанская – уступила место. Вечером черноглазая (пора назвать её имя – Рита) пошла к Учителю. Тот понимающе улыбнулся, но попытался отговорить её, ведь в экспедиции придётся работать, таскать рюкзаки по тридцать килограммов. Но она была непреклонна, и он дал добро, утвердил окончательный состав экспедиции, а точнее – изыскательского отряда. Начальницей назначил молодую аспирантку Людмилу Петровну Полканову (сестру одного из студентов в составе отряда). За собой оставил научное руководство, потому что на станции было много других дел, и он не мог постоянно быть в долине Вуоннемйок. Но обещал изредка приходить, чтобы давать консультации.

3

На следующий день, после отъезда практикантов в Москву, весь отряд в полном составе съездил в Кировск в баню, а вечером при участии Учителя собрали оборудование, палатки, провиант, чтобы назавтра выйти в путь и разбить первый лагерь на восточном склоне Хибин на берегу р. Умболки. Оттуда в течение месяца предстояло пройти вдоль склона, а затем по долине р. Вуоннемйок до Коашвы, до цирка Бурового. Пока студенты, а теперь – рабочие и коллекторы собирали с завхозом всё необходимое, Учитель вместе с Людмилой Петровной сидели над крупномасштабной картой и намечали места будущих лагерей и необходимые научные маршруты из них к интересным с точки зрения дорожного строительства объектам. Управились с делами к полуночи, утром оставалось только закупить свежий хлеб на первое время. Утро следующего дня выдалось пасмурным, но без дождя. Пока закупали хлеб, шофёр Зина – огромная женщина с мужским голосом – подала к крыльцу барака старенькую машину. Все погрузились, помахали руками остающимся и поехали через Кировск, потом по старой плохой дороге. В месте, где она подходила близко к неведомой Умболке, выгрузились.

Учитель провожал нас. Сразу после выгрузки на большой ели мы сделали затёс и чёрной краской написали № 1, попрощались с Учителем и прямо с рюкзаками начали прокладывать первый от-

резок будущей дороги до переправы через Умболку. Ребята рубили просеку и делали затеси в местах поворотов. Тусик и Рита малевали на затесях номера точек, определяли направление по допотопному гониометру, измеряя расстояние мерной лентой. Людмила Петровна наносила трассу на карту простым карандашом. Благополучно переправились через неглубокую Умболку, прошли с работой ещё несколько километров и пришли к месту первого лагеря. Здесь рос высокий, не по-северному могучий, но всё же редкий еловый лес с напочвенным покровом из черники и зелёных мхов. Ягод было великое множество и, прежде чем разбивать лагерь, все до отвала наелись. Пока «паслись», видели много медвежьих следов, отчего протекающий рядом безымянный ручей назвали Косолапкой и нанесли название на карту.

Лагерь разбили более-менее приличный: палатка стояла крепко, костёр развели по-саамски, как показывал Учитель. Поужинали обычной супо-кашей, попили чаю и улеглись в одной восьмиместной палатке. Мы с Ритой оказались рядом – только руку протяни. И когда все уснули, наши руки встретились. Спустя некоторое время она притянула мою руку и положила её на свою обнажённую грудь. Так мы и пролежали всю ночь, задремали лишь под утро. В шесть часов встали совершенно измученные и работали весь день с трудом...

А работа была трудной. Людмила Петровна послала меня с Полкановым рубить просеку, так как одному справиться было трудно, Косолапова и Святого – разведывать, куда вести трассу, чтобы не попасть в зоны влияния селевых потоков, лавин и камнепадов, девочек – на приборы. Сама, как хозяйка, обходила участок, делала его геоморфологическое описание и наносила на карту все интересные и важные природные объекты и явления условными знаками. Здесь, с высоких горных вершин Ловчорра и Расвумчорра, вылетали весной, всё сметая на своём пути, мощные селевые потоки. Их конусы выноса представляли собой хаотическое нагромождение камней разной величины вперемешку с вырванными или сломанными деревьями. Трассу нужно было вести в обход, чтобы не строить потом дорогостоящие защитные сооружения. А возле г. Китчепахк Людмила Петровна обнаружила и лавинные конусы выноса, тоже глубоко врезавшиеся в еловый лес. Поэтому вся трасса от Умболки до Вуоннемйока прошла на удалении от гор.

Работали здесь целую неделю, и распределение обязанностей оставалось первоначальным. Мы с Ритой почти все ночи не спали и думали об одном – как бы сходить вдвоём в маршрут. Это неожиданно удалось уже в следующем, втором по счёту лагере на берегу Вуоннемйока. Людмила Петровна видела, что её помощники находятся в неравных условиях, и решила всё поменять. Она поставила на рубку Святого и Косолапова. Не забыла и о девочках, разрешив им ходить в разведочные маршруты с кем-либо из ребят поочередно, чтобы не запороть измеренные объекты. Непогода к этому времени кончилась, над Хибинами установилась короткая пора «бабьего лета». Среди тёмно-зелёных, почти чёрных островерхих финских елей сверкала на солнце желтизна берёзовых листьев, по небу плыли белые кучевые «облака хорошей погоды». По ночам были заморозки, комары разом пропали. В Хибинах установился «бархатный сезон», как пошутила Людмила Петровна. В один из первых дней этой золотой осени идти в маршрут выпало нам с Ритой. Накануне вечером, когда дежурным по кухне был я, Рита пошла вместе со мной помыть посуду и тихо сказала: «Давай сегодня отоспимся, чтобы завтра нам было хорошо...» Так и сделали, проспали без сновидений и проснулись свежие и радостные.

После завтрака первыми вышли в маршрут и решили сначала выполнить задание, а потом... Что «потом» мы друг другу не го-

Смолёвка бесстебельная (Арктосмолка бесстебельная)

ворили, но чувствовали, что это сокровенное... С работой управились к полудню, нанесли всё, что нужно, на карту, перекусили, на минуту смутились, а потом обнялись и поцеловались долгим поцелуем, не опасаясь, что кто-то увидит и осудит. Согласно, не сговариваясь, пошли прямо на север к округлой г. Суолуайв. Сначала по редкому еловому лесу, потом попали в совершенно похожий на Подмосковный березняк с мягкой шёлковой травой под ногами. Только берёзы были невысокие, с аккуратными, словно подстриженными кронами и толстыми, быстро сужающимися к вершине стволами. Я хотел остановиться здесь, но Рита прошептала: «Что ты, здесь всё видно...» – и потянула вверх по склону. Там, на обвееваемом ветрами склоне, мы и нашли приют – старую низкорослую ель, уже лет сто борющуюся за существование. Крона была развита только до того уровня – метр с небольшим от земли – до которого её укрывал снег. Выше ствол был совершенно голый – летящие с огромной скоростью снежинки срезали с него любой побег и даже обдирали местами крепкую кору. А выше метра на полтора веточки всё же оставались и образовывали что-то вроде зеленого флага, указывающего преобладающее направление ветра. Из-за того, что в корнях сохранялась сила питать ветви всего дерева, пища шла на

ветви нижней кроны, которая была похожа на юбку, так и называлась. На ней можно было сидеть, а под ней было сухо и уютно. Вся земля была устлана слоем опавших хвоинок и поэтому мягкой.

Рита нашла лаз под ветви нижней кроны, забралась туда и аккуратно обломала сухие веточки, чтобы они не мешали, и пригласила меня в наш приют. «Давай только не торопиться...» – прошептала она и начала медленно раздеваться, аккуратно расстилая одежду. За ней, но вовсе не медленно, разделся и я. Как Адам и Ева в день грехопадения, мы забылись в объятиях до вечера... Для нас это было впервые, мы не могли скрыть волнения... В урочный час оделись, посидели немного обнявшись и пустились в обратный путь. Полный только что пережитым, я вспомнил, как об этом написано у немецкого писателя Э. Штриттматера: «Она накрыла его краешком неба...»

После хорошей погоды зарядили дожди и длились целую неделю. В маршрутах пришлось делать перерывы, чтобы развести костёр и подсушить промокшую одежду. К сожалению, нас никто не учил беречь природу, и мы жгли огромные варварские костры, которые назывались «Ташкент». Сначала клали растопку, сверху наваливали кучу свежесрубленных еловых веток и всё это поджигали. Вначале, пока хвоя подсыхала, из этой кучи валил беловато-жёлтый дым. Затем вспыхивало пламя, и вокруг костра быстро распространялся жар, который позволял прямо на плечах подсушить штормовки и брезентовые, стоящие колом, плащи. Такой костёр довольно быстро прогорал. Чтобы обсохнуть, приходилось обдирать не одну медленно растущую северную ель. Несмотря на дожди, отряд не выбился из намеченного плана и в начале следующей недели перебрался на новую стоянку, тоже в долине Вуоннемйока у небольшого ледникового озера.

Здесь произошло несколько забавных событий. Во время дежурства по кухне Святой вместо сухого картофеля бухнул в кастрюлю сухой лук. Все ворчали, а он отшучивался и говорил, что в Париже такой суп считается деликатесом. Суп пришлось есть, и все ели до момента, пока Полканов не вытащил из своей глубокой миски носок Святого, который тот тоже сварил... Возмущению всех не было предела, а Тусик вырвало от отвращения. В другой раз всех удивил Косолапов. Он вернулся в лагерь бледный, долго не отвечал на вопрос: «Что случилось?» Только через полчаса на

вопрос Людмилы Петровны он глухо ответил: «Я убил...» «Кого убил?» – всполошилась Людмила Петровна. «Куропатку...» – ответил он и достал из-за пазухи небольшое птичье тельце. Оказалось, он метнул геологический молоток в стайку кормящихся птиц и одну случайно убил. Добычу ошипали, сварили, съели. Каждому досталось по маленькому кусочку коричневого мяса.

И со мной приключилась беда – вдруг начала опухать кисть левой руки. Я сразу вспомнил, что давно, ещё во время первого похода с Учителем в долину Вуонемйока, рубя ветки елей, я угодил топором в косточку на сгибе среднего пальца. Ранка быстро затянулась, но внутрь, видимо, попала грязь, которая и дала воспаление. Когда рука стала синеть, Людмила Петровна строго сказала: «Ты сегодня же пойдёшь в Юкспорйок, а потом поедешь в Кировск, в поликлинику. С этим шутить нельзя». «Можно я провожу его хотя бы до перевала?» – с надеждой спросила Рита. «Конечно, можно» – ответила Людмила Петровна и понимающе улыбнулась. Позавтракав, мы вышли в путь. Сразу за лагерем Рита взяла мою руку в свою и не выпускала. Через реку я перенёс её на руках, хотя левая болела и напоминала синий обрубок. За переправой была можжевельниковая пустошь. Мы присели отдохнуть, начали целоваться. Рита прерывисто задышала и прошептала мне в ухо: «Ты не будешь считать меня после распутной девкой?» Я понял, о чём она, и помог раздеться... И она опять «накрыла меня краешком неба...» Но тут же спохватилась: «Что я делаю, рука, наверное, болит...» «Не болит» – соврал я. Мы быстро нашли «боевую тропу» и пошли по ней к Юкспорлаку. Я хотел отправить её сразу обратно, но она дошла до самого снежника на перевале, зацеловала меня, повернулась и побежала назад, не оглядываясь, словно боясь, что не выдержит и пойдет вместе со мной в Юкспорйок.

Отсутствовал я целую неделю. Как определила женщина-хирург, у меня оказалась инфицированная рана, которую она вскрыла ножницами и аккуратно выдавила весь скопившийся гной. Потом прописала простое лечение – марганцовые ванны, и я добросовестно исполнял предписание, благодаря чему рука быстро зажила. Ровно через неделю, нагруженный «под завязку» свежим хлебом, я вернулся в лагерь, где застал переезд на последнее место стоянки, и включился в работу. Кроме Риты особенно рад был моему возвращению единственный наш курильщик Полканов, ко-

торому я принёс папиросы. Запас у него кончился, и бедняга курил самокрутки из сухого ивового листа, сильно кашляя от горечи.

Несколько дней спустя в лагерь к вечеру пришёл Учитель. Он долго беседовал с Людмилой Петровной и всеми остальными, не делая различий между ею и несмышленишками-первокурсниками. А на следующий день, взяв в сопровождающие Людмилу Петровну и меня, пошёл осматривать всю сделанную трассу. На этот раз Учитель шёл быстро, мы едва успевали за ним. У поворотов трассы останавливался, брал карту и толково объяснял, где трасса проложена не так, как надо, и почему. Людмила Петровна записывала замечания и обещала исправить в оставшееся время. Заночевали у восточного склона, где-то на берегу Косолапки. Чтобы тепло было спать без палатки, разложили охотничий костёр. Учитель вбил в землю четыре колышка попарно, на расстоянии нескольких метров друг от друга, а пары поставил так, чтобы огромные сухие лесины можно было несколько асимметрично положить друг на друга. Потом разжёг растопку, и огонь устремился в зазор между лесинами, охватил их по всей длине. По мере сгорания верхняя опускалась на нижнюю, и тепло, отражаясь от косо натянутого тента, согревало спящих. По одну сторону костра лёг я, по другую Учитель и

Перегон Юкспоррйок – Вудъявр

Людмила Петровна. Сквозь сон я слышал, как он уговаривал её, но она отказывалась: «Он же не спит...» Поутру увидел, что Учитель бодр и весел, а Людмила Петровна грустно-радостная, и глаза у неё блестят...

Пройдя трассу до конца, сели на прибывшую по договоренности машину и приехали в Юкспорйок. А на следующий день мы с Людмилой Петровной, нагруженные свежим хлебом, вернулись в лагерь. Работы оставалось на неделю, и первый же день ознаменовался чрезвычайным происшествием. Тусик и Рита, выйдя на прорубленную просеку, увидели, что у зарубки кто-то стоит. Они подумали, что это кто-то из ребят и хотели окликнуть. Но тут Рита поняла, что это медведь. Обе перепугались, а медведь копошился у зарубки, ел ягоды и переворачивал лапой камни в поисках мелкой съедобной живности. Так продолжалось довольно долго. Рита и Тусик, скорее всего с перепугу, не зная, что делать, запели «Бригантину». От неожиданности медведь подпрыгнул и побежал сломя голову, треща кустами и испражняясь по пути. Весь лагерь вечером смеялся, что наши красавицы так хорошо поют, что медведь испугался и пометил всю просеку. После этого случая Людмила Петровна дала девушкам охотничье ружьё, чтобы они смогли отпугнуть зверя, но тот больше не появлялся. «Убежал в Тульйок» – шутили мы.

Приезжал к нам в лагерь и представитель комбината «Апатит» по фамилии Леер. Ведь мы именно по договору с комбинатом производили изыскания. Для порядка осмотрел ближайший к лагерю участок будущей дороги и остался доволен. К концу недели мы закончили все работы. Нам с Ритой довелось только раз остаться наедине после маршрута. Было так же хорошо, как и в первый раз, но к радости от глубокой близости примешивалась грусть от предстоящего расставания. Рита шептала: «Как же я буду жить без тебя...» А я утешал, говоря, что и в Москве найдётся возможность встречаться. В день возвращения проснулись рано – думали, что проспали, так было светло. Вышли из палатки и увидели, что всё вокруг – в свежем снегу. «Кончили вовремя...» – пошутила Людмила Петровна и стала помогать дежурному готовить завтрак. Собрались часам к одиннадцати, вышли на «боевую тропу» и пошли по ней с тяжёлой поклажей всё выше, выше и выше – к перевалу Юкспорлак. Добрались до него за полтора часа, чуток посидели и

ещё через час с небольшим оказались на станции. Быстро пообедали, переоделись и поехали в город, в баню. Мылись долго, словно смыть нужно было не только грязь, но и усталость от долгой полевой работы. Назавтра Людмила Петровна съездила в комбинат «Апатит», получила деньги и рассчиталась со всеми. Заработали по тем временам много, и каждый планировал, какие подарки купить родным. В последнюю ночь в Юкспорйоке мы с Ритой заперлись в маленькой комнатке и вышли оттуда только под утро, измученные и счастливые. Теперь мы уже ни от кого не скрывали того, что между нами произошло.

В последний перед отъездом вечер Учитель повёл всех в городской ресторан – отпраздновать окончание сезона. Пили водку с шампанским – знаменитое «Северное сияние», и Полканов так упился, что начал лапать молоденькую симпатичную официантку. Запахло скандалом и Учитель повелительным тоном сказал мне и Косолапову: «Уведите его!» Делать нечего, и хоть нам не хотелось уходить, мы пили мало и хотели посидеть, послушать байки Учителя, но ослушаться не смели. Крепко взяли нашего товарища и вывели на свежий воздух. Он начал было артачиться и кричать на всю площадь перед рестораном, что хочет переспать с этой ..., но вырваться и пойти обратно ему не удалось, и мы медленно побрели по дороге в Юкспорйок. На полпути Полканов немного очухался и хмуро сказал: «Отпустите, не убегу...» Мы отпустили, и он покорно шёл рядом с нами до самой станции. Сразу же легли спать, а я стал ждать Риту. Вернулась она часа через три вместе со всеми, но спать не легла, а взяла меня за руку и повела гулять в ближний еловый лес. Там были целые поляны травянистого растения – дерена шведского с белыми четырёхлепестковыми цветами, а сейчас виднелись красноватые плоды. Прогуляли мы до утра, на прощание нашли сухую полянку и целовались до утра...

В поезде до Москвы ехали весело – пели песни и думали о предстоящей встрече с родными и знакомыми. Рита была немного грустной, словно предчувствовала, что у нас с ней больше не будет так хорошо, как в этих суровых и одновременно нежных горах. А я думал о другом – о переходе с кафедры климатологии на кафедру географии полярных стран, чтобы всю жизнь работать на любимшемся севере. Ведь Учитель, когда узнал, что я климатолог, грубовато сказал: «Что же Вы выбрали такую хреновую кафедру?»

Я тогда опешил, но Учитель нашёл время и подробно объяснил мне, почему он так думает. По его словам выходило, что климатологи и метеорологи, измеряя температуру, делают ненужную работу, потому что ни одно тело, ни одно живое существо на земле не живёт при этой температуре, а изменяет её, приспособливает к себе путем испарения. Ещё Учитель говорил об учёном Пузанове, который своими статьями разрушил современную климатологию, введя понятие о реально-эквивалентной температуре. И даже познакомил меня с этим учёным, живущим почему-то в Кировске, и тот подарил мне оттиски своих статей. В них и рассказах Учителя я тогда мало что понял, но восхитился смелостью этого человека. Потом, много лет спустя, я узнал, что он был в ссылке по какому-то нелепому обвинению и оставлен после отбытия срока на вечное поселение.

В Москву приехали утром, торопливо простились и разъехались по домам. До занятий оставалось несколько дней. Всё это время мы с Ритой не виделись, а только перезванивались по телефону. Да и увидеться, как нам хотелось – наедине – было совершенно негде. Наши семьи жили в крохотных комнатках в больших коммунальных квартирах. Ждали начала занятий, когда, может быть, удастся изредка встречаться в общежитии, выпросив ключ у кого-либо из сокурсников. Тем более, что Тусик тоже жила в общежитии и вот-вот должна была вернуться из Владимира. На неё мы буквально набросились в первый же день, выпросили ключ и убежали с последней лекции. Но прежней радости не было. После объятий Рита лежала неразговорчивая, даже хмурая. А спустя неделю сказала, обняв меня как-то по-матерински: «Знаешь, милый, нам надо расстаться... мы разные...» Я ошеломлённо молчал, хотя и сам, несмотря на упоение близостью, смутно чувствовал неладное. После этого разговора мы перестали встречаться у Тусика и виделись только между лекциями или в столовой, неизменно улыбаясь друг другу грустной улыбкой. Однажды я подошел к ней, взял за руку и сказал: «Я всегда буду помнить тебя...» Она промолчала, в глазах у неё я увидел слезы. Так окончился роман, подаренный мне Хибинами...

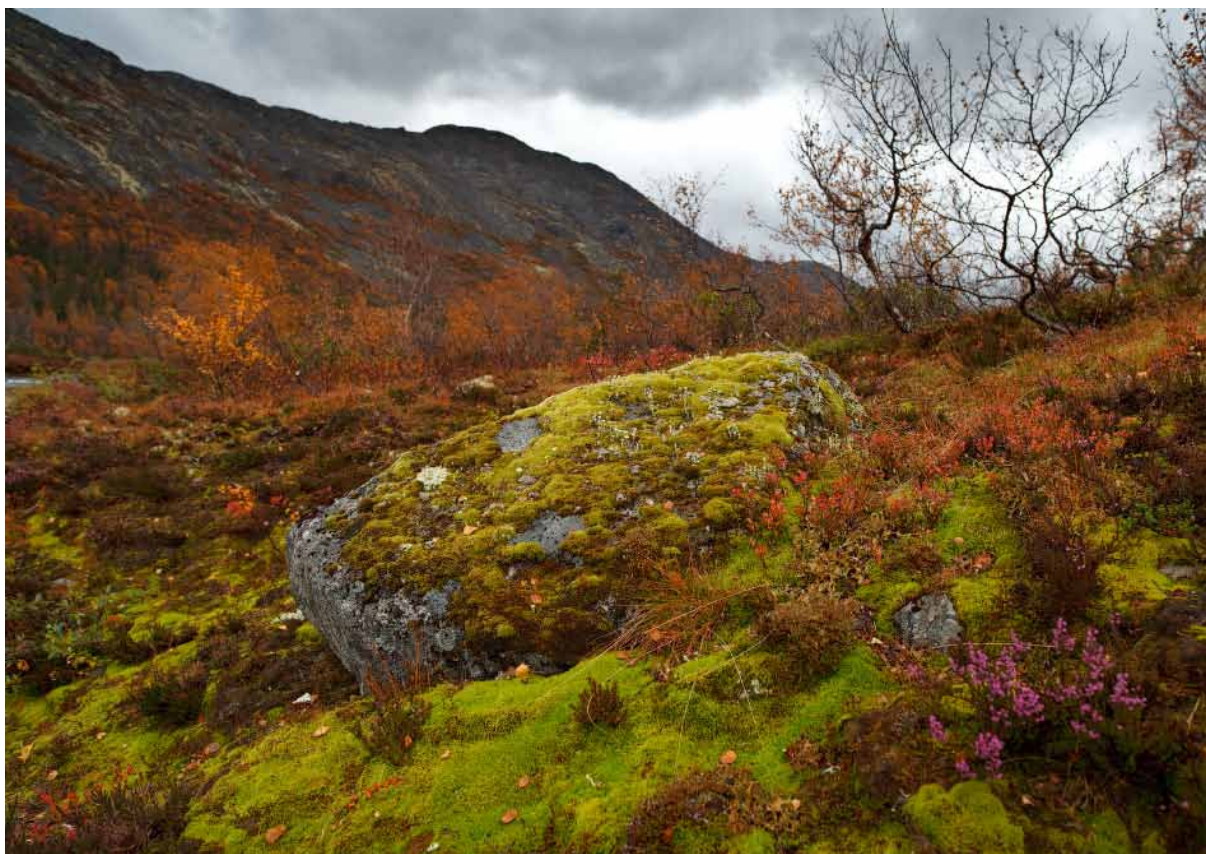
Как и собирался, я поменял кафедру и утянул за собой Святого. Мы стали ходить вместе и подружился. Он был оригинальным человеком. Обладал острым, дотошным умом, ходил всю зиму без пальто, в тоненьком лыжном костюме, но в шапке с опущенными

ушами, а в Хибинах иногда босиком по камням. В студенческой среде был известен диковатыми шутками. Так, однажды достал где-то коровий хвост и аккуратно, никто и не заметил, прицепил его на хлястик пальто девушке, в которую был влюблен. Она так и вышла из Университета. Все оборачивались и смеялись, пока кто-то не пожалел её и не снял этот хвост. Учился Святой только на отлично и частенько помогал мне. В группе североведов кроме нас были ещё две девушки из Подмосковья. Лекции по спецпредметам мы слушали прямо в кабинете заведующего кафедрой Вениамина Григорьевича Богорова, сидя на роскошном чёрном диване. Где-то в апреле, когда в Москве объявилась ранняя жара, я всерьёз затосковал о Хибинах и с нетерпением ждал полевой практики в Подмосковье, после которой можно будет туда уехать. Именно там по учебному плану у североведов должна быть полевая практика по специальности. Рита неожиданно для всех бросила геофак и, сдав экзамены, перевелась на мехмат. Там вышла замуж за длинного худого математика и родила ему ещё во время учёбы двойню...

4

Я не вытерпел до конца Подмосковную практику и попросил разрешения перенести две из них – по гидрологии и метеорологии – в Хибины. Получив разрешение, уехал. Святой тоже поехал. А в ночь прощания с Красновидово мы устроили в лагере дикую пьянку, за что нас могли запросто вышибить из университета. К счастью, мы успели уехать на север, а когда в октябре вернулись, страсти уже поутихли. Две первые недели мы проходили практику под руководством Кеши. Он сначала водил нас по рекам и ручьям, и мы измеряли разными способами скорость течения и расход воды, а также составили гидрографическое описание долины. А потом Кеша отправил нас на неделю на метеостанцию Юкспорр, где мы освоили азы наблюдений за погодой. Станция представляла собой длинный барак, где жили наблюдатели и находились производственные помещения. Нас поразило, что продукты на 600-метровую высоту доставлял в рюкзаке 60-летний старик, а куропаток сотрудники стреляли прямо из форточек.

Получив зачёт по двум практикам, мы стали ждать приезда однокурсниц – чёрненькую Настю и пшеничную Марусю. Встретили их, как положено, в Апатитах – поехали к прибытию поезда и

подарили каждой по букетику цветущего, пахнущего мёдом вереска. Девочки были растроганы и, несмотря на пуританское воспитание, позволили поцеловать себя в щёки. Я норовил добраться до полных Настиных губ, но она ловко увернулась и хмуро сказала: «Ещё чего!» Я с тоской вспомнил Риту и пожалел, что её нет здесь, а о Насте подумал: «У, собака на сене!» Некоторое время дулся на неё и неохотно ходил с ней в маршруты. Но потом свыкся и стал находить в её неуступчивости какую-то прелесть и в конце-концов позволил себе лёгкую летнюю влюблённость. Ведь мы были на севере, а лето здесь заставляет всех сходить с ума и совершать невероятные поступки, что давным-давно заметил любимый мною великий норвежец Кнут Гамсун.

А на станции произошли крупные перемены. Уже не было Учителя – он переехал в Москву и должен был на третьем курсе читать лекции по физической географии полярных стран. Вместо него начальствовать приехал старый полярник Константин Максимилианович Громов, которого молодые сотрудники станции беззлобно окрестили Зевсом. С ним была неработающая жена, приблудившаяся к ним где-то на севере Сибири старушка Анна Васильевна и полюбившаяся всем собака. Она сопровождала Зевса

во всех маршрутах и азартно охотилась на милых мышеобразных зверьков – леммингов или пеструшек, которых в то время в Хибинах было великое множество. Они плодились невероятно быстро – самки рожали по двенадцать лемминжат. Эти крохи бесстрашно бросались навстречу людям и огромной собаке, защищая свой подземный дом и многочисленное потомство.

Летом весь персонал станции жил в напряжении. Часто, даже не предупредив, из разных университетов и институтов огромной страны приезжали группы практикантов. Всех надо было разместить, наладить им питание и, главное, обеспечить руководителями, поскольку сопровождавшие преподаватели были, как правило, не готовы к этому и о Хибинах знали только то, что здесь добывают апатит. Частенько утром, когда сотрудники и свои немногочисленные практиканты завтракали или собирались в маршруты, в столовую (она же – камералка) входил Зевс и говорил с грустной улыбкой: «Ну, ребятки, кыл идёт!» Эту любимую фразу он привёз из Сибири, где местные жители этими словами обозначают сезонную миграцию оленьего стада из лесотундры и тайги в тундру на летнее время. Услышав знакомые слова Зевса, мы вскакивали с мест и высыпали на улицу, стараясь по виду толпы угадать, кого и откуда сегодня к нам принесло. Потому что от этого зависело, состоятся сегодня запланированные маршруты или нам вести чужие группы и рассказывать, что мы знаем о любимых Хибинах. Мы и сами мало что знали, но для приезжих этого было достаточно. У большинства практики носили туристически-экскурсионный характер, главным было «влезть на самую высокую гору» без её изучения. Такие группы вызывали глубокое презрение у аборигенов станции, но водить их тем не менее приходилось.

Кого тут только не перебывало! Но в этот первый самостоятельный год мы со Святым старались не водить группы, чувствуя себя неуверенно и стремясь набраться знаний. Я прямо говорил Зевсу: «Зачем Вы меня на позор выставляете, Константин Максимилианович? Вот я подучусь и на следующий год буду водить кого угодно и куда угодно!» На это Зевс невозмутимо отвечал: «Коля, Вы перед ними профессор уже сейчас и, кроме того, мне некого больше послать, все заняты. Вы же сами видите...» И я нехотя шёл, хотя мне больше хотелось пойти сейчас в маршрут с Настей, чтобы постепенно добиться её благосклонности... Конечно, я был

несколько легкомысленным и увлекался мгновенно. Пытался ухаживать за неприступной Настей и в то же время получал письма от другой однокурсницы отнюдь не товарищеского содержания. За плечами были встречи с ней в зелёном апрельском Измайловском парке с нежными поцелуями и прогулками «куда глаза глядят...», ночёвка в стогу сена во время подмосковной практики, хотя и без желанных последствий...

Но в это, второе в Хибинах, лето я прежде всего учился у всех и усиленно занимался самообразованием: читал имевшиеся на станции книги, делал выписки, копировал карты – словом, следовал одному из главных советов Учителя: «Книги есть, голова есть...» В результате заметно вырос за лето как начинающий исследователь, собрав материал о долинных тундрах в Хибинах. И потом написал статью, которую опубликовали в сборнике студенческих научных работ. И с Настей у меня неожиданно всё уладилось в самом конце сезона, когда мы вдвоём, после долгих уговоров, пошли в десятидневный маршрут. Был уже сентябрь, ночи стояли холодные, с заморозками, и мы мёрзли в своих широких спальных мешках. Не надеясь на успех, я предложил Насте спать вместе. Первая реакция была известной: «Ещё чего!» Но потом она согласилась, так как была мерзлячкой от рождения и страдала больше всего от холода. Но согласие она скрепила чуть ли не письменным обещанием, что я не буду к ней приставать. В первую ночь я не мог заснуть, но удержался, только придвинулся к ней. Она хотела было отпрянуть, но было некуда и, промучившись с час, она ощутила прелесть в этой близости, ведь от меня шло тепло и согревало её спину и ноги. Успокоенная, она уснула.

В следующую ночь я обнял её, и она с ужасом почувствовала, что ей это приятно. Какое-то время, как и я, не спала, а утром проснулась, охваченная моральными сомнениями: так ли она себя ведёт, как подобает честной советской девушке, комсомолке... Но белое безумие севера уже опустилось на её сердце, и с предчувствием то ли беды, то ли чего-то хорошего... на третью ночь она легла со мной. Я обнял её, погладил плечи, потом коснулся маленькой упругой груди. Она хотела вырваться, вскочить и убежать, но неведомая сила оставила её лежать. А потом она тихо повернулась ко мне, обхватила мою шею руками, нашла мои губы и стала неумело целовать... Потом отпрянула и сбивчиво прошептала: «Я не могу

дать тебе, что ты хочешь, я ведь крещёная... Если можешь, просто полежи со мной... погрей... мне это приятно...» И я до самого последнего дня нашего маршрута грел её, хотя это давалось мне с трудом. В последнюю ночь мне стало совсем невмоготу. Я вылез из спальника, сел на корягу возле палатки и закурил. Сидел и уже не надеялся ни на что, как вдруг услышал, что она зовет меня... «Замёрзла...» - с раздражением подумал я и влез в палатку, а потом и к ней в спальный мешок. Чтобы не соблазняться, повернулся к ней спиной и всю ночь грел её, вспоминая куплет из песни: «Не ходи ты, Ваня, понапрасну, Зря себя ты не тревожь, Всё равно ничего ты не получишь, И дураком домой пойдёшь!» На станции мы делали вид, что даже не целовались ни разу.

Она с подругой уехала раньше на неделю. Перед отъездом позвала меня погулять в ближний лесок и там милостиво поцеловала долгим поцелуем. Мы со Святым должны были пробить в Хибинах ещё неделю, но неожиданно пришла телеграмма из деканата – мне грозило отчисление за несданный зачёт по физкультуре. Я вынужден был уехать. Святой поехал со мной, чтобы поддержать в трудную минуту. Слава Богу, всё окончилось благополучно. Хотя и с трудом, я пробежал положенные километры и получил зачёт. Так закончилось второе Хибинское лето, можно сказать, на полугрустной ноте...

Прошла зима. В апреле, как и в прошлом году, я затосковал и на следующий день после окончания сессии на законном основании вместе со Святым уехал в Хибины. Было начало июня, когда поезд Москва-Мурманск вылетел на берег Имандры и остановился у знакомого вокзала с надписью «Апатиты». Потом была та же трёхвагонная электричка, маленький автобус до Юкспорйока, и вот вдали уже виден приземистый барак географической станции. На пороге стоит в плаще Зевс и приветливо улыбается. На станции произошли перемены. Приехали и обосновались два новых младших научных сотрудника – бывший шахтёр Вася и утончённый, интеллигентный Веня. Через две недели на преддипломную практику приехали два зоогеографа с охотничьими ружьями, фотоаппаратами, инструментами и тарой для препарирования животных и изготовления наглядных пособий для Музея землеведения. Одного звали Сашей, другого Володей, оба оказались хорошими компанейскими ребятами и, как все зоогеографы, были выносливы и хорошо ходили. Весь июнь стояла промозглая погода. Маршруты были редки, все камералили, готовясь к короткому северному лету. Правда, зоогеографы ходили смотреть за поведением животных, возвращались промокшие и уставшие. Везде лежал снег, а Юкспо-

рйок в верховьях ревел внутри снежного туннеля, на крышу которого ступать было опасно.

К началу июля ненастье кончилось и пошёл, как говорил Зевс, «Большой Кыл». Действительно, в тот год студенческие группы стали особенно часто, буквально через день, посещать станцию. И ещё больше, чем в прошлом году, всем сотрудникам и практикантам станции приходилось водить «кыл» то в долину Малого Вудъявра, то на Айкуайвенчорр, то в Вуоннемйок или, на худой конец, в окрестности станции – на Юкспорр или в Апатитовый цирк. Кому с какой группой идти, практиканты решали впятером, так как к нам присоединился картограф Боря. И горе было той группе, которая позволила себе пренебрежительно высказаться о Хибинах и сказать что-нибудь вроде: «Разве это горы? То ли дело Кавказ!» Нечестивцам давали в провожатые Володю – общепризнанного лучшего ходока из всех нас, и он выматывал их, заставляя подниматься и спускаться по крутым опасным склонам. Они возвращались измученные, совершенно лишённые гордыни и говорили: «Кто б мог подумать...» А дело было не только в трудности синусоидального маршрута, но и в том, что в Хибинах, как и везде на севере, воздух более разрежен, чем на юге, и совершать восхождения гораздо труднее.

Однажды мне довелось вести группу студентов из Вильнюсского пединститута. На первой же остановке во время объяснений я почувствовал на себе взгляд и увидел голубоглазую, льняную девушку небольшого росточка, очень ладненькую и привлекательную. Она мне сразу понравилась, и на всём протяжении маршрута я стал невольно искать её в группе и обращаться к ней. Она, как показалось, отвечала мне заинтересованными взглядами. А после моих заключительных слов она вышла из окружения однокурсников и от их имени поблагодарила меня за интересную лекцию на природе, добавив, что они приветствуют меня как начинающего учёного и поэта. Оказалось, они успели прочесть на станции университетскую многотиражку, в которой были опубликованы мои лирические стихи. Поблагодарив, она вынула из собранного в маршруте букетика синюю горечавку и вдела её в петлицу моей штормовки. Я несколько смутился, даже покраснел и стоял, не зная, что делать. И тут черноволосый высокий литовец по имени Альгимантас крикнул: «Не теряйтесь, целуйте её, пока она не убе-

жала!» Я нагнулся и неловко поцеловал льняную красавицу в уголок губ... Она закрыла лицо руками, повернулась и скрылась за спинами однокурсников. Вся группа рассмеялась и пошла в столовую ужинать.

На ночь литовцев поселили рядом с комнатой, где размещались мы, пятеро практикантов. Часов в девять вечера, когда все уже вернулись из маршрутов, литовцы за стеной начали петь, и как петь! Рядовая студенческая группа пела, как профессиональный хор. Песни были самые разные, весёлые и грустные. Молодые голоса сплетались и расплетались, а мне казалось, что один голос – её голос – поёт только для меня. Несколько раз литовцы хотели кончить пение, но через тонкую перегородку слышали нашу просьбу: «Спойте ещё!» И они пели часов до двух ночи, пока не пришёл Зевс и попросил прекратить пение, так как завтра – тяжёлый день. Наутро литовцы уезжали. Им дали стационарную машину, они уехали в неё и поехали. Я узнал об этом в последний момент и видел, как машина увозит мимолетность от меня, а я даже не успел спросить ни имени её, ни адреса... Понуро вернулся в комнату, поставил в стакан с водой чуть увядшую горечавку. Она стояла там долго, напоминая о «льняной девушке» с синими глазами...

Следующая группа – узбеки – запомнились всем. По каким-то восточным законам, когда ехали в Кировск в автобусе, все мальчики сидели, а девушки стояли. Вечером в столовой сначала ели и пили чай опять мальчики, а девушки прислуживали им. А в воскресный день кто-то из старых хибинцев видел, что узбеки торгуют на местном рынке каракулевыми шкурками. Всё это повергало в смятение умы хибинских аборигенов, но осуждать мы не торопились. Просто думали, что за всем этим есть какие-то неведомые нам причины. Но узбекских девушек жалели, особенно одну русскую среди них, которой, видимо, приходилось хуже всех...

К концу июля весь «кыл» прошёл, впереди оставалось два месяца труда над избранными темами курсовых и дипломных работ. Ходили в дальние маршруты по пять-шесть человек. Уходили на неделю, а по возвращении камералили и отдыхали. Однажды кто-то из нас проведал, что в общежитии около Ботанического сада живут пять девушек-ботаничек, и все загорелись свести с ними знакомство. В ближайший свободный день, после бани, бритья и чистки одежды впятером отправились с визитом вежливости к Ма-

лomu Вудъявру, где находился Ботанический сад. Истосковавшие по мужскому обществу девушки приняли нас хорошо, предложили пройти в чистенькую комнатку. Посредине стоял стол, вдоль стен – аккуратно застеленные раскладушки. На протянутых через комнату веревках висело девичье белье, которое одна из хозяек быстро сняла и спрятала в тумбочку. Под потолком висели пучки сухих пахучих трав, при виде которых я не удержался и, обращаясь к своим, сказал: «Ребята, смотрите, у них сушится приворотное зелье!» Все рассмеялись, в комнате воцарилась веселая студенческая атмосфера. За чаем разговаривали о работе и приглядывались друг к другу – мысленно разбивались на пары. И самое удивительное, что это произошло без конфликтов – каждый выбрал незанятую, как выяснилось в разговорах на обратном пути. Мне досталась самая маленькая белокурая с голубовато-серыми глазами по имени Аня. Так как я был самым высоким, товарищи мои пошутили, что и тут «разные заряды притягиваются».

Следующую встречу с красавицами из Ботсада решили провести у нас. В назначенный день и час они пришли к нам все пятеро, одетые в кофточки и юбки. Этим простым, но редким здесь нарядом и сияющими лицами совсем очаровали нас, одичавших без женского общества. Мы простодушно купили к их приходу выпивку – вина, водки – и закуски: копченого окуня, аргентинских

мясных консервов, печенья и конфет. Но девушки выпили только для приличия, вероятно, боялись показаться вульгарными. Мы не стали настаивать и сами не упились, как обычно, вдрызг. Что с нами бывало редко – оставили вино и водку недопитыми. Разговор шёл сначала общий, потом пошёл по парам. Каждая пара с серьёзным видом договаривалась о маршрутах, где можно совместить научные интересы. Но под всем этим разгоралась, как костерок, лирическая подоплёка. Получив добро на совместные маршруты от Зевса и «классной дамы» ботаничек, мы договорились на однодневные маршруты.

В назначенный день и час рано поутру я пришёл за Аней пешком, так как автобусы ещё не ходили. Она встретила меня, уже одетая по-походному. Исключением на ней была белоснежная кофточка, выглядывающая из-под штормовки. Фигурку её в проёме входной двери я увидел ещё издали, и она показалась мне пригожей. То сближаясь, то отдаляясь друг от друга, мы пошли рядом по старой заросшей дороге через высокий конечно-моренный вал, разделяющий долины Большого и Малого Вудъявров. Спустились на плоскую, поросшую вереском и карликовой берёзкой равнину, а потом свернули влево к Вудъяврчорру и подошли к переправе через короткий, но бурный голубовато-белый Вудъяврйок. Переправа была неглубокой – до пояса. Пришлось снять обувь и брюки. Я увидел её белые ноги и трусики, кровь ударила мне в голову... Войдя в воду, подал ей руку, и мы пошли медленно, стараясь не оступиться на скользких округлых камнях. Выйдя из воды, я посмотрел на неё и хотел обнять. Она остановила меня строгим взглядом и покраснела... Когда она села на траву, я достал из кармана большой носовой платок и насухо вытер её ноги, несмотря на её шёпот: «Ну что ты делаешь, что ты делаешь, зачем пачкаешь платок...» Но было видно, что ей это приятно...

Одевшись, мы медленно прошли по старой дороге через густой подсклоновый березняк, а потом стали подниматься по тропе на отрог, разделяющий цирки Ганешина и 1-ый Молибденовый, рассчитывая по нему выйти на плато Вудъяврчорр. Чтобы ей было легче идти, я взял гербарную папку с бумагой и повесил её через плечо рядом с полевой сумкой. Подниматься было трудно, но мы никуда не спешили. Впереди был целый день, и мы часто делали остановки, чтобы отдышаться. Первая была возле старой молибде-

новой штольни. Прямо с гребня внутрь горы вёл широкий вход, в тёмной глубине раздавались звуки падающих капель. Мне показалось, что там кто-то есть. Вспомнилось, как Учитель рассказывал, что заключённые носили молибденовую руду в мешках на себе к дороге, по которой мы только что поднялись. «Здесь как-то неуютно, пойдём скорее дальше» – сказала Аня, и мы, помогая друг другу, продолжили подъём.

Часам к десяти, когда мы были на плато и начали работать – я составлял ландшафтную карту, Аня собирала растения – солнце стало припекать. Мы сняли куртки, она осталась в белоснежной кофточке, я в голубовато-белой ковбойке. К полудню управились с работой и сели обедать. Сложили все припасы вместе, и Аня как заботливая хозяйка уговаривала меня поесть побольше, а сама чуть притронулась, возможно, сидела на диете. У неё с собою был даже термос с чаем, и она напоила меня. Чай в маршруте был для меня в диковинку – я привык запивать еду водой из ручья. Потом она собрала, что осталось, рассовала по сумкам и принялась перекладывать собранные растения. Я внимательно смотрел, и когда попадались неизвестные мне виды, спрашивал, продолжая образовываться и вбирать в себя всё, что когда-нибудь пригодится. Окончив работу, Аня плотно связала папку и сказала: «Ты знаешь, я сегодня почти не спала, почему-то волновалась, боялась проспать. Давай поспим немного прямо здесь. Здесь хорошо, ветер сдувает комаров...» «И я плохо спал, тоже боялся опоздать... Давай поспим...» Мы постелили куртки на мхи и лишайники, положили в головы полевые сумки и легли.

Если бы я сказал товарищам, что спал на плато рядом с милой девушкой, меня засмеяли бы. Разве могут уснуть рядом здоровые, уже симпатичные друг другу юноша и девушка? Тем более, что на севере белыми ночами люди выходят на улицы городов и посёлков, ищут друг друга и находят! И через полчаса, когда капельки пота – след от восхождения и выпитого чая – высохли, Аня тихонько спросила: «Ты не спишь?» «Нет, а ты?» «Я тоже...» «Подвинься ко мне...» «Зачем? Познакомимся, сделаемся близкими друг другу, а потом разъедемся: я в Ленинград, ты в Москву». «Мы будем писать друг другу письма». «Письмами не проживёшь». «Я тебе неприятен?» «Нет, что ты, что ты...» «Дай мне руку...» Она помолчала, а потом я почувствовал в ладони её ладошку, повернулся к ней, на-

Цирк Ганешина

шел её полураскрытые губы и нежно поцеловал. Она не отпрянула, и минуту спустя я почувствовав ответное движение её губ, прижался к ней и долго не отпускал от себя. Так мы промучили друг друга до вечера, она не позволила мне большего... Спускались с горы обессиленные. Простились у её крыльца. Уходя, я услышал сразу несколько девичьих голосов: «Ну, что?» Мы ещё несколько раз ходили вместе в маршруты, и сценарий повторялся... Расстались мирно, без упреков и недомолвок. На станции Апатиты, перед тем, как сесть в поезд, она поцеловала меня и сказала: «Прощай, мой сон в летнюю ночь»...

В этих лирических маршрутах наука отходила на второй план. Меж тем окончание сезона близилось, я целую неделю без отдыха ходил в маршруты, то со Святым, то с Володей. Он был зоогеографом-орнитологом и научил меня различать по голосам, оперению и местообитаниям большинство местных птиц. После нескольких маршрутов я знал, что мохноногие канюки живут на скалах в верховьях долин, и каждую занимает только одна пара. С тундровой части этих долин канюки и кормятся. Они парят над своей охотничьей территорией и, заметив лемминга или мышь, камнем падают вниз, хватают и несут трепещущую добычу в гнездо, там рвут её на части и суют в глотки голодных птенцов. Чёрно-белые сорокопуть (видимо, от слов «сорока» и «путать») всегда сидят на усохших вершинах елей. А кукши очень любопытны, криком возвещают всех об опасности или лесном происшествии. Некоторые птицы стараются запугать приближающегося к гнезду человека. Я не раз видел, как на нас пикируют канюки и бомбардируют испражнениями. Кроме птиц, мне особенно нравились лемминги, которые в период выведения потомства бесстрашно бросались на наши огромные резиновые сапоги и что-то возмущённо кричали на своем языке... В университет я вернулся с опозданием на десять дней. Тогда считалось особым шиком опаздывать на занятия из экспедиций, и все старались его соблюдать.

6

На последнюю практику в Хибинны я ехал один. Смотрел в окно, и по изменениям в пейзаже определял, сколько ещё осталось ехать. За Кандалакшей вдруг повалил пышный снег и густой пеленой закрыл все окрестности. В круженье снежинок скрывались

ближние леса и болота, а самих гор, похожих на лежащих тюленей, подавно не было видно. В Апатитах сошёл с поезда чуть ли не один – пока сюда народу ехало мало – ведь только-только начинался июнь, июнь пятьдесят шестого. Полчаса провёл в вокзале, ожидая, пока подадут знакомую трёхвагонную электричку, сел в неё и в том же сплошном снегопаде доехал до Кировска. Потом на автобусе от Круглой площади – до Юкспорйока. Зевс встретил меня на дороге, и было видно, что старик рад моему приезду. Он сам провёл меня в комнату – ту самую, в которой я жил в прошлом году, и в ней всё было готово к моему приезду. На станции было тихо и пустынно. Из прежних обитателей остались два молодых научных сотрудника, а из практикантов никого не было. Зоогеографы окончили университет и уехали работать по распределению, а Святой подрадил куда-то в экспедицию за большими заработками. Ему жилось туго, приходилось подрабатывать, чтобы позволить учиться младшей сестренке.

В день приезда Зевс пригласил меня отобедать с его семьёй. Жили они тут же, на втором этаже бревенчатого дома. Их квартира была просторной, хотя и не очень уютной. На обед была тушёная оленина. Ну и, конечно, не обошлось без водки, которую Зевс закупал в магазине впрок ящиками. Старушка Анна Васильевна, как всегда, водку не пила, а хлебала из тарелки ложкой вместе с намоченным в ней чёрным хлебом. Я пил в меру, да и Зевс меня не уговаривал, боясь приучить к водке, как был приучен сам. Обед продлился до позднего вечера, от гостеприимных хозяев я ушёл поздно и сразу лёг спать.

Первая неделя нового сезона проходит всегда в привыкании к образу жизни, резко отличному от зимнего. Изыскатель, будь то геолог, биолог или географ, постепенно воскрешает в себе привычку к ежедневной ходьбе, перетаскиванию тяжестей, тяжёлой физической работе. Сначала неуверенные ноги его потихоньку обретают чрезвычайную гибкость и эластичность. Обутые в кеды ступни разрабатываются и заново обучаются по-обезьяньи обхватывать предмет, на который попали – будь то валун или ствол поваленного дерева. Возвращается прыгучесть, необходимая при ходьбе по бездорожью, крупноглыбовым осыпям и россыпям, болотам и гарям. Плечи заново приучаются безболезненно держать тяжёлый рюкзак, в котором уместается всё: походное жильё в виде палатки

и приборы, одежда и еда, иной раз на неделю, а то и больше. Период привыкания длится около недели, но это в среднем, у разных людей короче или длиннее. Проводят его обычно в коротких маршрутах, только потом начинают дальние.

Так, в соответствии с опытом, поступил и я. Обходил давно знакомые окрестности и наблюдал весеннее пробуждение торопливой хибинской природы. Вышедшая из-под снега трава ярко зеленела, даже в пасмурные дни освещала суровый северный пейзаж. Среди этой зелени, спустя несколько дней после стаивания снега, на высоких стеблях вспыхивали ярко-оранжевые цветы купальницы европейской и сияли, как крошечные солнышки. Зацветали мелкими цветами кустарнички: черника, голубика, брусника. На прибрежных ивах ещё до схода снега появлялись продолговатые пушистые комочки серого и жёлтого цвета и пахли мёдом. На каменистых отмелях после спада воды спешили тянуться вверх стебельками бесчисленные виды камнеломок. И ко всему этому великолепию примешивались весенние звуки – грохот камнепадов на крутых склонах и весеннее пение птиц в редкой северной тайге, берёзовом криволесье и наполовину заснеженной тундре.

Окрепнув физически и душевно, я запланировал первый дальний маршрут на восточные склоны Хибин, в долину Расвумйока, с возвращением через родную долину Вуоннемйока. Идти было не с кем и пришлось в нарушение техники безопасности идти одному. Зевс не хотел отпускать меня, но я поклялся, что буду очень осторожен, и он согласился. В день начала маршрута он дал мне стационарную машину – доехать до длинного отрога Айкуайвенчорра, чтобы оттуда выйти на восточные склоны Хибин. День выдался пасмурным, но без дождя. На дороге, ведущей в Апатиты, в нужном месте машина остановилась, я попрощался с Зиной и надел рюкзак. Чувствуя, что под его тяжестью крепче стою на земле, спустился с насыпи и пошёл напрямик к намеченной ещё на станции расщелине. До подножья отрога добрался быстро – поверхность была почти ровная, затем начал медленно подниматься вверх. Шёл так не только потому, что в гору идти трудно, да ещё с тяжелым рюкзаком, но прежде всего помня советы Учителя – внимательно вглядываться в окружающую природу, ставить вопросы и пытаться ответить на них, словом, работать. И работа эта была мне в радость настолько, что я забывал обо всём на свете. Многие

г. Айкуайвенчорр

из того, что встречалось в пути, было повторением пройденного. Так, по облику растительного покрова я мог, не прибегая к рытью почвенного разреза, определить тип почвы. И если для проверки всё же копал, то чаще всего находил то, что и предполагал. Если же встречалось что-то посложнее, снимал рюкзак, садился на камень или изогнутый ствол берёзы и задумывался.

Первая загадка ожидала меня, когда я прошёл заваленный глыбами небольшой перевал. За ним открылась зелёная, вытянутая вдоль ручья лужайка. Ручей – это был Айкуайвенйок – вел себя странно. Сначала он почти по прямой сваливался с горы, потом почти под прямым углом поворачивал вправо, и течение его сразу становилось спокойным. Чтобы лучше разобраться, в чём тут дело, я взобрался на скальный выступ по правому берегу ручья, прямо над местом крутого поворота, и начал с высоты птичьего полёта осматривать местность. Здесь проходила верхняя граница леса, и вглядываясь без помех в залесённый склон, я увидел, что ниже по склону – низина и вдалеке, в этой низине поблескивают два продолговатых озерца. Я мысленно соединил эти два озерца с местом крутого поворота ручья и получилось, что всё течение Айкуайвенйока с горы до поворота как бы продолжилось этими озерцами.

Значит, ручей тѣк когда-то там! Чтобы выяснить это, я взял лопату и пошѣл к озерцам. Там среди редкого леса увидел остатки небольшой речной долины, а разрезы подтвердили, что здесь когда-то текла вода, так как в стенках разрезов были видны слои рыхлых пород разной крупности.

Когда это произошло, мне подсказала память. В послеледниковое время, то есть несколько тысяч лет назад, после разгрузки от ледового панциря Хибины стали подниматься, как бы выламываться из окружающих горных пород. Вот тогда и образовалась сеть касательных ущелий по периферии массива. Одно из них захватило и резко повернуло ручей на север. Так в общих чертах нарисовалась в моей голове гипотеза о перехвате ручья Айкуайвенйок. Я неторопливо записал всё, что увидел и домыслил, отметил на карте положение точек описаний, верхней границы леса и березового криволесья, покурил, вскинул на плечи рюкзак и пошѣл дальше. Идти по лесу было труднее – не было кругозора, я поднялся чуть выше и пошѣл по кустарничковой тундре, где местами в укромных углублениях лежали массы медленно тающего снега. Талая вода быстро просачивалась, на поверхности было сухо и кеды мои не промокли, ногам в тёплых шерстяных носках тепло и уютно.

Работа началась с удачи, у меня установилось ровное хорошее настроение. Когда часы показали полдень, я уселся на камень у очередного ручья, достал кусок хлеба, сахар и подкрепился. Потом пошѣл в тундровое пространство и, ползая по камням, начал лакомиться прошлогодней кисло-сладкой брусникой. Ничего вкуснее я никогда не едал и каждую весну в Хибинах устраивал себе эти брусничные пиры. Пасса около часа, покурил и отправился дальше, чтобы поставить свой лагерь близ Расвумйока. Подходя к шумящей реке, спустился в редкий еловый лес и, осмотревшись, выбрал ровное место, снял рюкзак и принялся за работу. Свалил несколько сухостойных деревьев, нарубил дров, натянул серебрястую, лёгкую альпинистскую палатку, сложил туда вещи и принялся готовить ужин – варить макароны с тушѣнкой и кипятить чай. Когда привычная супо-каша поспела, поужинал, вымыл в реке миску и сел на серый ствол покурить. Как начался маршрут хорошо, так и завершился. В Расвумйоке и Вуоннемйоке удалось найти интересные места и сделать необходимые полевые исследования. В урочное время вернулся на станцию и отчитался перед Зевсом.

В июле маршруты пришлось прервать – пошёл «кыл», надо было помочь Зевсу управиться с нашествием, хотя меня поджимали сроки, времени для сбора материала к дипломной работе оставалось всё меньше. К тому же, когда к концу июля «кыл» прошёл, я почувствовал себя уставшим (водить приходилось по две группы в день) и попросил недельку отдыха в Вуоннемйоке (по-саамски – «долина отдыха»). Зевс согласился, и я пошёл в зимовье, которое он построил в прошлом году при помощи сотрудников и практикантов. Я принять участие в «стройке века» не смог, так как в это время совершал упомянутый «бег за стипендией». Как по заказу, в конце июля – начале августа установилась сухая, солнечная погода с ночными заморозками и сравнительно тёплыми днями без комаров, которых побило заморозками. Зевс проводил меня до начала «боевой тропы» и пожелал хорошо восстановиться, а потом взяться за сбор материала к диплому. Я видел его маленькую фигурку, пока не вошёл в густой березняк.

Тропа была сухой, идти было легко и приятно. С Юкспорлака дул в лицо свежий ветер. На перевале отдохнул, полюбовался цветущими лапландскими маками, пожевал листочки щавеля и пошёл дальше. Тропа была мною исхожена много раз. По количеству шагов с закрытыми глазами я мог определить, где нахожусь. И я стал играть в эту игру, пока не оступился и не убоился вывихнуть ногу. Зимовья я прежде не видел и только по рассказам Зевса знал, что оно стоит на левом берегу Вуоннемйока недалеко от трассы будущей автодороги. Искать долго не пришлось – ориентировался я прилично, уже в два часа сбросил рюкзак у порога зимовья. Это было приземистое строение из сравнительно толстых еловых стволов, с покатой крышей, застеклённым окном и плотно закрывающейся дверью. Пол был земляной. Вдоль одной стены – нары, посередине – печка-буржуйка, чтобы в холода можно было обогреть помещение. Вначале я всласть покурил, потом стал неторопливо обустраиваться. Нарубил дров, принёс воды в чайнике и кастрюле, в закипевшую воду бросил макароны, потом консервы – словом, приготовил традиционную супо-кашу и заварил крепкий чай. Ужинал неторопливо, а после сидел у костра, курил и пел вполголоса знакомые песни. И лишь около десяти вечера лёг спать.

Заснуть, однако, сразу не удалось – стало казаться, что возле зимовья кто-то бродит. Из тёплого спального мешка вылезать не

хотелось и примерно полчаса я пролежал, вслушиваясь в непонятные звуки. Но потом не выдержал, сунул ноги в холодные кеды, накинул на плечи плащ и вышел из зимовья. В лесу тут же шатнулось что-то большое, как показалось, белое, раздался шорох и треск ветвей, и всё стихло. Я с бьющимся сердцем пошёл в направлении, откуда доносился шум, и с облегчением увидел большого северного оленя с могучими ветвистыми рогами. Он смотрел на меня своими добрыми глазами. Так мы постояли несколько минут – человек и зверь – а потом олень повернулся и медленно пошёл прочь. Я тоже хотел было уйти, но вдруг увидел, что олень стал как-то странно прыгать и бить передним копытом землю, а потом нагнулся, схватил зубами что-то желтоватое, шевелящееся, и стал жевать. Он жевал лемминга! От Учителя я слышал, что олени из-за солевого голодания иногда убивают леммингов и едят ради капельки соли, какая есть в мочевом пузыре животного. «Надо будет завтра угостить его солью...» – подумал я об олене и пошёл в зимовье.

В лесу всё стихло. Я уснул крепким сном на свежем, напоенном запахами северного редколесья воздухе. Проснулся поздно и долго нежился в тепле спальника, боясь опустить ноги на холодный земляной пол. Но вставать всё же надо. Я резко вылез из мешка, быстро оделся и пошёл к реке умыться и набрать воды. Берег сверкал. За ночь из влажной почвы поднялись стебельки ледяной травы, наверху каждой ледяной призмочки лежал кусочек породы. Лучи солнца озаряли миниатюрный ледяной лес, он искрился и переливался всеми цветами радуги. По старой привычке, воспитанной во мне Учителем, я попытался объяснить, как образуется это чудо, но потом решил не ломать голову, а просто любоваться, не иссушая красоты Природы рациональным объяснением. Когда я шёл к реке, ледяная трава хрустела у меня под подошвами кед, и мне было жалко уничтожать эту волшебную красоту.

После завтрака, может быть, привлечённый дымом костра, к зимовью подошёл вчерашний олень, остановился чуть поодаль и смотрел на меня, словно желая сказать нечто важное. «Хочешь соли?» – и мне показалось, что он кивнул рогатой головой... Тихо, не делая резких движений, я встал с обрубка ствола, на котором сидел, вошёл в зимовье, насыпал в ладонь соли и вышел обратно. Олень по-прежнему смотрел на меня. От протянутой ладони пугливо отпрянул, но не убежал. Тогда я высыпал часть соли на

землю, и олень понял, что это для него. Шагнул вперед, нагнулся и стал лизать землю и траву, и лизал до тех пор, пока не вылизал всё до крошки. Потом поднял морду, и я тихо протянул к нему ладонь с солью. Олень унюхал запах соли и больше не мог осторожничать – это было выше его сил. Сначала робко лизнул, а потом уверенно заработал языком, и мне было приятно доверчивое прикосновение животного. Я протянул ему другую руку и стал гладить его шерстистую морду. Вылизав всю соль, олень поднял голову и вопросительно поглядел на меня: «Нет ли ещё соли?». Я улыбнулся и сказал: «На сегодня хватит...» Олень, словно поняв мои слова, побрёл между елей, изредка нагибаясь, чтобы отщипнуть кустик лишайника или съедобной травы.

Когда он скрылся, я загасил костёр, оделся по-походному, взял брезентовый плащ и медленно пошёл по направлению к Эвеслогчорру. День был тихий и солнечный. Стройные финские ели стояли в лесу свободно, не теснясь и не мешая друг другу. Молодого подростка и подлеска почти не было, по пути то и дело встречались залитые солнцем поляны, поросшие черникой и зелёными мхами. Ягод было так много, что местами поляны приобретали тёмный цвет. Пройти мимо такого изобилия я не мог, опускался на колени и «витаминизировался» впрок. С остановками я добрёл до подножья Эвеслогчорра и начал медленно подниматься на его южный, освещённый солнцем склон. Идти было легко. Каменистая почва была сухой, от нагретых камней и растений в воздухе стоял неповторимый аромат, сотканный из десятков, даже сотен ароматов отдельных растений, многие из которых ещё цвели, особенно в местах, где залёживался снег или у края снежников-перелетков. По мере продвижения вверх ели становились всё реже и реже, наконец, сменились узким поясом берёзового криволеся с примесью кустов можжевельника.

Между кустами берёз, как и в еловом лесу, были полянки, поросшие черникой, голубикой, толокнянкой и вороникой. На одной из них я расстелил плащ, лёг на спину и стал смотреть в голубое северное небо. Старался расслабиться, ни о чём не думать, чтобы полнее впитать окружающую красоту, как впитывают в себя знающие и искушённые люди прекрасную музыку. Лежал совершенно неподвижно, и притихший было при моём приближении лес стал постепенно оживать: появились стаи птиц, готовящихся к отлёту в

тёплые края и кормящиеся семенами и ягодами перед долгой дорогой, поблизости прошмыгнул юркий палевый горноста́й с белым брюшком, засновали по тропкам, выгрызенным аккуратно во мху, шустрые лемминги – пеструшки, как их ещё называют, села на ближний куст любопытная кукша. И мне было приятно находиться среди «братьев наших меньших», не пугая и не изгоняя их из суверенных владений. Последнее тепло разморило меня, и я уснул на полчаса. Проснулся оттого, что осмелевшая пеструшка пробежала по моей раскрытой ладони, щеко́ча маленькими лапками. Я поднялся, протёр глаза, и от этого движения словно облетел ближайший берёзовый куст – с него вспорхнула стайка щуров.

Выкурив сигарету и тщательно загасив окурок, перекинул через плечо сложенный плащ и почти без цели побрёл дальше по склону Эвеслогчорра, сворачивая влево к ближайшему безымянному левому притоку Вуоннемйо́ка. Войдя в узкую долину, спустился в русло, усеянное белыми округлыми камнями, и пошёл по ним, перескакивая с одного на другой, ощущая силу и ловкость, которая появляется в конце сезона. Именно в этом маршруте, для отдыха от привычных описаний ландшафтов, я стал собирать минералы. Среди валунов, по которым я шёл, стали попадаться экземпляры из белого минерала, имеющего лучистое строение. Казалось, что

из разных точек бьют окаменевшие лучи света и, перекрещиваясь многократно, образуют причудливые конструкции. Как потом узнал, этот минерал называется натролит и довольно типичен для Хибин. Найдя его сначала в валунах, я по ним добрался до коренного месторождения в километре выше по течению ручья. Там поток поворачивал, и по весне его струя с камнями и снегом ударяла в уступ тёмных пород, пересекаемый жилой натролита. У подножья уступа лежали отколовшиеся куски понравившегося мне минерала. Я взял несколько образцов и сунул их в карман плаща, потом сел на нагретую солнцем крупную глыбу и стал оглядывать окрестности.

Моё внимание привлекли необычные ели, забравшиеся почему-то выше берёз и росшие в пределах тундрового пояса. Подошёл осмотреть их. Они плотно стояли одна за другой, вытянувшись по горизонтали. Один конец этой колонны указывал прямо на север, другой – на юг. Самая северная особь была ободранной, покорёженной ветрами, несущими по насту жёсткие снежинки. Зато остальные росли под её защитой, и каждая следующая была моложе и пушистее. Но «пионерная» особь когда-то отмирала, и на её место выдвигалась следующая. В большом временном отрезке выходило, что вся колонна низкорослых елей перемещалась с севера на юг в соответствии с преобладающими зимними ветрами. Нет чтобы просто полюбоваться мужественными растениями, так мне надо было пытаться объяснить, как они «шагают» по горизонтали с севера на юг... Поймав себя на этой мысли, по руслу ручья спустился до его впадения в Вуоннемйок, там поднялся на коренной берег и вернулся к зимовью. Когда развёл костер, в чаще послышался шум, и из-за елей появился олень. Ему опять захотелось соли, он подошёл ко мне почти вплотную и посмотрел просящим взглядом. Пришлось вынести ему соль в ладонях и терпеливо ждать, пока он вылизет всё до крошки и уйдёт, удовлетворённый, бродить в лесу и тундре. Неделя в Вуоннемйоке прошла быстро. Я отдохнул, вдоволь наелся ягод, почувствовал интерес к работе и даже был рад, что срок отдыха истек. С утра собрался, вышел на «боевую тропу» и быстро, без приключений, добрался до Юкспорйока. В тот же вечер съездил в Кировск, в баню, как и положено после долгого отсутствия в цивилизованном мире...

Конец последнего студенческого полевого сезона прошёл успешно. Я выполнил все маршруты, составил черновую карту ландшаф-

тов Хибин и сделал несколько интересных частных открытий. Так, наблюдая растительность в условиях одинаковой экспозиции, но на разных горных породах, пришёл к следующему заключению. Берёзы, растущие на апатитсодержащих горных породах, имеют вдвое большие приросты и площади листовых пластинок, чем растущие на породах без апатита. На этом основании предсказал, что апатитовое тело подходит близко к поверхности в районе г. Сев. Суолуайв. И прогноз подтвердился – позднее геологи нашли там апатитовое месторождение и получили за это Государственную премию.

В последний маршрут в долины Каскаснюнайок, Майвальтайок и Тульйок пришлось идти одному. Зевс снова не хотел меня отпускать, но я уговорил его слёзно. Чувствуя, как животное, приближение зимы, я лихорадочно работал и совсем мало отдыхал, стремясь сделать всё до снега, и уложился ровно в отпущенный природой срок. Буквально в момент последней отметки на рабочей карте задул северный ветер, на Хибини надвинулись мрачные тяжёлые облака, и хлопьями повалил густой снег. Было три часа дня. Мой последний лагерь был недалеко от устья ручья Тымшасуай, что в переводе значит «ручей точильного камня». Поглядев на небо, я увидел, что ненастье будет долгим, и решил идти в обратный путь кратчайшей дорогой – через Эвеслогчорр в Вуоннемйок к зимовью. А там к старой «боевой тропе» можно идти и в сумерках. Быстро собрался, выпил чаю, съел бутерброд с тушёнкой и пошёл вдоль ручья вверх по пологому долгому склону. Оленья тропа была еле видна из-за выпавшего и всё еще падающего снега, идти по ней было трудно.

К несчастью, оделся я легкомысленно: кеды, зелёные штормовочные брюки, подаренная бабушкой тельняшка и в довершение всего – куцая холодная курточка. Но быстрая ходьба не давала замёрзнуть, без тяжёлой одежды шагалось даже сподручнее. Когда я поднялся на гребень Эвеслогчорра, снегопад прекратился, пронеслись влекомые могучим северным ветром обрывки туч, волочившие за собой снежные шлейфы, небо освещалось косыми лучами заходящего солнца. Лежащая внизу долина Вуоннемйока была прекрасна суровой северной красотой. Везде блестел только что выпавший снег, чернели пики елей, виднелись жёлтые пятна берёз, от крутых обрывов Коашвы, казалось, веет холодом. В безлюдьи расстилавшегося внизу пейзажа не было видно ни дым-

ка, ни огонька, и мне на миг стало страшно. Но надо было идти. А спускаться было трудно. Из-за нахлынувшего холода образовалась хрустящая снежная корка, ноги то и дело скользили. Чтобы не упасть, пришлось вырезать из ствола берёзы палку и опираться на неё. Самый трудный участок – от подножья Эвеслогчорра до оз. Порокъявр – прошёл засветло и устроил последний большой привал на его берегу. Сидел и вспоминал товарищей по прокладке трассы от Умболки до Коашвы: Людмилу Петровну, Учителя, Риту... Воспоминание было сладки и грустным, как всё невозвратное...

Надо идти, пока совсем не стемнело. Вскинул на плечи рюкзак и пошёл по просеке, едва различая в нарастающих сумерках номера пикетов на затесях. Переправляться через Вуоннемйок было очень трудно. Ноги заоченели и казались совершенно бесчувственными, когда ступил на знакомый берег, поросший можжевельником. Растёр их шерстяным носком, обулся, и больше не отдыхая, боясь наступающей темноты, быстро пошёл дальше. Вскоре подошёл к началу «боевой тропы». В близлежащих цирках лежал холодный воздух, чернели обрывы, светились поля свежего снега. Небо над долиной быстро темнело, но золотистые отблески солнца ещё присутствовали в гамме цветов. Особенно мрачно и трудно было на Юкспорлаке. Снег прикрыл зазоры между каменных глыб, я много раз оступался и боялся подвернуть ногу. Намокшие края брюк обледенели и стеклянно постукивали при ходьбе. Шёл безостановочно, рассчитывая, что сил должно хватить ровно до порога станционного барака. Так оно и вышло, к полуночи я появился в посёлке совершенно обессиленный. На пороге станции меня ждал Зевс. «Я знал, что Вы сегодня вернётесь» – сказал он и пошёл кипятить чай и разогревать «цивильную еду», так как все уже спали...

А через три дня я уехал в Москву, полагая, что прощаюсь с Хибинами навсегда. Как и в прошлый раз, долго смотрел в окно на убегающие кольские пейзажи. И всё думал, как бы сделать так, чтобы вернуться сюда, остаться на постоянное жительство и всю жизнь посвятить изучению этого края и воспеванию его в стихах. Только после Кандалакши оторвался от окна и стал обустриваться в полупустом вагоне. По приезде окунулся в учёбу, но после осенней сессии затосковал по Хибинам и решил съездить во вре-

мя каникул в Юкспорйок и попытаться договориться в комбинате «Апатит» о заявке на распределение на постоянную работу. Мама, хотя и не была в восторге от этой затеи, собрала меня, как могла, и я в ватнике, валенках, шапке-ушанке прибыл в феврале 1957 г. в Юкспорйок. А оттуда на завтра отправился «свататься» в «Апатит». Нашёл нужных людей и как можно красноречивее рассказал о своей квалификации, что умею делать, что уже работал у них по прокладке трассы Кировск – Коашва. Но моё красноречие оказалось напрасным. Им нужны были геологи, видимо, о географах у них было нелестное мнение. И я вернулся в Москву ни с чем. Но не успокоился! И после окончания университета попросил распределить меня на Хибинскую географическую станцию. Но тут взмолилась мама и уговорила меня не отказываться от предложенного мне места младшего научного сотрудника на родной кафедре Географии полярных стран. И я попрощался с Хибинами...

Послесловие

Прощание с Хибинами вышло длительным и тягучим, как «Болеро» Мориса Равеля, где музыка вначале сдержанная, тихая, а потом поднимающаяся ввысь, могучая и торжественная. Возможно, я немного переборщил с деталями, но это извинительно. Мне хотелось сохранить в памяти всё до капельки и передать читателю мою любовь к Хибинам. При этом много осталось «за бортом». А если забежать вперёд, то неописанным остался целый пласт моих впечатлений. Несмотря на прощание с Хибинами, вроде бы окончательное, через десять лет я попал туда в качестве руководителя комплексной полевой практики студентов Московского государственного педагогического института. Но это уже другая история, которую надеюсь когда-нибудь написать и предложить читателю под названием «По Кольскому с песнями!»

Окончательная редакция и дополнения
сделаны в июле-августе 2014 г. по просьбе
Кольского отделения РМО

Смирнов Юрий Павлович – родился в г. Миргороде Полтавской обл. в 1930 г. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1954 г. окончил Кишинёвский госуниверситет по специальности «геолог-геохимик». В 1961-1962 гг. обучался в Ленинградском горном институте по специальностям «геохимические методы разведки» и «право ведения буровзрывных работ». В 1971-1978 гг. обучался в заочной аспирантуре Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии, кандидат геолого-минералогических наук (1978). В 1954-1970 гг. – геолог Мурманской ГРЭ, геологическая съёмка

и поиски мусковитовых пегматитов, титаномagnetитовых и сульфидных медно-никелевых руд в Сев. Карелии и на Кольском п-ове. В 1970-2005 гг. – зам. главного геолога, зав. лабораторией геологических исследований НПЦ «Кольская сверхглубокая», геологическое сопровождение бурения и всестороннее исследование керна СГ-3. За боевые заслуги награждён орденом «Отечественной войны» 2 ст., медалями «За отвагу» и др., благодарностями Верховного Главнокомандующего. За трудовые заслуги награждён орденом «Трудового Красного Знамени», медалью «За доблестный труд», знаком «Отличник разведки недр» и др. Соавтор ряда научных монографий и статей. Чемпион МССР по вольной борьбе (1952-1954), чемпион г. Кишинёва по самбо (1952). Хобби – стихотворные посвящения коллегам, по поводу и без повода. – *Ред.*

Что мы знаем о Земле?

Что мы знаем о Земле? Матушка кругла,
И из облака частиц сжаться в ком смогла.
Сжался, разогрелся ком – Гея разомлела
И тяжёлое ядро мантией одела.

Стыла мантия, текли миллиардов годы,
Кислород плюс водород – появились воды.
Углерод ещё пылал – шла архея эра,
Углекислая была прежде атмосфера.

Остывала мантия, реже пузырилась,
На её поверхности корка появилась.
Появились впадины – ложе океана,
Поднялись материки – древняя Гондвана.

На дне тёпленьких морей, на земной отчизне
Появились клетки – предки нашей жизни.
Раскрутили бытие по крутой спирали.
Чем закончится оно? Знаем мы едва ли...

С Новым годом, Амазонки!

С Новым годом, Амазонки, дорогие Девы!
Вы наследницы прекрасной и нежнейшей Евы!
Русский Север – край суровый, кто его не знает!
Но пред вами и в морозы все мужчины тают!

Пусть созвездья вам простят шалости, ошибки,
А на лицах расцветут милые улыбки.
Ренессанс и рококо ныне не химеры,
Будут снова вам дарить камни кавалеры.

И я, поклонник милых дам,
Все самоцветы вам отдам:
Гранат, опал и хризолиты,
Хрусталь, агат и селениты,

Сапфир и аметистов груды,
Алмаз, рубин и изумруды,
Аквамарин, тигровый глаз –
Всё это, милые, для вас!

Ряд прошлых лет ведёт к закланью,
Но мы открыты лишь желанью.
По мановению десницы
Мечты порхают словно птицы.

Нас манит даль, и кровь кипит,
Но всё излечит хризолит.
Юноны страстной нежный пламень
Преобразился в лунный камень.

Любовь, оберегая нас,
Нам подарил тигровый глаз.
Сей камень крепче, чем гранит.
Вас от несчастий сохранит.

Аквамарин хранит от козней,
Сапфир вас сделает серьезней.
Но аметист ещё в морозы
Навевает чайню и грёзы...

Январь

В созвездье дивном Козерога
Рождаются по воле Бога.
Явившимся на стыке лет
Счастливый вытасчен билет –
Редчайший талисман попал –
Спектрально-огненный опал.

Март

Под знаком зодиака Рыбы
Растают ледяные глыбы.
И чувствуя приход весны,
Мы видим сказочные сны.
Нас манит даль, и кровь кипит,
Но всё излечит хризолит.

Апрель

В апреле наступает смена,
И наступает час Овена,
Чей камень – дивный лавендин,
Любовный талисман Ундин.

Диана, как-то после пира,
Спасая Нимфу от Сатира,
Укрыла под волшебный лист
И превратила в аметист.

Май

По легендам мудреца,
Май – созвездие Тельца.
По велению, зову рода
Пробуждается природа.
Охраняют в мае нас
Изумруд и хризопраз.

Июль

Светит ночью среди мрака
Искрами созвездье Рака.
Радостно румянолик
Маг, волшебник сердолик.

Амулет Тутанхамона,
Камень Пушкина, Байрона,
Отводящий хворь, ненастье
Самоцвет любви и счастья.

Август

Рождённым в августе печалиться не надо.
О них заботится чудесная триада:
Таинство августа, его ночного мрака,
Могучий Лев всей мощью зодиака,
И царь камней – сверкающий алмаз.
Вся троица заботится о вас!

Сентябрь

Созвездье Девы украшает небосвод,
Его прообраз – милый лик Астреи,
Любившей золотистый перидот,
Агат в кулоне и цитрин на шее.

Октябрь

Созвездья справедливости Весов
Ты многие деянья отмеряешь.
И много видишь, много знаешь
Средь бесконечности веков.

Тебе сопутствуют: цитрин,
Падпараджа, опал, аквамарин.
Присущи им и доброта, и милость,
И мудрость высшая, и справедливость.

Полиенко Александр Константинович
– окончил Томский политехнический институт по специальности «Геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых» в 1964 г. Работал в полевых геологических организациях, служил в Вооружённых силах. С 1979 г. – кандидат геолого-минералогических наук, сотрудник Томского политехнического института и Института геологии и нефтегазового дела. Автор 6 сборников стихов. – *Ред.*

Геологи

Зовут дороги дальние,
Маршруты неизвестные,
Слышны слова прощальные,
Звучат гитары с песнями.

Маршруты наши долгие,
К скитаньям мы привычные,
Зовёмся мы – геологи,
Мы – люди необычные.

Считают ненормальными,
Кто не знаком с романтикой.
Пусть мы и «аномальные» –
Без нас руду достаньте-ка!

Геолог – профессия наша

Геолог – профессия сложная!
Геолог – идущий вперёд,
Он сделает всё невозможное,
Дороги он к рудам найдёт.

Геолог – профессия нужная!
Открытья сдаются в актив,
А братство геологов дружное,
Сплочённый, большой коллектив.

Геолог – профессия важная!
Сомнения развеять хочу,
Её выбирают отважные,
Лишь сильным она по плечу.

Геолог – профессия трудная!
И в этом – геолога жизнь,
Маршруты бывают «занудные»,
Без них же не обойтись.

Профессия – героическая!
Героика движет нас ввысь!
Ещё же она – романтическая!
Романтика – вот наш девиз!

С Днём Геолога!

Сегодня праздник наш, геолог!
Сегодня мы в кругу друзей!
Наш жизни путь тернист и долог,
Мы впереди Планеты всей!

Уж больше трёх десятков лет
Мы этот праздник отмечаем,
Итожим мы баланс побед,
Пути маршрутов намечаем.

Без нас бы не было руды,
И не было б в стране металлов,
И не нашли б без нас воды,
И жажда б на Земле настала.

Без нас не стало б городов,
И в космос мы б не полетели,
Хочу сказать без лишних слов –
Мы доказали всё на деле!

Геолог – тот, кто в глубь Земли,
К её ядру добраться хочет,
Пока другие не смогли,
Хотя стремились очень-очень!

Но он добьётся своего,
Ядра Земли достичь сумеет,
Узнать строение его –
Кто за него дерзать посмеет?

Так будь же смелым ты в пути,
Иди сквозь шторм и неприятье,
И всё сумеешь ты пройти –
Ведь ты в семье своих собратьев.

Стране нужны месторожденья
Цветных металлов, разных руд,
Чтоб были новые свершенья,
Иди, геолог, в свой маршрут!

Дерзай, стремись познать строенье
Планеты и Вселенной всей,
И открывай месторожденья
На благо, счастье всех людей!

Геологи – романтики

Мы не любим постоянства,
Привлекает нас пространство,
Выбран нами необычный
И особый в жизни путь.
Не теряя, ищем «что-то»
То в тайге, а то в болотах,
Этот путь для нас привычный,
И с него нам не свернуть.

Это «что-то» нужно людям.
Коль не мы, то кто же будет
Проводить всю жизнь бессменно
Беспримерный свой маршрут?
В нашем деле все мы асы,
Создаём прирост запасов,
Нам потомки непременно
По заслугам воздадут.

Ищем разных руд скопленья,
Нефтяные проявления,
И хотели б разобраться,
Что скрывает глубь Земли.
Только скажем с откровеньем
И с огромным сожаленьем –
До ядра Земли добраться
Мы пока что не смогли.

Нам на месте не сидится,
За мечтою, как за птицей,
Мы стремиться не устанем,
Чтоб познать Земную суть.
Не пугает нас пространство –
В этом наше постоянство,
Из ядра Земли достанем
Руды мы когда-нибудь!

По Земле геологи идут!

Задают вопрос нам многие
Что нашли мы в геологии?
И даём на это мы ответ:
«По Земле мы нашей бродим,
Руды разные находим,
И профессии, чем эта, лучше нет»!

Исходили всю Планету,
Любим нашу Землю эту,
И родней её на свете нет!
Всюду клады мы находим,
По Земле недаром бродим,
Обошли почти весь белый свет.

Дороги наши нележки,
И плечи тянут рюкзаки,
Мы в сапоги кирзовые обуты,
И каждый день с утра встаём,
И каждый день вперёд идём
Мы в ближние и дальние маршруты.

Нас не пугают комары,
Мы не боимся мошкары,
Мы ищем клады, что в Земле сокрыты.
Их обязательно найдём,
Ключи к их тайнам подберём,
Идём вперёд мы, словно следопыты.

Все чудаками нас считают,
Но лишь немногие то знают,
Что жизнь геологи всему дают.
И где геологи проходят,
Там стройки новые возводят,
И города там новые встают.

Мы работаем отлично,
И к скитаниям привычны,
Городской уют стесняет нас,
Ведь наш дом родной – палатка,
У костра вся пища сладка
И Природа радуется наш глаз.

Жизнью мы живём бродячей,
Нам никак нельзя иначе,
Каждый выбрал свой маршрут,
И судьба нам наша свята,
Вы послушайте, ребята,
У костров геологи поют.

Чтим геологов мы братство,
Ищем мы Земли богатства,
Песни облегчают тяжкий труд,
Мир без песен очень тесен,
Мы в сердца не пустим плесень,
Песни радость жизни нам несут.

Вот пришли мы к Юбилею,
Лет прошедших не жалеем,
Продолжаем избранный маршрут,
Впереди мы всей Планеты –
Все романтики, поэты –
По Земле геологи идут!

Кто первым геологом был?

Откуда пошла геология?
Кто первым геологом был?
Ответ на то знают немногие...
Руду первым кто же добыл?

А первый геолог – наш предок,
Что раньше пещерой владел,
Где камень в руках был не редок
Для многих «хозяйственных дел».

Откуда узнал люд пещерный,
Что камни рождают металл?
Ответ вам даём очень верный –
Из личного опыта знал!

Огонь добывать научился,
Узнал он о свойствах угля,
Познать он издавна стремился:
А что же скрывает Земля?

Узнал свойства серебра, золота,
И прелести камня познал,
Всё то, чем Природа богата,
Чем ценится каждый металл.

Породы, что медью богаты,
Уже находить он умел,
Использовал кремни, агаты
В скребках, в наконечниках стрел.

Заметим, что предок пещерный
Вполне любознательным был,
Нередко бывал суеверным,
И многие камни любил.

Вопрос задают очень многие,
У всех интерес вдруг возрос:
«Откуда пошла геология»?
А вот вам ответ на вопрос!

Порой говорят, что...

Порой говорят, что геолог – бродяга!
Что ж, пусть говорят, отрицать не могу.
Отмечу лишь только, геолог – трудяга,
Пред ним Человечество в вечном долгу.

Геолог проводит маршрут по болотам,
В горах и степи, непролазной тайге,
Всегда он в пути, и всегда ищет «что-то»,
Чего не терял никогда и нигде.

Геолог без устали бродит по свету,
В полях проверяет реальность идей,
Он хочет познать с глубиной всю Планету,
Открыть все богатства её для людей.

Считают порою его ненормальным,
Совсем не похожим на прочих людей,
Относят к разряду совсем аномальных,
Живущих в среде необычных идей.

Он знает законы развития Природы,
И знает глубинных структур он сложенье,
С Природой в единстве на многие годы,
Находит он знаньям своим приложенье.

И пусть говорят, что геолог – бродяга,
Того отрицать я совсем не хочу,
Добавлю к тому я, что он – работяга,
Такая работа не всем по плечу.

Сегодня геологов славит держава,
Геологов громко звучат имена,
О нас, о геологах, добрая слава
Звучать будет долго, во все времена!

От Обручева до наших дней

*Владимиру Афанасьевичу Обручеву –
основателю Сибирской геологической школы
(140 лет со дня рождения)*

Сто сорок лет со дня рожденья!
Его научные творенья
Живут в трудах учеников
И будут жить чрез бег веков!

От Обручева до наших дней
Промчалось Время. Всё видней
Его творений гениальность
И претворенье их в реальность.

Он представлял собой контраст –
Учёный и фантаст,
Философ и мыслитель
Всем поколениям Учитель!

Географ, путешественник,
И деятель общественный,
Геолог, горный инженер,
Во всём всегда являл пример.

А интересы – много шире,
И потому-то он в Сибири
Геологом был первым штатным.
И это быть должно понятно.

Он в Томске не по приказанью,
А по гражданскому призванью,
В большом от Центра удаленьи –
Декан на Горном отделеньи.

Знаток он прозы и поэзий,
Землёю Санникова грезил,
Как некогда барон де Толль
И также многие дотоль.

Он изучал структур строенье,
И мыслям задал ускоренье,
Пронзил умом земную твердь,
И в глубь Земли открыл он дверь.

Он постоянно был в заботах –
Учёба, летние работы,
И экспедиции – Алтай,
Кузбасс, Монголия, Китай.

И вновь – очередной маршрут,
И образцы пород и руд,
И карты, зарисовки, схемы,
И разрешённые проблемы!

Он верил в нас, на нас надеясь.
Мы видим, что его идеи
В науке, в практике живут!
Мы продолжаем его путь!

Его научные труды
Давно дают свои плоды,
Они сейчас так много стоят!
Он высших званий удостоен!

Он не стремился к славе громкой,
Оставил он всё нам, потомкам.
Писал научные доклады,
Свои отстаивая взгляды.

Он вынес множество полемик.
Герой труда и академик,
Он был уже тогда Мессия,
Великий гражданин России!

Лишь только повеет весенним теплом

Лишь только повеет весенним теплом,
Лишь только слышатся звуки капли,
Становится на сердце сразу тепло,
Со мной так бывает лишь только в апреле...

Зовут меня поле и новый маршрут,
И ветер попутный, надежды, тревоги,
Друзья дорогие давно меня ждут,
И манят меня в неизвестность дороги...

Мы – геологи

Мы в «поля» свои уходим,
Но не сеять и не жать,
Мы богатства в них находим,
Чтоб запасы умножать.

Обойтись никак не может
Без геологов страна,
И мы ей всегда поможем,
Ведь она у нас – одна!

Вся страна на нас в надежде,
Кто же может, кроме нас,
Ей создать такой, как прежде,
Стратегический запас.

Я – геолог

Мне геология – моя стихия,
Решил о ней писать стихи я.
Хочу во многом разобраться –
Не зря зовут нас «рудознатцы»!

Ведь ищем мы скопленья руд,
Везде бываем – там и тут.
Хочу профессию прославить
И труд геологов восславить.

Пусть будет не в укор другим
И не обидно будет им,
Я первой ставлю геологию,
И в том моя идеология!

Я геологией горжусь,
В её структурах я тружусь,
Я, как разведчик, впереди.
Где я прошёл – там ты иди!

Я всем прокладываю путь,
И мне назад не повернуть.
За мной – топограф и строитель,
И химик, медик, и учитель.
Я в глубь Земли провёл свой путь,
Чтобы познать явлений суть.

Геологов неимоверен труд!
Награда ж им – открытие руд!
Перелопатив массы, груды,
Горняк добудет эти руды,
А металлург их переплавит
И людям их служить заставит,
Из руд он выплавит металлы –
От них ведь пользы есть немало!

Геолог – романтик

Геолог идёт в новый поиск,
Дороги его нележки.
А я остаюсь – меня поезд
Уносит в другие пути.

Романтик душой и мечтатель,
Себя посвятил ты навек
Профессии – вечный искатель!
Геолог – простой человек.

Он смело по жизни шагает,
Он ищет скопления руд.
Богатства Земли открывает
Его героический труд.

А эти богатства глубоко
Находятся в недрах Земли.
Геолог уходит далёко,
Бредёт по нехоженным тропам
От дома родного вдали.

Природа его окружает,
И с нею навеки он слит,

В пути он усталость не знает,
Он крепок, как камень гранит.

А путь твой лежит по болотам,
Иль в снежных, таёжных местах.
Идёт по звериным он тропам,
Встречает рассветы в горах.

Бродягой его называют,
«Чудак – про него говорят –
Он многое в жизни теряет
И время проводит он зря.

Раз в год он театр посещает,
Чуть чаще бывает в кино,
Газеты и книги читает
Одна его радость – вино».

Я скептиков этого рода
Стыдить, убеждать не хочу –
У каждого в жизни дорога
Одна лишь ему по плечу.

Геологу – вечная слава!
Романтику дальних дорог
Мы песню поём неустанно
За подвиг, зовущий вперёд!

Романтики трудных дорог

Спешим за своею мечтою,
За птицей удачи летим,
Она за далёкой чертою,
Где чуть горизонт различим...

Мечта из далёкого детства,
Мы с нею сжились всерьёз,
И нам от неё уж не деться,
Для нас это важный вопрос.

Мечта нас приводит к открытиям,
Она нам, как компас в пути,

С мечтой приближаем события,
Сумеем с ней всё мы найти.

Мы руды найдём и алмазы,
И нефть мы в ловушках найдём,
Добудем корунды, топазы,
К земному ядру мы пройдем.

Наш труд не измерить в банкнотах –
Романтикой он измерим!
В тайге и горах, на болотах
Геолог, друзья вместе с ним!

Удача пусть нам улыбнётся,
Мы впустим её за порог,
Геологи-первопроходцы,
Романтики трудных дорог!

Наше призвание

Болеем мы «полем»
И первым маршрутом,
И воздухом вольным,
И ветром попутным.
Не зря так считают –
Геолог – бродяга!
Не все понимают –
Что это мне надо!

Заболел я давно геологией,
С детских лет познакомившись с ней,
Не хочу то назвать патологией,
Но с годами симптомы сильнеей.

Мы – особой, своей категории
Одержимых идеей людей.
Могут разные быть аллегории,
Геологии ж нет без идей.

Мы – философы, идеалисты,
И подвижны идеей одной –
Мы годами стремимся неистово
Нашу Землю познать с глубиной.

Чтоб понять, разобраться в процессах,
Что проходят в её глубине,
Приравнять кои можно к абсцессам,
Что случаются в недрах и вне.

Мы геологи, мы реалисты,
За идеей стремимся в глубь недр,
И к тому же мы все – оптимисты,
А идеям преград нигде нет.

Существуют различные мнения
О профессии редкой такой,
У нас нету и тени сомнения –
На всю жизнь прикипели душой.

И всегда в постоянном процессе я,
Наш характер труда очень мирный,
Говорят, мы не только профессия,
Но ещё и диагноз обширный.

Сей болезни подвержены многие,
Но лечиться – увольте, друзья!
Уж давно мы больны геологией,
Среди прочих, конечно же, я.

Та болезнь – лишь одно наслаждение,
От неё нам лекарств не искать,
Геология – как наваждение,
Мы мечтали геологом стать!

Пусть повсюду звучат откровения,
Пусть звучит и геолога звание!
О профессии нет сожаления!
Я геолог! И это – призвание!

О «полях» геологических

Есть «поля» в профессии нашей –
В них не сеем мы, в них мы «пашем».
Мы не сеятели, мы копатели,
Мы сокровищ земных искатели!

А поля те – специфические,
И зовутся геологическими.
Нас влекут они в путь весною,
Воздух в них насыщен сосною.
С молотком, рюкзаком за спиною
Мы идём за своею судьбою.

По горам, по лесам и болотам
Всюду ищут геологи что-то,
Ничего не теряя заранее,
Но потом получая признание.

Мы полями Земли физическими
И маршрутами геологическими
Изучаем Земли строение.
Применяем мы всё – бурение,
Геофизику и работы горные.
Мы, геологи, люди упорные,

Нам до сути всего бы добраться
И в строении Земли разобраться.
Изучаем Земли структуры мы,
Занимаемся «акупунктурами»,
Бурим скважины, шахты строим –
Разобраться – чего ж мы стоим?

Ведём поиск геологический,
И задачи решаем практические –
Отыскать богатства скрытые
И в структурах Природой «забытые»,
Чтоб на службу людям поставить
И профессию нашу прославить!

Геологини

Зовём с любовью вас – Геологини,
Принцессы наши, ведь вы – Богини!
Вдали от дома вы по полгода,
И не пугает вас непогода,
Ведёте трудный вы свой маршрут,
А дома вас родные ждут...

Вы – непоседы, вы – героини,
Родные наши геологини,
Без вас мы в жизни ничто не значим,
Без вас бы не было нам удачи.

Вам всё известно и всё знакомо,
Хоть вы с дипломом иль без диплома.
И каждый год вы зимой и летом
В маршрут идёте бродить по свету.

Зовём с любовью вас – Геологини,
Принцессы наши, ведь вы – Богини!

Профессия геолога

Профессией геолога гордиться не устанем,
Романтику открытий мы в ней смогли найти,
Богатства человечеству из недр Земли достанем,
Одним лишь нам известны к сокровищам пути.

Нам не страшны житейские мели-перекаты,
И дым костра походного нам создаёт уют,
Встречаем мы в маршрутах рассветы и закаты,
И под гитару песни романтики поют.

Геологи – романтики, к лишениям привычные,
Профессии обязаны за необычный труд,
Геологи – искатели, работники отличные,
Откроем человечеству скопленья разных руд!

Съёмка, поиски, разведка....

Геологическая съёмка!
Всего два слова, но в них ёмко
Отражена процессов суть!
Она – великое начало,
Всегда и всюду намечала
К открытиям надёжный путь!

За съёмкой поиски ведутся,
И скоро руды копь найдутся,
Всех ждёт успех необычайный.
Закончив поиск многотрудный,
Участок оконтурят рудный,
Закономерный, не случайный.

Оценка рудопроявления
Решит судьбу месторождения –
Быть руднику здесь иль не быть.
А положительный прогноз
Решить поможет сей вопрос:
Разведку ставить и бурить!

Затем другой этап – разведка!
Как раньше поступали предки,
И также мы – всё высшим классом!
Здесь геофизика, буренье,
Оценка руд месторождения,
И как итог – прирост запасов!

Всё это – наша геология!
Есть в ней своя методология,
К явлениям подход научный.
При съёмке, поисках, разведке
Открытия совсем нередки,
В копилку их сдаём поштучно!

Друзьям – геологам

И вновь мы в поиск!
Нам не сидится!

Стрелой наш поезд
Транзитный мчится!
И, как когда-то,
Туда, где сопки,
Уйдут ребята
Таёжной тропкой.

Геологу много ли надо?
Ему непривычен уют,
Он в «поле» не за наградой,
Лишь был бы удачным маршрут.
Он многое вам расскажет,
Где руды лежат – покажет,
И много чего иного,
И много чего такого...

И снова идёт он в поиск...

Найдёт он и нефть, и газ,
Ещё и руду откроет,
Фанат он, факир среди вас,
Такому ведь нет покоя,

Есть в жизни его высота –
Глубин бы земных достичь,
А также ещё есть мечта –
Законов всех суть постичь!

Однако всегда по весне
Вдруг сильно так грустит,
Он не такой, не как все, –
Глазами он вглубь гладит.

Опять он маршрутом бредит...

День редкой профессии нашей
Есть в самом начале апреля.
Лёгок он грустью вчерашней,
А также и первой капелью.

И вновь мы уходим в поиск,
Где новый нас ждёт маршрут.
Нас мчит вперёд скорый поезд,
Друзья нас повсюду ждут!

Выпускникам – геологам

Послушайте, коллеги, как звучит
Профессия отличная – геолог!
Сюда пришли вы, чтобы получить
Диплом – к нему путь очень долог.

Пройдут года – и десять, и пятнадцать,
Приедете, чтоб с нами повстречаться,
И вспомните студенческие годы,
И сессии, и песни у костра,
И дальние и ближние походы,
Прогулки летние по Томску до утра.

Пытались съесть вас комары
В болотах и на дальних далях,
И тучи злющей мошкары
Вас беспощадно заедали.

Но вы сумели всё пройти –
Огонь и воду, гнус таёжный.
Свернуть вам с трудного пути
Теперь никак уж невозможно!

Геологам грядущих поколений!

Геологам грядущих поколений!
От ветеранов, пионеров геологии!
Вперёд смелей, без усталости и лени,
Как раньше шли предшественники многие.

Упорства вам, задора, оптимизма,
И прозорливости в решении задач,
Гордилась чтоб Российская отчизна
Геологом – искателем удач!

Наследие наше

Сохраняя наследие наше
От былых до грядущих времён,
Мы становимся лучше и краше,
Мы – наследники славных имён!

Город Томск – наш единственный дом,
Где от первого дня до последнего
Многолетним упорным трудом
Создают поколенья наследие.

То наследие – славный наш город,
Город сказочный, город реальный,
Он не стар, он совсем ещё молод,
Томск научный, индустриальный.

Центр культуры, известнейший в мире,
Он – наследие наше, история,
Он известен не только в Сибири,
Без него ничего б мы не стоили.

Создаётся наш Томск поколениями,
Он прекраснее всех на Планете,
Вызывает у всех удивление,
Восхваляется в песнях поэтами.

Перед нами во всём он обличии –
В площадях, переулках и скверах.
В исторически гордом величии
Здесь Любовь и Надежда, и Вера.

Томск четыреста лет уже прожил,
Закалился в борьбе он суровой,
Славен город наш доблестным прошлым
И готов к испытаниям новым.

Он – история, и не последняя,
Люди пишут в неё страницы.
Город-памятник, город-наследие,
Нам приятно Томском гордиться!

Мы – томичи

Мы – томичи, друзья, и это так прекрасно,
Сдружил нас Томск на долгие года,
Сюда приехали мы с вами не напрасно
И не расстанемся мы с Томском никогда.

Наш старый Томск – один из сотен многих,
Но нам его роднее не найти,
Куда б нас ни вели пути-дороги,
Дорога в Томск всегда нам по пути.

Томск покорила сибирскою природой,
Величием строений вековых,
Прекрасен он в любое время года,
Он нам дороже городов других.

Здесь все учились мы и здесь влюбились,
Всё дал нам Томск, что каждый попросил,
Чтобы не раз сюда мы возвращались,
Чтоб у него набраться новых сил.

Мы – томичи, где б мы сейчас не жили,

Где б ни скитались в жизни по волнам,
Ты помнишь, Томск, как мы с тобой дружили,
Когда по двадцать было только нам.

Мы – томичи, гордимся этим званьем,
Наш город на Томи, ты – наша честь,
Тебе в стихах и песнях шлём признанья,
Наш славный Томск, спасибо, что ты есть!

Мы – томичи, друзья, и это свято,
Нам Томск для жизни дал свои ключи,
И пусть живет наш древний Томск богато,
Мы – томичи, друзья, мы – томичи!

Выпускникам – геологам (всем)

Так незаметно пролетели
Пять трудных, интересных лет!

И вы достигли своей цели,
И вам открыт весь белый свет!

Уже учёба позади,
В руках у каждого диплом,
Вас ждут дороги впереди,
И вы покинете свой дом.

Вы не забудете наш Томск,
Его проспекты и кварталы,
Сюда вернётесь вы потом,
Куда б судьба вас ни кидала.

И каждый встрече будет рад,
И сердце в такт вдруг застучит,
С улыбкой каждый скажет: «Брат,
Мы – томичи, мы – томичи!»

Вы не забудете свой дом,
К нему вас приведут дороги,
Своим умом, своим трудом
Вы одолели все пороги.

Достигли вы заветной цели,
Прошли с успехом трудный путь,
Преодолеть вы всё сумели,
И вам с пути уж не свернуть.

Пусть среди праздников и буден
В вас не остынет романтизм,
И пусть попутчиком вам будет
Студенческий ваш оптимизм!

Вы вернётесь домой
В город юности вашей,
Чтоб сказать: «Дом родной,
Сердцу нет тебя краше!»

Мы навечно вписались в Историю

Мы навечно вписались в Историю,
Совершив главный в жизни маршрут!

А иначе чего бы мы стоили,
Мы, разведчики редкостных руд?

Видно, нам так судьбою назначено –
Впереди у планеты всей быть,
Наша жизнь среди других обозначена,
Чтоб искать, находить и дарить!

Километры шагами мы мерим,
Продолжая свой главный маршрут,
В геологию свято все верим,
Знаем точно – открытья нас ждут!

Россия – Матушка

Русь белокаменна,
Русь златоглава,
Ты – неприкаянна,
Ты – Русь-держава.

Под игом бывшая,
Гнёт испытанная,
Себя взрастившая,
Великой ставшая.

В трудах испытана,
В боях окрепшая,
Ты – часто битая,
Ты – вольность певшая.

Всегда нам дороги
Все, Русь спасавшие
В боях от врага,
Легендой ставшие.

В делах прославлена
Царей – правителей:
Ивана Грозного,
Петра Великого,

Дела серьёзные,
Все многоликие.
Россия – Матушка,
Отчизна милая,

Нас воспитала ты,
Нас ты вскормила.
Россия вольная,
Россия сильная,

В степях – раздольная,
В хлебах – обильная.
В стихах озвучена,
В веках воспета
Россия Тютчева,
Россия Фета!

Россия – Родина и Мать

Стала независимой Россия,
Обретя свободу в мире этом,
Чтобы постоянно было синим
Небо, солнцем ласковым согрето...

Я люблю российские просторы –
Реки, степи, небо и поля,
И в величии задумчивые горы,
И берёзы, вербы, тополя.

Родину люблю весной в цветении,
И в сугробах снежную зимой,
Не могу никак унять волнение,
Возвращаясь издали домой.

Я люблю мою Россию разную –
Мне её вовеки не забыть,
Грустную, задумчивую, праздную,
Разве можно Мать нам не любить?

Родина и Мать – слова священные,
А Россия – нам вторая Мать,
Временем они все освящённые,
Никому у нас их не отнять.

Пусть порой другие утверждают,
Будто страны где-то лучше есть...
Родину себе не выбирают!
В том едины мы, в том наша честь!

Мы всегда за Родину в ответе,
И себя мы отдаём лишь ей,
Потому на целом белом свете
Нет её дороже и родней.

Родина наша – мы с вами,
Родина наша – наш дом,
Дом мы построили сами,
Жить ещё долго нам в нём.

И звучат от края и до края
Сыновей слова и дочерей:
«Родину себе не выбираем,
Как не выбираем Матерей»!

Старинный сибирский наш город

Другого такого нигде не найти,
Ты нам по-особому дорог,
Где б ни были мы, ты всегда на пути,
Старинный сибирский наш город.

Влюбилась в тебя мы давно, навсегда,
Приехав учиться здесь в вузе,
Тебя не забудем уже никогда,
С тобою мы в прочном союзе.

Друзья разлетелись на север, на юг,
На западе есть, на востоке,
А ты остаёшься, наш преданный друг,
Здесь юности нашей истоки.

Четыре столетия над Томью-рекой,
Не старишься ты – вечно молод,
Запомнишься нам ты навеки такой,
Старинный сибирский наш город.

Мы песни, стихи посвящаем тебе,
Сознанием этого горды,
Так многое значишь ты в нашей судьбе,
Старинный сибирский наш город!

Победный Май

От Дня Победы мы всё дальше,
Но память бережно хранит
Тот светлый день, слова без фальши
И праздничный салют в зенит.

Победным шагом в сорок пятом
Под звуки орудийных залпов
На Красной площади солдаты
Под ноги бросили штандарты.

Познав и горечь поражений,
И показав пример отваги,
Пройдя горнило всех сражений,
Флаг водрузили на рейхстаге.

Как ликовала вся страна,
Встречая воинов-героев,
Когда закончилась война!
Дождались мира и покоя!

Не только за свою страну
Солдаты наши воевали,
Они закончили войну,
Мир на Планете отстояли.

Мы благодарны ветеранам
За то, что Миру мир спасли.
За подвиг их, за кровь и раны
Поклон наш низкий до земли.

От Дня Победы мы всё дальше,
Но память бережно хранит
Тот светлый день, слова без фальши
И праздничный салют в зенит!

Память

На стелах в городах и сёлах,
На площадях и на стенах
В тонах свинцовых, невесёлых
Храним мы Память в именах.

Та Память – о войне прошедшей
И о героях той войны,
О всех погибших, непришедших,
Отдавших жизнь за жизнь страны.

В тех списках – и отцы, и деды,
Не пощадила их война.
Хоть не дошли все до Победы,
Без них бы не пришла она.

Они прошли сквозь дым и пламя,
И им на всё хватило сил,
И на рейхстаге наше Знамя
Солдат советский водрузил.

Скорбный список. Минуты молчанья.
Только музыка скорбно звучит,
Наполняется сердце печалью
Да взволнованно очень стучит.

Они жизни свои положили
За свободу родимой страны,
Чтобы дети и внуки их жили,
Никогда бы не знали войны.

Я б хотел обратиться к Истории
И к потомкам грядущих времён,
Чтоб сказать, что, наверное, стоило
Нам иметь скорбный список имён.

В тревожном сорок первом

В тревожном сорок первом
На западной границе
В комок сжимались нервы
От всполохов зарницы.

Все жили в напряженьи –
Агрессор близок очень,
На западе – сраженья
Повсюду – днём и ночью.

От северных до южных
Широт родной страны
Свинцовой бурей вьюжной
Нависла тень войны.

Под страшный гром орудий
Взорвалась тишина!
Мы долго помнить будем,
Как к нам пришла война

Все на защиту встали –
Страна у нас одна!
Все были крепче стали,
Кому нужна страна!

Четыре долгих года
Сражалась вся страна,
Распятую свободу
Вернула всем она.

В победном сорок пятом

Вспоминают дороги
И себя, молодых...
Их осталось немного,
Ветеранов седых...

В победном сорок пятом
На куполе рейхстага
Советские солдаты
Воздвигли древко стяга.

В победном сорок пятом
Под звук победных лир
Советские солдаты
Вернули людям мир!

В победном сорок пятом
Вздохнул свободно мир.
И памятник солдатам
Воздвигнут, как кумир!

Прошли победным шагом,
Преодолев страдания,
Оставив на рейхстаге
Потомкам назидания!

Прошли наши солдаты
Тот путь – к плечу плечом,
Повергли супостата,
Что к нам пришёл с мечом!

Весна сорок пятого

Уходит все дальше весна сорок пятого,
Но память о ней пусть не канет в веках,
Пусть люди весною, в день Мая девятого
Стекаются к стелам с цветами в руках.

Победа досталась нелёгкой ценою,
С лихвой оплатила свободу страна,
И мы никогда не забудем героев –
Их в камень навечно влились имена.

Запомним мы день, что Победу принёс нам,
Всем людям спасенье, свободу и мир!
Пусть радуют всех эти тёплые весны,
Пусть радуется слух лишь звучание лир!

Мы помним, что день этот радость принёс
Для всех поколений грядущих –
Ведь столько пролито и крови, и слёз,
Во имя народов живущих.

В скорби глубокой склонились знамёна,
И скорбно звучит выступающих речь,
Запомним героев мы всех поимённо,
Всех тех, кто свободу сумел уберечь.

Сегодня славим мы живых
И вспоминаем непришедших,
И говорим о днях былых,
О днях, давным-давно ушедших.

Идут в колоннах ветераны,
И гордо реет алый стяг.
Саднят осколки в старых ранах,
Звенит металлом каждый шаг.

Сверкает солнце на медалях,
Награды все не перечесть,
И слёзы радости, печали
За Славу, Доблесть и за Честь!

Сделаем всё, чтоб нигде на Планете,
Вновь не звучали раскаты войны,
Сделаем всё, чтобы внуки и дети
Видели только лишь мирные сны!

Я обращаюсь к вам, люди Планеты!
Войнам, конфликтам поставим заслон!
Пусть никогда не погаснет луч света,
И всех живущих пусть радует он!

С Днём Победы!

Всё дальше мы от страшной даты,
Когда взорвалась тишина,
И слово грозное... «Война!»
И на войну ушли солдаты...

Все поднялись на супостата,
Чтоб защитить свободу, мир,
На слышно стало звуков лир,
Гремели пушки, автоматы...

Не все вернулись с той войны,
Остались там, на бранном поле,
Лихая им досталась доля,
Не услышали тишины.

Осталось их совсем немного,
Войны минувшей ветеранов,
Саднят ещё былые раны,
И вспоминаются дороги.

Дороги трудные войны!
Огонь и смерть, друзей потери,
Порою трудно в то поверить
Средь наступившей тишины.

Всё дальше мы от славной даты,
Когда закончилась война,
Когда настала тишина,
Не все пришли домой солдаты...

Их, пол-Европы прошагавших,
Освободивших много стран,
Всех помнит каждый ветеран
Солдат, на поле битвы павших.

Все были избраны Судьбой,
Не пожалели свои жизни,
Отдали их они Отчизне,
Прикрыли Родину собой.

Победители

Весной они всегда в строю –
Войны той памятной ребята,
Как по команде, вновь встают
И командиры, и солдаты.

В строю осталось их немного,
Их, призванных войной когда-то,
Нелёгкие прошли дороги
И командиры, и солдаты.

Они победу принесли
Весной в далёком сорок пятом,
Мир отстояли, мир спасли
И командиры, и солдаты.

Их подвиг славен и доныне,
Мир не забудет этой даты –
Войну закончили в Берлине
И командиры, и солдаты.

Не только в памятные дни,
О них храним мы память свято,
Все Победители они –
И командиры, и солдаты!

Идут в колоннах ветераны,
Все в орденах, суровый взгляд,
Саднят ещё былые раны
У командиров и солдат.

Неровен строй, звенят медали,
И твёрд ещё солдатский шаг,
Победе всё они отдали,
Чтоб гордо реял алый стяг.

Поклон земной всем ветеранам,
Мир отстоявшим в сорок пятом
В сражениях на поле бранном –
И командирам, и солдатам!

Защита Отечества

*Защитник тот, кто за щитом,
Защитник тот, кто со щитом...*

Защита Отечества – долг священный,
И, невзирая на должность и чин,
Славой и доблестью путь освященный,
Воинов путь – настоящих мужчин!

Во все века без исключения
Русь созывала ополченья,
Когда врагов несменных рать
Пыталась всё у нас отнять.

Шли в ополченье стар и млад,
Отец и сын, сестра и брат.
И в битве огненной, кровавой
Имел победу тот, кто правый,
Кто за поля свои стоял,
И в битве грозной устоял.

Во все века был долг мужчины
С его рожденья до кончины
Себя защитником считать,
И, коль беда, немедля встать
В ряды защитников Отчизны.
Так, от рожденья и до тризны,
Все настоящие мужчины
Не ищут никакой причины,
Чтобы уклониться им от службы,
Чтоб не познать пот ратной дружбы.

У всех народов так ведётся,
Из рода в род передаётся –
Мужчина тот, кто овладел
Искусством воинским. Удел
Мужчин защитниками быть,
Себя в сей жизни утвердить.
Они Отчизны мирный труд
И днём, и ночью стерегут.

Чтоб отстоять все рубежи,
Чтоб были прочными межи.
Они всегда готовы в бой,
И жизнь свою отдаст любой.

Есть такая профессия

Есть такая профессия—
Родину защищать!
От различной агрессии,
Как родимую мать!

Никакие чтоб вороги
Не топтали поля,
Защищать всё, что дорого,
Это – наша Земля!

Профессия эта – с давних времён,
Границы стеречь от набегов племён

(Набеги их раньше были нередки,
О чём повествуют далёкие предки).

Почётная служба во все времена!
Хранятся в Истории все имена.
Российская Армия долго ковалась,
Веками трудами она создавалась,
В победах росла и в пораженьях,
Выстояв в битвах и многих сраженьях!

Известно немало достойных побед!
Важнее профессии война нет!
Нынче Россия всех воинов славит,
Кто защищал и сейчас защищает
Её рубежи на далёких границах –
История войн не должна повториться!

И потому мы твёрдо знаем –
Нужна профессия такая,
Чтоб крепла Русская держава!
Защитникам России – Слава!

Горбачев Феликс Феликсович

– родился 26 августа 1937 г. в пос. Вырица. Окончил Ленинградский газотопливный техникум (1958), радиотехнический ф-т Северо-Западного заочного политехнического института, специальность «радиотехника» (1969). Кандидат технических наук (1980); доктор технических наук («Акустополаризация горных пород: метод и результаты», 1992). В Геологическом институте с 1983 г. – ведущий научный сотрудник. Проводит исследования физических свойств и состояния пород по разрезам Кольской, Уральской, Тырныаузской, Ворониловской сверхглубоких скважин. Автор свыше 200 научных работ, в т.ч. 8 изобретений, 5 монографий,

5 методических рекомендаций, 7 коллективных монографий. Был ученым секретарем проекта № 408 Международной программы по геологической корреляции ЮНЕСКО «Породы и минералы на большой глубине и на поверхности», руководил российской частью проекта ИНТАС-01-314 «Геодинамика в разрезе Кольской сверхглубокой скважины». Под его руководством подготовлены 3 научные работы на соискание ученой степени кандидата наук. Член Российских акустического и минералогического обществ [Ученые Кольского научного центра 1930-2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. С. 113].

Мои детские годы

Я родился 26 августа 1937 г. в пос. Вырица. Это небольшой красивый посёлок в 60 км от Санкт-Петербурга. Он образован в начале XX века на месте существовавших дач и деревень в связи с началом в 1904 г. движения по железной дороге Петербург-Витебск. Наша семья, отец Феликс Иосифович, мать Эмилия Фердинандовна, двое моих братьев и сестра жили в отдельном деревянном доме. Был небольшой участок, корова, коза и куры. Семья была дружная.

15-го ноября 1937 г. моего отца арестовали, обвинив в том, что, будучи враждебно настроенным против партии и правительства, систематически занимался контрреволюционной агитацией и националистической пропагандой, что он подозревается в шпионаже в пользу Польши. Действительно, мой отец был поляком. Он работал багажным раздатчиком в Витебском отделении Октябрьской

железной дороги. Он много ездил по стране и видел собственными глазами, к чему на деле приводила политика ВКПб. Конечно, в кругу рабочих, таких как и он сам, отец рассказывал правду о том, что коллективизация привела к нехватке продовольствия и росту цен, а крестьян в колхозы загоняли насильно. В протоколе допроса написано, что он «выступал против проводимых мероприятий партии и правительства. Распространял клеветнические измышления о голоде в колхозах, говорил, что крестьяне умирают с голода, колхозники из колхозов бегут. Пытался обвинять руководство УК ВКП(б) и совправительство в неправильной политике в деревне и вопросах колхозного строительства, клеветнически утверждал, что колхозы построены на насилии, так как мол крестьян в колхозы загнали насильно».

Нашёлся некий Клусевич, секретарь парткома кондукторских бригад, который написал донос на моего отца, где описал, как отец относился к коллективизации. Показания Клусевича, как написано в реабилитационном деле, «составлены в виде общих фраз, без указания времени, места и обстоятельств и в присутствии каких лиц Горбацевич допускал антисоветские высказывания». Они не могли быть основанием для какого бы то ни было обвинения. Однако мой отец был приговорен к расстрелу и 22 января 1938 г. расстрелян. Мать со мной четырёхмесячным на руках пыталась узнать хоть что-то о судьбе отца у окошка следственного изолятора Кресты. Только в январе 1957 г. ей сообщили, что её муж расстрелян.

30-го августа 1941 г. в Вырицу вошли немецкие войска. При этом южнее нашего посёлка на «ловком поле» было окружено соединение советских войск, по численности примерно батальон. Мы, мальчишки, после войны в этом месте находили снаряды, ящики с патронами, где был, вероятно, склад боеприпасов. А в лесу, когда собирали грибы, нам иногда попадались человеческие черепа. В Вырице немцы были расквартированы по домам. В наш дом их тоже поселили. Это были простые солдаты, которые не причиняли нам вреда. Иногда при раздаче на полевой кухне и нам доставался черпак немецкой каши. Помню, что однажды румынский солдат принёс большой каравай чёрного хлеба. В Вырице с 1941 г. находились два лагеря военнопленных. Однажды один из них подожгли, когда там военнопленные заболели брюшным тифом. Местному населению не позволяли тушить пожар. Зимой 1941-42 г. для нашей семьи наступили голодные времена. Моя мать, объединив-

шись с соседними поселянками, чтобы было не так страшно, на саночках возили какие-то вещи в дальние деревни и обменивали их на продукты. Летом 1942-43 г. выручал огород и козы.

Но осенью 1943 г. пришла новая беда. Где-то в октябре в один день объявили, что нас выселяют и отправляют на запад. Моя мама побежала к поселковой голове, и он якобы дал разрешение остаться. Но для немецких солдат поселковый голова был не указ. В тот же день нас, мою мать, старшего брата, сестру и меня, погрузили в товарный вагон. В вагоне уже были и другие, такие же несчастные люди, которые не знали, зачем их лишили крова и куда их везут. Нас везли на запад очень сложным путем. Я плохо помню весь путь. Как рассказывала моя сестра, каким-то образом нас довели до Чудского озера. Там вместе с другими погрузили в трюм баржи. К барже прицепили катер и начали буксировать к другому берегу озера. Но в это время усилился ветер и разыгрался шторм. Команда катера отцепила баржу и оставила её на произвол судьбы. Только когда утих шторм, катер разыскал баржу и буксировка продолжалась до другого берега.

Перевозка по территории Эстонии производилась конским транспортом. Немецкое начальство сформировало санный обоз, куда посадили всех нас. Было очень холодно. Помню, что на одном из переходов мы остановились на хуторе. Пожилая пара, эстонцы, накормили нас горячей гречневой кашей с маслом. Это было необыкновенно вкусно, этот вкус запомнился до сих пор. Через несколько переходов мы прибыли в концлагерь в г. Фелин. Это немецкое название эстонского г. Вильянди. Помню высокий цементный барак с высокими железными воротами. В бараке были двухэтажные нары. Вероятно, весной 1944 г. нас погрузили опять в товарные вагоны и поезд двинулся снова на запад, в сторону Клайпеды. Как мне рассказывала сестра, впереди по движению поезда советская авиация разбомбила железнодорожные пути и нас выгрузили в пос. Ярваканди. Этот поселок расположен где-то между Таллином и Пярну. Там мы находились до конца войны. Жили в бараках. Мать работала на стекольном заводе. Бараки не охранялись.

Где-то в начале лета ярким солнечным днём пришли советские войска. Я помню это событие очень отчётливо. Немцы поспешно отступили, боёв в окрестности посёлка не было. По шоссе, которое проходило через Ярваканди, сплошным потоком шли большие военные машины, орудия, зенитки. Это походило на железную

лавину. Бойцы бросали нам буханки хлеба, конфеты. В Ярваканди мы прожили до зимы 1944 г. В декабре советская комендатура выделила для бывших концлагерников товарный состав, и мы поехали в сторону дома. Где-то в январе мы оказались в Вырице. Помню, что по приезде мои трусы и тело пришлось отмывать от экскрементов – в товарных вагонах туалетов не было. Наш дом оказался занят, а имущество разграблено. Пришлось снимать жильё. Каким-то чудом матери удалось сохранить документы на дом. Примерно через год по суду мы перебрались в собственный дом.

В Вырице до войны проживало несколько тысяч, а в декабре 1943 г., когда гитлеровцы спешно покинули посёлок, оставалось всего 1557 человек. И в нём, оказывается, был детский концлагерь, куда немцы свозили детей, оказавшихся без родителей, из Шлиссельбурга, посёлков Мга, Войбокало и других [1]. В разное время там было до 95 детей. Надзиратели жестоко избивали их за малейшие провинности. Некоторых детей, которые были постарше, немцы вывезли на работы в Германию. В 1998 г. при въезде в Вырицу установлен памятник бывшим малолетним узникам. Каждый год, 11 апреля, в день памяти узников фашистских лагерей, у этого скромного памятника собираются бывшие дети и делятся воспоминаниями...

После окончания войны нашей семье пришлось поголодать. В известной степени нас выручала коза, вернее, её молоко. Моя мама доила козу, а также собирала молоко у соседней. Это молоко она отвозила в Ленинград и обменивала там на какие-то продукты. Помню, что в 1946 г. она привозила из города картофельные очистки и делала из них для нас котлеты. Потом мы завели собственный огород, где посадили картошку, репу, свёклу и другие овощи. В хлеву повизгивал поросенок. Ситуация с пищей стала улучшаться. Но до сих пор я помню вкус щей из молодой крапивы!

По прошествии многих лет я, состоявшийся российский учёный, с бесконечно глубокой благодарностью вспоминаю своих родителей, отца Феликса Иосифовича и мать Эмилию Фердинандовну. От отца я наследовал: смотреть правде в глаза, говорить правду и поступать по правде. Благодаря мудрости и энергии моей матери наша семья выжила в то страшное время, когда два кровавых диктатора делили власть на планете.

Литература

1. Дмитриев С.И. Было это в Вырице. СПб.: ООО «КОПИ-Р», 2004. 59 с.

Жамалетдинов Абдулхай Азымович –

доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института КНЦ РАН. Окончил ЛГУ по специальности «геофизика», в 1963-1967 гг. работал в Центральном Казахстане, в 1968 г. перекочевал на Кольский Север, который полюбил всем сердцем. Научные интересы: изучение глубинной электропроводности литосферы с мощными контролируемыми источниками (в том числе двойного назначения), геофизические исследования рудных полей (Печенгского, Мончегорского) и месторождений. Участвовал в уникальных проектах с МГД-генератором «Хибины», СНЧ-антенной «Зевс», промышленными ЛЭП «Колэнерго» и «Волгоград-Донбасс». В 1986 г. организовал в Геологическом институте КНЦ РАН лабораторию геоэ-

лектрики, которой успешно руководил до переезда в Санкт-Петербург в 1998 г. Районы работ: Финляндия, Норвегия, Карело-Кольский регион, Украинский щит, Воронежский кристаллический массив, Забайкалье и Сахалин. Хорошая научная школа, встречи с выдающимися современниками, посещение различных регионов и знакомство с традициями многих народов – всё это сформировало в нём широкий кругозор и пристальный взгляд на мир. Накопленной мудростью он щедро делится с читателями. Уверен, что вы ещё встретитесь с ним на страницах наших изданий. – *Ред.*

Мама

Мама, любимая мамочка Саадат Баню, непривычно спокойная лежит под белым саваном. И не хочется верить, что её больше не будет со мной, с нами, что она не встретит меня у порога, вся преобразившаяся и помолодевшая при виде сына, и не осыплет меня ласковыми словами. Запретные слёзы наворачиваются на глаза. Но плакать нельзя. Мусульманская традиция не приветствует оплакивание, ибо всё совершается по воле Всевышнего. Мамочка и сама приняла смерть спокойно и достойно, полностью осознавая, что она исполнила свой долг на Земле. Но нелёгким оказался для неё этот долг, как, впрочем, для миллионов и миллионов людей её времени – предвоенная деревенская, затем городская нужда, война, блокада и нелёгкая послевоенная жизнь. И на всём пути – потери детей, родных и близких.

Я бы не стал писать этих строк, если бы не осознавал, что в жизни моей мамочки, как в капле воды отразились судьбы таких же, как и она, простых людей. Без всякого пафоса они вынесли на своих плечах тяготы жизни, сообразуясь лишь с понятиями долга, чести и совести. Воспитанная в традициях деревенской патриархальной жизни, мама требовала и от своих детей безукоризненной честности, тщательно ограждала нас от вредных привычек, подавая пример святости и добродетели. Воспитание маме дал её дед Седек бабай в глухой приволжской деревушке Суэксу-аулэ. Прадед долгое время преподавал теологию в Варшавском университете, но после событий 1905 г. вернулся в деревню и занялся просветительской деятельностью. Увы, почти всех его учеников в конце 1930-х согнали в Уразовскую тюрьму и в одну ночь расстреляли. Садек бабай, к счастью, не дожил до этих дней. К нему больному пришли изымать налог как с единоличника. Поскольку в доме ничего не было, то вытащили из-под него единственный матрац. На голых досках прадед окончательно простыл и вскоре умер в возрасте 84 лет. Несколько лет спустя, в конце 1930-х мамочка, вслед за отцом, выехала в Ленинград. Но и там жизнь оказалась не легче. За пустячное опоздание на работу её выслали на шестом месяце беременности на лесоповал в с. Захожье Тосненского р-на Ленинградской обл. Там я и родился в хижине на руках у маминой подружки, принявшей роды. Потом мы вернулись в Питер, и началась война. Мамочка не захотела уезжать в тыл и осталась со мной и своим малолетним братом, моим дядюшкой Хайдырем в огненном кольце. Надо сказать, что большинство наших родных, покинувших город, погибли в ледяных водах Ладоги, от бомбежек, голода и болезней в телячьих вагонах, медленно тащившихся к Тихвину.

Блокада, как и вся Отечественная война, составляют главное место жизненных впечатлений у тех, кто смог выжить. Может быть, потому, что выжили благодаря удивительной цепи счастливых избавлений от неминуемой гибели, за которыми видели помощь потусторонних сил, оберегавших людей на краю смертельной опасности. Уже в первые дни блокады в наш дом на Измайловском, д. 31 попала бомба. Рухнули половина дома и половина коммунальной квартиры, в которой мы находились. Но нам повезло. Наша половина квартиры уцелела, повиснув над дымящимися развалинами. Мама с другими жильцами долго разбирали обломки,

вынимая из-под развалин трупы соседей. После этого случая она забирала нас в бомбоубежище при первых звуках сирены. Он вселял в меня ужас ещё много лет спустя. В нашем доме был магазин, его тоже разрушило бомбой. Было разрешено разобрать разбросанные взрывом продукты. Люди брали колбасу, сахар, крупы. А мама набрала, сколько смогла, чаю и соли. И этот чай, выпиваемый с солью, спасал от мук голода многие месяцы. А голод был страшный. В городе не осталось ни собак, ни кошек, ни крыс. Всё съели люди. Мама рассказывала, как шла

утром на завод «Треугольник», и перед ней из окна пятого этажа сбросили труп женщины. Возвращаясь с работы, с ужасом увидела, что с женщины срезаны мягкие части тела. Мама уходила утром на работу и оставляла меня, годовалого ребёнка, дома под одеялом с корочкой хлеба. Приходила вечером и находила меня описанного, обкаканного, холодного, но живого и кормила иссохшей грудью. Подружки говорили: «Не делай этого, Соня, сама погибнешь, а ребёнок всё равно умрёт!» Много лет спустя, став взрослым, я говорил маме: «Ты спасла мне жизнь!» А она отвечала: «Что ты! Это ты спас мне жизнь. Я только благодаря тебе выжила».

Как-то мама получила по карточке пайку хлеба и возвращалась домой. К ней подошла женщина и умоляла отдать ей хлеб в обмен на габардиновый костюм. Со слезами на глазах она уверяла, что у неё умирает муж, и только эта корка хлеба спасёт их от смерти. Мама сжалилась, отдала хлеб в обмен на костюм и шла домой, не зная, что ей делать с этими тряпками. Тут к ней подошёл мужчина в военной форме и выменял костюм на три килограмма чечевицы. Это было целое сокровище. Мама шла домой, прижимая драгоценный сверток к груди, и более всего боялась, чтобы не отобрали. Уже в конце блокады мамочка везла меня в ясли на саночках и вдруг рядом, на углу Егоровой, упал и взорвался немецкий снаряд. Взрывной волной меня выбросило из санок. Спинки от санок сломались, но мы уцелели. Вот так вся жизнь состояла из цепи счаст-

ливых случайностей, за которыми мама видела покровительство Всевышнего. На самом деле, главным для всех было – не падать духом, думать о себе и близких и держаться до последнего, сохраняя чувство достоинства.

Кончилась блокада, кончилась война. Отец вернулся с фронта раненый, контуженый, но живой. Нас стало больше. Родились и выжили две сестры и брат. Отец через 15 лет после войны скончался от последствий контузии. Но мама сумела поднять семью и всем детям дать среднее и высшее образование, работая прачкой в столовых. Я часто задумываюсь, в чём же секрет материнской любви и воспитания. Ведь мама имела суровый, горячий характер. Была требовательна и за малейшую провинность наказывала беспощадно. Она не понимала нас, но требовала, чтобы мы понимали её, уверенная, что именно она располагает высшими моральными ценностями. Меня она начала учить арабской письменности ещё до начала школьных занятий. Мальчишки-друзья частенько просиживали в коридоре, ожидая, пока закончатся мои занятия и можно будет погулять. Мама строго отсеивала друзей, решая, с кем можно дружить, а с кем нельзя. Материнское внимание повсюду окружало нас от крупных до мелких деталей быта – в каком порядке надевать обувь и одежду, как выходить из дома и входить в дом, как уважать старших и т.д. Малограмотная, она по складам, печатными буквами писала письма в Кремль с предложениями по реформе народного образования, однажды даже получив ответ с обещанием учесть её пожелания.

Будучи ортодоксальной мусульманкой, мамочка к концу жизни пришла к убеждению, что Бог един и все люди – братья и сёстры. Этому немало способствовало то, что вопреки её пожеланиям, дети переженились на русских, и смешанные браки оказались наиболее милыми её сердцу. Прошло 8 лет после смерти мамы, но дважды в год – в дни её рождения и смерти – мы собираемся своим большим русско-татарским семейством и отмечаем её память, живущую в наших сердцах. Да простят мне высокопарный слог, но в этом я вижу счастливое будущее нашего многонационального отечества, сплочённого божественно богатым русским языком в кружеве других языков и наречий.

Ода на 80-летие мамы

*Мы здесь собрались на большой юбилей родной и любимой
Эни-Эбикей (мамы-бабушки)*

Тебя поздравляя, мы славу поем
И оду сложили о прошлом твоём.

Детство

В далекой деревне Суэксу-Аулу
На свет родилась ты в крестьянском углу.
Шел грозный военный пятнадцатый год,
И жил нелегко весь татарский народ.
Отец свою дочку почти не видал, –
В окопах двух войн он семь лет воевал.
А ты была старшей для братьев своих
И молодость всю ты пронянчила их.
Три класса начальной хватило вполне –
Работница в поле гораздо важней.
Но дедушка старый, варшавский профессор,
Тебя вечерами учил всем наукам,
А ты передала все детям и внукам.

Молодость

Шли годы, ты стала красавицей статной,
Для всех женихов стала целью приятной.
Но всех женихов переплюнул Азым
И он заплатил за невесту калым.
С Азымом связала ты сердце свое,
Покинула навек родное жильё.
Покинула дом свой, деревню и сад,
Уехала в серый большой Ленинград.

Недолго ты в городе мирно жила,
Пылающей бомбой ворвалась война...
Два брата и муж твой ушли воевать.
Ты с сыном-младенцем и с братом-ребенком
Осталась в блокадном кольце голодать.

Аллах милосердный вершит наши судьбы,
Ах, если-б немного вперед заглянуть бы!
Аллах милосердный вершит наши судьбы,
Ах, если-б немного вперед заглянуть бы!
Но нет, надо верить и жить,
Иссохшею грудью ребенка кормить.
Работать под бомбами, думать и верить,
Что вера в Всевышнего все одолеет.
Ты все одолела - и сына спасла,
И третьего брата на фронт отдала.

Жизнь

Летят безудержно года
Два близнеца влекут их бойко,
Не разлучаясь никогда.
Их знает каждый в жизни горькой
Зовут их «радость» и «беда».

Муж, искалеченный войною,
Пятнадцать лет болел и чах.
И в сорок пять, красивый внешне,
Он перешел в могильный прах.

Все братья умерли до срока:
Кто в мирной жизни, кто в войне.
О! Ты хлебнула горя столько,
Хватило-б каждому втройне!

Ты знала радости и беды.
Всех бед твоих не перечешь.
А радости – так это ж дети,
Как хорошо, что дети есть!

Ты четверых детей подняла,
Образованье всем дала.
На трех местах белье стирала,
Детей кормила, как могла.

Но ты не только лишь кормила
И одевала, как могла,
Ты лучшему детей учила
И душу им ты отдала.

Старость

Теперь достигла ты вершины:
В Аллаха веришь всей душой.
Твои почетные седины
Внушают веру и покой.

Вокруг тебя не только дети,
Но внуки, правнуки уже.
И все с тобой желают встречи
На девяностом рубеже!

Лукьянова (Соседко) Татьяна Александровна

– кандидат геолого-минералогических наук, минералог. Родилась в Ленинграде, с августа 1941 по ноябрь 1944 г. была в эвакуации в Миассе, Ю. Урал, где неоднократно встречалась с акад. А.Е. Ферсманом. В 1957 г. закончила геологический факультет ЛГУ и до 1962 г. работала в Геологическом институте КФ АН СССР. Затем обучалась в аспирантуре ЛГУ у проф. В.А. Франк-Каменецкого, по её окончании защитила диссертацию. В 1966-1993 гг. работала в отделе минералогии и петрографии ВСЕГЕИ. Выйдя на пенсию, написала замечательную книгу «Хотя на миг причастен будь» (СПб.: ВСЕГЕИ, 2004) об отце к.г.-м.н. А.Ф. Соседко, соратнике акад. А.Е. Ферсмана, известном исследователе геологии Кольского п-ова, первооткрывателе редкометальной провинции Колмозеро-Воронья. С видеостудией «Эдельрим» (СПб) создала цикл научно-популярных видеофильмов «Академик Ферсман» (2008), «Исследование Центральной части Кольского п-ова» (2009) и «Самоцветы» (2011), образовательное и патриотическое значение которых трудно переоценить. В работе – ещё два видеофильма. В памяти у Т.А. – множество интересных событий, время от времени побуждающих к написанию рассказов, которые и предлагаются вниманию читателей. – *Ред.*

Пять геологов в одной семье

Первый геолог в моей семье – отец Александр Фёдорович Соседко. Родившись в Забайкалье в г. Сретенске в семье военного, детство и юность он провёл в Ср. Азии, в Фергане. В 1921 г. поступил на геологический факультет Ташкентского университета. В 1922-1929 гг. продолжил учёбу в Московской горной академии. Его учителями были академики И.М. Губкин, В.С. Обручев, А.Д. Архангельский, В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман. С 1923 г. параллельно с учёбой работал по специальности с А.Д. Архангельским, потом с В.И. Вернадским и А.Е. Ферсманом, выезжая в поле в Ср. Азию. С А.Е. Ферсманом он работал с 1924 по 1945 гг.

Успешно используя геохимические методы для прогнозирования и поисков полезных ископаемых, А.Ф. Соседко открыл более 300 месторождений и рудопроявлений полезных ископаемых, написал около 150 научных работ. В 1923-1927 гг., занимаясь изучением Тюямуюнского радиевого рудника и поисками U-Ra-V месторождений, открыл Сохнинское и участвовал в открытии Хайдарканского и Сымапского Sb-Hg месторождений (Киргизия и Таджикистан).

В 1928-1929 гг. в Туркмении он открыл 5 месторождений серы и 3 месторождения стронция (Каракумы и Заунгузское плато). В 1928 г. в центре Каракумов в качестве «заместителя уполномоченного по строительству» первого в мире завода в пустыне – Серного завода – возглавил караван, доставивший оборудование к месту строительства. Участвовал в его сооружении, изучении геологии центральных и южных Каракумов, открытии месторождений строительного камня, из которого был построен пос. Серный завод. Он снабжал страну серой всю войну и проработал до 1960-х.

В 1931-1933 гг. в Кызылкумах (Узбекистан) возглавил три геолого-геохимических экспедиции в Каракалпакию. Результаты первой – открытие 30 месторождений талька, асбеста, магнезита, пегматитов (колумбит, берилл, литиевые минералы), пневматолитов (оловянный камень, шеелит), кварцевых жил (пирит, арсенопирит, золото), месторождений меди, бурого железняка и россыпей магнетита, наждаков, фосфоритов. За открытия месторождений в Кызылкумах в 1932 г. получил Почётную грамоту ЦИК Каракалпакской АССР. В западных отрогах Туркестанского хр., в Зира-

булакских горках и южнее линии Кермине (Навои) – Бухара нашёл олово, вольфрам, редкометальные пегматиты. В 1931-1938 гг. спрогнозировал ряд открытий, в том числе обосновал необходимость поиска в Кызылкумах золота (сейчас там – месторождение Мурунтау), серебра, вольфрама, никеля, хрома, радиоактивных минералов, фосфоритов, нефти и др.

В 1932-1935 гг. в Таджикско-Памирской экспедиции изучал геологию Туркестанского и Гиссарского хр., Зеравшанской долины. Здесь обнаружил и изучил серию редкометальных пегматитов с оловом, бериллом и другими редкометальными минералами. За их открытие в 1934 г. получил Почётную грамоту ЦИК Таджикской ССР. Зимой 1931-1932 гг. на Кольском п-ве принимал участие в изучении месторождений Хибин и Монче-тундры. В 1940 г. исследовал Ёнское железорудное месторождение. Во время войны обеспечивал сырьём эвакуированные на Урал заводы, под руководством А.Е. Ферсмана участвовал в работе Экспедиции особого назначения (ЭОН) при Наркомате обороны.

А.Ф. Соседко (1901-1957), Кольский п-ов, Воронья тундра, 1954 г.

С 1950 по 1957 гг. возглавил изучение минералогии и геохимии редкометалльных пегматитов на Кольском п-ове в Геологическом институте КФ АН СССР. Велик его вклад в превращение отдельных пегматитовых жил в новую редкометалльную провинцию, известную теперь как полоса Колмозеро-Воронья. Там он открыл пегматитовые жилы, новые для Кольского п-ова минералы – источники цезия (полуцит) и бериллия (берилл), ряд танталовых минералов, фосфаты лития и др. В 1952 г. награждён премией Президиума АН СССР, Почётной грамотой КФ АН СССР. В 1982 г. его имя увековечено в названии минерала «соседкоит». В 1949-1957 гг. был членом Президиума и Председателем библиотечного совета Русского географического общества, активным участником издания книг по геологии для юношества, в том числе книг А.Е. Ферсмана и о нём. Многогранна, насыщена, интересна и плодотворна была его короткая жизнь.

Несколько слов нужно сказать о жене А.Ф. Соседко, Капитолине Васильевне Соседко (Хильтовой, 1906-1988). В 1924 г. в Ашхабаде окончила школу с отличием и хотела стать химиком. Но ей не дали аттестацию для поступления в институт, так как она была дочерью священника. И она стала фармацевтом. Имея всегда работу рядом с домом, все дела по домашнему хозяйству она взяла на себя и много помогала мужу в его работе. В семье её родителей в Ашхабаде не один раз перед выездом в Каракумы останавливались геологи во главе с А.Е. Ферсманом и Д.И. Щербаковым. Тогда она и познакомилась с А.Ф. Соседко, ещё студентом Московской горной академии, а в 1930 г. стала его женой. В 1931-32 гг. на Кольской базе «Тиетта» она была первым библиографом книг А.Е. Ферсмана, помогала вести общее хозяйство. Во время войны, в эвакуации, кроме работы в санэпидстанции в г. Миассе (Ю. Урал), была секретарём секции научных работников в ЭОН.

Как и А.Е. Ферсман, А.Ф. Соседко заражал молодёжь любовью к своей профессии. Вокруг него всегда было много учеников. Среди них – будущие профессора СПбГУ (ЛГУ) В.В. Гордиенко и И.Е. Каменцев, ведущий специалист Института химии силикатов РАН Э.Н. Корыткова. Из ушедших из жизни: А.И. Комков, Э.Н. Елисеев, А.Б. Наливкин и многие другие. Общаясь с ним и послушав его увлекательные рассказы об экспедициях и геологии, решили стать геологами его дочь и два племянника по линии жены.

Моё знакомство с геологией началось в раннем детстве. К нам часто приходили коллеги отца – геологи, увлечённые своей работой. Все они были сотрудниками акад. А.Е. Ферсмана в Минералогическом музее и Ломоносовском институте АН СССР. Я была невольным слушателем их разговоров. Знакомство с геологией продолжилось на Урале. В 1937 г. в СССР состоялась сессия Международного геологического конгресса. А.Е. Ферсман поручил моему отцу организацию и проведение экскурсий по Ильменскому минералогическому заповеднику. Были там и мы с мамой.

Потом была война, эвакуация из Ленинграда в конце июля 1941 г. на Южный Урал, в г. Миасс, окружённый горами, с Ильменским минералогическим заповедником. Личное общение в домашней обстановке с А.Е. Ферсманом состоялось, когда мне было 7-11 лет. Многие минералы и горные породы мне уже были известны: тальк, асбест, серпентин, амазонит, граниты, пегматиты и входящие в их состав минералы. Интересные рассказы отца о его экспедициях в горы и пустыни Средней Азии, Мурманское заполярье, на Урал, знакомство с породами, минералами во время моего послевоенного школьного детства укрепили меня в желании выбрать эту специальность.

В 1952 г. я поступила в Университет на геологический факультет, где тогда преподавали первоклассные геологи и учителя, ныне классики геологической науки. Кроме теоретических знаний в аудиториях и лабораторных занятий в течение семестров мы должны были в летние месяцы проходить учебные практики. После 1-го курса в Саблино, после 2-го в степном Крыму. После 3-го и 4-го предстояло пройти две производственные практики в геологических экспедициях. Мне удалось съездить даже в три экспедиции.

Первая – на Кольский п-ов, на редкометальные гранитные пегматиты (1954 г.). Я и два моих однокурсника (будущий профессор Геологического ф-та ЛГУ, Заслуженный деятель науки В.В. Гордиенко, и будущий ведущий специалист по инженерной геологии и гидрогеологии Минска Г.В. Крылова) работали коллекторами в отряде А.Ф. Соседко. Первые впечатления от встречи с горами и месторождениями особенно яркие и запоминающиеся. Одна из них – подъём на вершину Юкспора, откуда мы спустились с неподъёмными рюкзаками, полными замечательных минералов. Ещё запомнился полет на гидросамолетах ША-2 (шаврушках) от оз. Имандра до р. Воронья.

Т.А. Лукьянова (Соседко), Кольский п-ов, Воронья тундра, 1958 г.

Недалеко от Баренцева моря, в безлюдной, бездорожной и равнинной Вороньей тундре, среди озёр, речек и болот кое-где возвышались горки. В них залегают редкометальные гранитные пегматиты с дивными и ценными минералами. Среди них: бериллы, сподумены, поллуциты, тантало-ниобаты, которые мы изучали. Они содержали бериллий, литий, цезий, тантал и другие ценные элементы.

Следующим летом (1955 г.) я проходила производственную практику на хр. Сангилен, что на юго-западе Тувы. Три месяца

мы работали, передвигаясь верхом на лошадях, в горах и долинах р. Балыктыкхем и её притоков. Голые скалы до 2700 м над уровнем моря, тайга из лиственниц и кедров, долины рек с пятнами снега и льда, бурлящие потоки чистой, ледяной воды, земли, где царствовали дикие звери и птицы, не боявшиеся людей – это и было местом нашей работы. Спали в палатках (а то и без них) в безлюдном, бескрайнем лиственном лесу, под открытым небом, усыпанном яркими звёздами. Ели котлеты из мяса марала, пробовали даже сусликов, поджаренных с диким луком, в изобилии растущим в горах. Мы восторгались альпийскими лугами высоко в горах, ходили умываться к реке звериными тропами. Падали с лошади и купались в одежде в ледяной воде, преодолевали скользкие после дождей перевалы и спускались с гор по сыпучей осыпи. Были огорчения и радости, но в целом – прекрасно!

Объектом наших исследований были интрузивные щелочные породы, а также гранитоиды, их пространственные и генетические взаимоотношения, состав, границы, размеры, характер залегания,

связанные с ними жильные породы и полезные ископаемые. Нам с И.А. Бергманом поручили изучить нефелин-полевошпатовую пегматитовую жилу, связанную с массивом щелочных пород. Она была открыта в конце прошлого сезона, и о ней ничего не было известно. Жила располагалась на середине крутого склона горы, уступом нависая над долиной реки. Мы должны было сделать её глазомерную съёмку в масштабе 1:1000, нанести контуры на карту масштаба 1:25 000, установить площадь выхода на поверхность и минеральный состав, собрать образцы для изучения и поискать новые жилы.

Б.А. Вышенский (1919-2010), 1985 г.

Преддипломную практику я проходила в Забайкалье (1956 г.). Местом работы были подземные горные выработки вольфрамовых месторождений Букука и Антонова гора. Здесь мы изучали гидротермальные жилы с вольфрамовой рудой, описывали минеральный состав жил, особенности их структуры и взаимоотношение с вмещающими породами. При свете карбидных ламп и минусовой температуре под землей (наверху лето) отбирали образцы, чтобы исследовать зимой. Закончив работу в «нерчинских рудниках», поехали в район Шерловой горы, где

канавами были вскрыты жилы с драгоценными аквамаринном, топазом и турмалином, а затем в шахты золоторудного Балая.

После окончания университета в сентябре 1957 г. я была направлена на работу в Геологический институт КФ АН СССР, в лабораторию минералогии и геохимии редких элементов, которой руководил мой отец. Туда же приехали еще пять молодых специалистов из Ленинграда и Москвы: В.В. и Л.И. Гордиенко, Н.Н. Бузаев, И.М. Аверьянова, И.А. Бергман. В том же году, 27 августа,

после недолгой тяжёлой болезни отец умер в возрасте 55 лет. Руководство Геологического института и Президиума КФ АН поручило мне подготовить материалы, полученные им в результате семи лет изучения Кольских редкометальных пегматитов, для издания в виде книги. С помощью руководства института и специалиста из Москвы Е.Е. Костылевой я подготовила книгу к печати, и она вышла в 1961 г. [Соседко А.Ф. Минералогия и геохимия гранитных пегматитов. М.: Госгеолтехиздат, 1961]. Добротный фактический материал не устаревает, поэтому её до сих пор называют «Знаменитая зелёная книга».

Работе по изучению минералогии и геохимии редкометальных пегматитов Вороньих тундр я посвятила 5 лет (1957-1962 гг.). Это было интересное время плодотворной, творческой работы. Четыре полевых сезона в районе среднего течения р. Вороньей, где мы работали в канавах, описывали обнажения, керны, наблюдали, искали, определяли, отбирали пробы и образцы, которые исследовали потом в лабораториях. На наших глазах рождался г. Апатиты, рос г. Кировск, строились обогатительная фабрика АНОФ-2 и ГРЭС, закладывались первые здания Академгородка. Нами были уложены кирпичи в фундамент здания первого из десяти действующих институтов, посажены первые деревья. Где сейчас главная площадь города – гостиница, кинотеатр – тогда был лес, в котором мы собирали волнушки и катались на лыжах. Мы чувствовали свою причастность к освоению этих, тогда ещё мало обжитых, мест. Конечно, были трудности, но они быстро забывались.

После очной аспирантуры в ЛГУ (1962-1966 гг.) в 1966 г. я защитила диссертацию, в которой рассматривался вопрос об изменении структуры и свойств бериллов с вхождением в его состав большого количества щелочных металлов. Были получены важные в научном и практическом отношении результаты, которыми в разное время интересовались геологи Японии (Х. Какихана) и Германии (Хинце), а также физики из Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе АН, изучающие материалы для использования в полупроводниках.

С 1966 до 1993 гг. я работала во Всесоюзном геологическом институте (ВСЕГЕИ) им. А.П. Карпинского. Это был единственный в мире институт, главное направление работ которого – создание геологических карт различного назначения. Тогда там трудилось

3000 сотрудников, много разных региональных и тематических отделов и подразделений, прекрасно оснащённая лабораторная база. Я работала в отделе Минералогических и петрографических методов исследования минерального сырья, в лаборатории рентгеноструктурного анализа. Метод РСА давал богатую информацию о фазовом, минералогическом, химическом составе пород, об особенностях структуры минералов и многое другое. Результатами моей работы стали более 60 научных трудов, ряд новых методик, тысячи анализов минералов и пород для нужд геологов и, самое главное, удовлетворение от работы.

После выхода на пенсию в 1993 г. я написала книгу об отце «Хотя на миг причастен будь» (2004). Со студией «Эдельрим» мы создали ряд геологических видеофильмов: «Хотя на миг причастен будь» (2006), «Академик Ферсман» (2008), «Освоение Центральной части Кольского п-ова» (2009). Завершив серию фильмов об истории изучения недр нашей страны, приступили к созданию цикла о красоте камня под общим названием «Великолепие камня». Первый из них – «Самоцветы» (2011) – о драгоценных камнях и изделиях из них. Два следующих фильма – «Горное диво» и «Каменная палитра» (2013) рассказывают о поделочных камнях, изделиях из них и камнерезном искусстве. Факты, изложенные в книге и показанные в исторических фильмах, воссоздают яркие эпизоды открытия, изучения, разведки, освоения месторождений полезных ископаемых. В фильмах показано, как любовь к камню, увлечённость профессией и титанический труд геологов способствовали тому, что многие, ранее пустынные, неизученные и неосвоенные территории СССР стали крупными горнопромышленными районами.

Ю.Н. Хильтов (1928-1959), 1952 г.

Ашхабад, 1928 г. Группа геологов под руководством А.Е. Ферсмана, совершив две экспедиции в центр Каракумов в 260 км от Ашхабада, пришла к выводу, что здесь есть крупное месторождение серы. В стране серу тогда нигде не добывали и предполагалось добывать её здесь. Для этого было задумано построить опытный завод по получению чистой серы. Необходимо было доставить туда по пескам тяжёлое оборудование. Трудные дни подготовки, наём верблюдов, лошадей и прочие заботы легли на плечи начальника первого каравана А.Ф. Соседко. Вместе с Д.И. Щербковым он жил в доме Хильтовых, родителей своей будущей жены К.В. Хильтовой. В их доме часто базировались геологи из группы А.Е. Ферсмана, изучавшие Каракумы. В доме Хильтовых жил и племянник К.В. Хильтовой, Борис, которому было 9 лет. С интересом слушал он рассказы А.Ф. Соседко о работе геологов в песках, месторождениях серы, найме верблюдов и лошадей, рассматривал красивые образцы серы. Встречи и разговоры с моим отцом тоже оказали влияние на выбор профессии, и в 1937 г. Борис поступил в Ленинградский горный институт. Так третьим геологом в нашей семье оказался мой двоюродный брат, Вышенский Борис Александрович. Удивительна была его жизнь, начавшаяся в голодном 1919 г. во время гражданской войны.

В начале июля 1941 г. добровольцем, после 4 курса Горного института он ушёл на фронт с Кировской дивизией Ленинградского добровольного ополчения в составе артиллерийского полка. После тяжёлых боёв в Ленинградской области он попал в плен. Был узником многих лагерей для военнопленных под Ленинградом, в Латвии и Эстонии, перенёс тиф, чудом остался жив. Интересный эпизод произошёл в то время, когда он только что с трудом выжил после тифа в концлагере в латвийском г. Резекне. В Латвии на хуторе в то время жила сестра матери Бориса и моей мамы Надежда Васильевна, вышедшая вскоре после революции замуж за латышского стрелка, охранявшего Смольный, Яна Борозинского. В 1919 г. они уехали в Латвию. Ян узнал, что в концлагере находится племянник, взял живую свинью из своего хозяйства и поехал в Резекне с намерением «выкупить» его якобы в качестве батрака в своё хозяйство. Это ему удалось. На хуторе жизнь была сытная и Борис быстро поправился. Но соседи донесли, что это не батрак, а русский родственник. Приехали немцы и потребовали, чтобы

Борозинский отвёз его обратно. Он согласился и через несколько дней повёз. Посадил в телегу, а когда проезжали по густому лесу, сказал: «Теперь беги!». Борис отказался, сказав, что если убежит, то всю семью Борозинских расстреляют. И был доставлен обратно в лагерь. Всё же в 1944 г. после нескольких неудачных попыток Борис бежал с двумя товарищами из лагеря с о. Саарема (Эзель, Эстония). Долго скитались они по лесам на территории, занятой врагом, пока не вышли к Эстонскому корпусу наших войск. После проверки он снова воевал, служил в Таллине в строительном батальоне. В Балтвоенморстрое руководил разработкой песчаных и каменных карьеров, где и встретил победу. Его младший сводный брат Всеволод Бажанов в возрасте 19 лет погиб в Сталинграде, отчим пропал без вести, мать Елена Васильевна (урождённая Хильтова) была угнана на три года в Германию, дожила до 95 лет. Демобилизовавшись в 1946 г., Б. Вышенский возобновил учёбу в Горном институте и с отличием окончил в 1948 г. кафедру инженерной геологии и гидрогеологии.

На работу был направлен на Дальний Восток, где руководил инженерно-геологическими работами для обоснования строительства теплоэлектростанции в районе Находки. С 1950 г. его трудовая деятельность была связана с Ленинградским филиалом «Теплоэлектропроекта». В разные годы проводил работы по изысканию под строительство тепловых и атомных электростанций почти во всех республиках СССР, на Камчатке и в Норильске. В 1959 г. во Вьетнаме проводил изыскательские работы под теплоэлектростанции и линии электропередач, обучал вьетнамцев. Пять раз приезжал на Кубу и работал там подолгу (первый раз в 1961 г., последний – в 1978-1979 гг.). Там он познакомился с Эрнесто Че Геварой и несколько раз встречался с Фиделем Кастро. Работал в Ираке и Польше. Был главным инженером отдела изысканий ТЭПа, который позднее получил статус института.

Им написана книга о войне «По безлюдью смерть не ходит». Выйдя на пенсию, не терял связь с институтом и принял активное участие в написании книги об истории института. Она называется «60 лет истории от сектора изысканий до института (1932-1992)». Прекрасный геолог-изыскатель, поэт, писатель, шахматист – его долгая жизнь прошла деятельно и творчески.

В.Я. Хильтова (Левичева) (1928-2008), 1952 г.

Юноши, которым 18 лет исполнилось в 1946 г., не участвовали в битве с врагом, за исключением тех, кого называли «сын полка». Но и им досталась немало трудностей в ранней молодости. Многие стояли у станков военных заводов, выполняли самые разные работы в городах и сёлах, замещая ушедших на фронт мужчин. Во время войны Волховская ГЭС – первенец ГОЭЛРО – сильно пострадала, и её надо было восстанавливать. Там работали специалисты, которые этим

занимались. Она была единственным источником электроэнергии для блокадного Ленинграда. Но не просто восстанавливать... Ещё совсем рядом шли бои, территория станции не раз переходила из рук в руки. Тогда строители брали в руки оружие и вместе с армией участвовали в обороне, приступая к работе, как только атаки удавалось отбить. Среди этих специалистов был и мой дядя Николай Васильевич Хильтов, брат мамы, который осуществляя план ГОЭЛРО с акад. О.Г. Графтио, строил в 1920-х Волховскую ГЭС. Два его сына при восстановлении ГЭС были с ним. Старший, Юрий, которому было 15-16 лет, принимал участие в строительных работах. При плохом питании его растущий организм с трудом справлялся с тяжёлой работой, но спасала рабочая карточка на продукты. Попутно с работой надо было учиться в школе. В 1947 г. Юра Хильтов, успешно окончив школу, поступил на геологический факультет ЛГУ. Летом 1951 г. он был на практике в отряде моего отца на редкометальных пегматитах Вороньей тундры.

Он прекрасно учился, был Сталинским стипендиатом и окончил кафедру минералогии в 1952 г. Учась в ЛГУ, женился на однокурснице Валентине Левичевой. На геологическом факультете

ЛГУ студенты тогда носили форму. В этом же году я поступала на Геологический факультет, и Юра передал мне эстафету в виде погон от формы. После очной аспирантуры и защиты диссертации он работал в Геологическом музее им. А.П. Карпинского с проф. С.С. Кузнецовым, занимался поиском алмазоносных трубок в Сибири. Работа на Волховской ГЭС, плохое питание, напряжённая работа не остались без следа. Он заболел туберкулезом и в возрасте 31 года умер после операции на лёгких.

В возрасте 80 лет ушла из жизни, проработав в Институте геологии докембрия РАН более 50 лет, жена Ю.Н. Хильтова – Валентина Яковлевна Левичева (Хильтова). Коренная ленинградка, с 13 лет в блокадном Ленинграде она работала на оборонном заводе, награждена медалью «За оборону Ленинграда» (16 июля 1944 г., № АИ 75436, подписи Попков, Бубнов). С 1947 по 1952 гг. училась на геологическом факультете ЛГУ на кафедре петрографии. После окончания очной аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 1956 г. поступила на работу в Лабораторию геологии докембрия АН СССР.

Результаты научных исследований В.Я. Хильтовой Вост. Саян, Забайкалья и Алданского щита, которые она начала в Институте в 1956 г., нашли отражение в более чем сотне статей, 8 коллективных монографиях, нескольких региональных и специализированных картах. Она была одним из немногих специалистов в области геодинамики раннего докембрий континентов мира. Природная интеллигентность и замечательный добрый характер в сочетании с огромными знаниями позволили ей стать лидером института в области геодинамики и металлогении докембрия. В последние годы она активно разрабатывала современную концепцию тектонического развития литосферы докембрийских регионов в связи с глубинным строением коры и верхней мантии.

«Исследования В.Я. Хильтовой в области коровой геодинамики докембрийских щитов связаны с огромной работой по синтезу данных по крупным и суперкрупным месторождениям докембрия. Она велась в рамках проекта «Сравнительный анализ локализации и условий формирования традиционных и новых типов рудных месторождений в докембрии Вост.-Европейской платформы и Алдано-Станового региона: геодинамика, геохронология, источники вещества». Более 50 лет проработала она в одном институте, не выходя на пенсию до конца жизни, и скоропостижно умерла в возрасте 80

лет». Отзыв о работе Валентины Яковлевны для этого очерка дал директор Института геологии докембрия РАН А.Б. Вревский.

В заключение можно сказать, что геологическая династия из 5 геологов в нашей семье хорошо потрудились в XX и начале XXI вв., с 1923 г. и до наших дней. Общий стаж нашей работы в геологии – около 200 лет. И каждый внёс посильный вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Плетнёва Нина Ивановна – родилась 24 июля 1928 г. Окончила кафедру минералогии Ленинградского государственного университета. С 1951 по 1980 гг. работала в Геологическом институте КФ АН СССР младшим научным сотрудником. Занималась минералогией кианитовых сланцев Кейв – конкреционных и параморфических типов руд, изучала минералогению амазонитовых пегматитов и щелочных редкометалло-редкоземельных метасоматитов Зап. Кейв. Позднее изучала геохимию метаморфического комплекса Кейвской структурно-формационной зоны. Автор более 30 опубликованных статей по минералогии амазонитовых пегматитов и щелочных метасоматитов, связанных со щелочными гранитами Кейв. – *Ред.*

Мурманские школьники - ти.муровицы в годы войны

Приближается священный для каждого из нас праздник – День Великой Победы, её 70-летие. Каждый год в этот день мы вспоминаем ветеранов Великой Отечественной войны. Отдаём дань памяти им, отстаившим честь, свободу и независимость нашей Родины. Встречаемся с ветеранами, поздравляем их, желаем крепкого здоровья, долгой жизни, радости, добра и благополучия. А их так мало осталось...

В Геологическом институте КФ АН СССР (теперь КНЦ РАН), где я работала, на почётном месте висела доска с фотографиями ветеранов войны. На ней была и моя фотография. Я оказалась там потому, что награждена медалью «За участие в героической обороне Советского Заполярья». Так написано в удостоверении. Медаль «За оборону Советского Заполярья» учреждена 4 декабря 1944 г. Мне её вручили в Мурманском горкоме комсомола 6 ноября 1945 г. Проходя мимо доски, я испытывала чувство гордости и ответственности. Но больше всего меня беспокоило смущение. Я ведь понимала, что этой медалью награждались фронтовики – бойцы и командиры, в жесточайших боях не подпустившие врага к городу. Награждались моряки надводных и подводных кораблей, оборонявшие города с моря, лётчики, вылетавшие навстречу немецким бомбардировщикам, зенитчики, огнём батарей отражавшие подступы к городу, бойцы местной противовоздушной обороны, спешившие на помощь к каждому разрушенному бомбами дому. Награждались рабочие и служащие порта, судоремонтных заводов, судоверфи, бесменно выполнявшие заказы для фронта. Награждались и труженики, благодаря которым город жил и работал.

Вражеская авиация начала налёты на город в первые дни войны. После сообщения по радио: «Граждане! Воздушная тревога!» – начинали выть сирены, поставленные в нескольких местах города. С сиренами подавали непрерывные гудки все паровозы и пароходы, находящиеся в порту и Кольском заливе. Едва успевали замолчать звуковые сигналы, как слышался нарастающий гул фашистских бомбардировщиков. Тут же начинали стрекотать зенитные батареи, не подпуская врага. Налёты были не единичные, а групповые, массированные, надвигавшиеся на город с двух или трёх сторон. Начиналось сбрасывание бомб... Раздирающий, оглушительный свист падающих бомб... Взрывы... Не берусь описывать те чувства, ощущения и переживания, которые пришлось испытать. Во-первых, это было давно, во-вторых, это было детское восприятие происходящего. Скажу одно, было очень страшно, а чувство страха, как известно, трудно передать словами. Три бомбы упали через дорогу от дома, в котором я находилась с 11-летним братом. Они не нанесли вреда ни нашему, ни соседним домам. По словам взрослых, они были небольшого размера. Мы потом бегали смотреть на три небольшие аккуратные воронки на обочине до-

роги на одинаковом расстоянии друг от друга. К концу июня 1941 г. налеты фашистской авиации участились. На фронте враг рвался к Мурманску. Говорили, что линия фронта проходила в 40-50 км от города. Мурманск и область были объявлены на военном положении. Обстановка была очень серьезная и тревожная. Несколько раз объявляли эвакуацию детей, стариков и женщин, не связанных с производством. Несколько эшелонов с эвакуированными отправили в восточные районы страны через Волховстрой. А когда фашисты перерезали железную дорогу в Карелии, эшелоны доходили до Кандалакши. В Кандалакшском заливе людей перегружали на корабли и через Белое море доставляли в Архангельск, далее – по Сев. Двине до Котласа. Многие семьи уехали, но в городе оставалось много детей. Было известно, что обстановка в городе сложная, школы работать не будут. Очень не хотелось бросать родной Мурманск... В июле 1941 г. моя незабываемая первая учительница Лидия Александровна Абрамова сказала: «Школы будут работать!»

Не все, но будут!» Было решено: «Остаёмся!»

Когда началась война, мне исполнилось 13 лет. Я закончила 5 класс неполной средней школы № 3. Как известно, ещё до войны, после выхода в свет повести А. Гайдара «Тимур и его команда», по всей стране было широко развито тимуровское движение. Мурманск не был исключением. Мы, школьники, считали себя тимуровцами. Я была выбрана капитаном тимуровской команды школы № 18, работавшей в учебном 1941-1942 гг. Мы сразу определили, что можем и должны делать. Прежде всего стали собирать металлолом, так как понимали, что это очень необходимый материал для судостроения и ремонтных заводов. Они беспрерывно ремонтировали корабли и подводные лодки, возвращая их в строй. Позднее в сводках были приведены такие данные: «Комсомольцы Мурманска за 1941 г. собрали 8 т металлолома» [3]. Мы гордились, что в этом есть и наша доля труда. Со сбором металлолома были и неприятные случаи. Фашистские самолеты стали бросать бомбы с механизмом замедленного действия. Шустрые мальчишки, увидев такую находку, моментально подбегали и пытались разрядить. Были жертвы. По городу был издан приказ, запрещающий подходить к неразорвавшимся бомбам ближе, чем на 50 м. Об обнаружении находки немедленно сообщать ближайшему постовому милицио-

неру. В тёмное время в городе строго следили за правилами светомаскировки. В обязанности тимуровцев входило наблюдение за тем, насколько хорошо зашторены окна в своём доме и ближайшем окружении. Для защиты от осколков было рекомендовано заклеивать окна крест-накрест бумажными лентами.

Фашистская авиация нещадно бомбила город. Разрушили много производственных и жилых зданий. На фронте шли жестокие бои. В такой напряжённой обстановке жителям надлежало быть бдительными. Говорили, что в городе работают шпионы... В связи с этим расскажу об одном эпизоде. Как-то раз днём на улице ко мне подошёл мужчина, одетый с претензией на элегантность, и спросил: «Как пройти на (не помню названия) улицу?» Мне показались подозрительными и одежда, и речь, в которой был слышен акцент. Но главным было то, что он спросил про улицу, которая вела к сопке, где, как я слышала, находился важный объект. И я ответила: «Не знаю». Я действительно не знала, потому что мы туда не ходили. Мужчина не спеша отошёл. А я стала искать глазами милиционера. Увидев его, всё рассказала и показала на удалявшегося мужчину. Милиционер пошёл следом. Что было дальше, я не знаю. Дома рассказала об этом взрослым. Они всё восприняли скептически. Иностранцы в Мурманске – не редкость, а последовавший за ним милиционер тоже мог быть шпионом. Но он говорил по-русски чисто и не вызвал у меня подозрения. Я считала, что поступила правильно. Позднее, когда можно было ознакомиться с описанием событий военных дней, я убедилась в том, что это мог быть немецкий шпион.

А.А. Воронин, бывший начальник штаба Мурманского района МПВО, в книге «Мурманск в огне войны» описывает несколько случаев, связанных с действиями шпионов [2]. Вот некоторые из них. Работники судовой верфи, работавшие днём под непрерывными бомбежками, решили изменить рабочий день и стали работать ночью. Фашисты сразу же начали бомбить судовой верфь ночью. Вражескую авиацию не интересовали северные сопки за городом, пока туда не перебазировали продовольственные запасы. О прибывшей в город воинской части сразу было известно фашистам. Они тотчас стали бомбить места их расположения. Довольно точно и прицельно бомбили общественные, коммунальные и другие важные объекты города. Ясно, что кто-то им всё передавал. Враг забро-

сил в город шпионов и диверсантов. Иногда они были переодеты в красноармейцев, милиционеров, железнодорожников. Военные патрули и бойцы истребительных отрядов проверяли документы, задерживали подозрительных.

Осенью тимуровцы стали собирать для отправки бойцам тёплые вещи: носки, рукавицы, перчатки, шарфы. Шили и вышивали кисеты. Писали письма на фронт. Завязывалась переписка с бойцами. Некоторые девочки ходили в госпитали помогать медсёстрам. Я была в их числе. Мы делали ватные тампоны и турунды, заполняли ими бюксы, которые потом отправляли на стерилизацию. Иногда нам доверяли гипсовать бинты, необходимые в случаях ранений с переломами. В палатах выздоравливающих бойцов устраивали концерты художественной самодеятельности: пели песни, читали стихи, рассказы. Беседовали с бойцами.

Несмотря на налёты вражеской авиации и усиливающиеся бомбежки, в сентябре 1941 г. начался учебный год. Школа № 18 была на центральной улице, к югу от центра города. Наш дом был на его северной окраине. Городского транспорта не было. Если не было воздушной тревоги, утром я бежала в школу быстро, выбирая кратчайший путь через овраг – теперь там стадион «Труд». А в центре города я шла ближе к домам, зная, что там есть бомбоубежища. Обратный путь отличался тем, что после уроков сначала торопилась поработать в госпитале. От него до дома оставалась треть пути. Было очень хорошо, если пробежки не прерывались сигналами воздушной тревоги. Тогда первый урок начинался вовремя. Но я не помню ни одного дня, а он бы обязательно запомнился, чтобы нормально прошли все 5-6 уроков. При вое сирены мы бежали в бомбоубежище. Там иногда проходило не два и не три урока. Но домашние задания задавались, их приходилось делать. Хорошо помню, что дома я решала примеры, задачки, читала литературу, изучала другие предметы. Писала сочинения на патриотическую военную тему. Под вой сирен и грохот бомбежек закончился учебный год. Вражеская авиация продолжала нещадно бомбить город. Особенно участились налеты зимой 1942 г., когда в Мурманск стали приходить американские и английские караваны кораблей. Немцы бомбили их в заливе и во время разгрузки в порту.

Областное и городское руководство Мурманска решило отправить школьников и детей, уставших от тревог и бомбёжек, на от-

дых в лагерь. В первых числах июня нас отвезли в г. Мончегорск. Как потом оказалось, очень своевременно. 18 июня 1942 г. один из самых трагичных в истории Мурманска дней. Город представлял собой большой костёр, на который вдобавок сыпались фугасные бомбы. Когда читаешь описания тех событий в книге А.А. Воронина [2], трудно себе представить, что пережили жители города, наши родители. Настоящий ад! А в Мончегорске было спокойно. Нас поселили в большом бараке в пос. Нюд. Меня назначили помощницей старшей пионервожатой. Состав был разновозрастный – от дошколят до 8-9 классов. Нужен был индивидуальный подход к каждому человеку, особенно к малышам. Доносились слухи о том, что происходило в Мурманске. Но всё обошлось спокойно, без слёз и рыданий. Словом, наше пребывание в лагере прошло благополучно.

Не могу не упомянуть ещё одно важное мероприятие, в котором участвовали мурманские школьники. В первые месяцы войны в городе были разрушены и сожжены почти все продовольственные склады. Поэтому встала важнейшая задача обеспечения продовольствием населения и, главным образом, фронтовиков в госпиталях. Об этом, как сообщает А.А. Киселёв [3], вышло специальное постановление бюро Мурманского обкома ВКП(б) от 17 апреля

1942 г. о снаряжении экспедиции на птичьи базары Новой Земли. Объявили набор добровольцев среди старшеклассников. Желавших было много, выбрали 30 самых физически развитых. Дали сопровождающих и орнитолога Л.О. Белопольского. Выделили два мотобота и в июне 1942 г. отправили за птичьими яйцами на северный холодный остров. Даже сейчас страшно подумать, насколько опасным было это мероприятие. Ведь Баренцево море вдоль берегов было напичкано вражескими подводными лодками. Кроме того, немецкие самолеты могли заметить мотоботы и обстрелять их. А с какой осторожностью надо было ползать по скалам, продуваемым холодным ветром, чтобы не сорваться и сохранить целыми собранные яйца. Но всё обошлось благополучно, фашисты ничего не заметили, участники экспедиции остались живы и собрали полмиллиона яиц. Кроме них мурманские школьники доставили мясо кайры – крупной полярной птицы весом до 1 кг. Это была существенная добавка к питанию в военных госпиталях, больницах и рабочих столовых. К сожалению, имена отважных парней ни в документах, ни в отчёте Л.О. Белопольского [1] не указаны... Из отчёта можно лишь понять, что условия работы и жизни были чрезвычайно тяжёлые. Кто они, эти 30 смелых мальчишек? Я могу назвать пятерых: Вениамин Морозов, Вадим Голубев, Сергей Теглев, Альберт Калинин и Геша Мейя. Первым троим было по 15 лет, последним двоим – по 18. Они тоже были награждены медалями «За оборону Советского Заполярья». Сами ребята никаких подробностей об экспедиции не рассказывали. Возможно, это было секретное мероприятие, и ребятам приказали не болтать. Мы узнали о нём значительно позднее из опубликованных материалов.

С наступлением осени встал вопрос о работе школ. Было ясно, что продолжать обучение в таких же условиях, как в прошедшем году, нельзя. Положение на фронте и в Мурманске оставалось тревожным. Руководство решает отправить школьников с учителями в Кировск. Только сейчас, оценивая решения мурманского начальства, понимаю, что мы, не уехавшие из прифронтового города, были для него головной болью. В задачи руководства входило не только сохранение жизни детей, но и создание, насколько возможно, спокойных условий для обучения в школах. Только сейчас в полной мере понимаю эту заботу. Поэтому хочется с благодарностью назвать имена главных руководителей фронтового Мурманска:

Геша Мейя, 1943 г.

Вадим Голубев, 1943 г.

Альберт Калинин, 1948 г.

Вениамин Морозов, 1943 г.

Сергей Теглев, 1943 г.

генерал-майор Максим Иванович Старостин – 1-ый секретарь областного комитета ВКПб, Борис Григорьевич Лыткин – председатель областного исполкома, Александр Михайлович Кольцов – председатель городского исполкома.

В Кировске нам выделили два деревянных двухэтажных дома по Хибиногорскому шоссе. Учились в средней школе № 11. Я осталась капитаном тимуровской команды. В Кировске была своя тимуровская команда. Они уже собирали теплые вещи для фронта. Мы присоединились к ним. Кроме того, кировские тимуровцы работали в мастерских: слесарных, токарных, швейных, и не только во время уроков труда, но и по вечерам. Некоторые наши ребята последовали их примеру. Весной и осенью мурманские школьники успешно работали на выделенном нам земельном участке. Жили

мы дружно, были дисциплинированными, ко всему относились ответственно. Учились в меру способностей. Два учебных года 1942-1944 прошли в нормальной обстановке. Возвратились в Мурманск летом 1944 г. Со слов взрослых узнали, что обстановка на фронте стабилизировалась. Враг отказался от наступления. Налёты вражеской авиации стали единичными. А войска Карельского фронта с Северным флотом готовятся дать сокрушительный удар по врагу, который завершился в ноябре 1944 г. разгромом немецко-фашистских войск в Заполярье. В Мурманске уже можно было спокойно жить, работать, учиться. В летние каникулы горком комсомола направлял меня в городской детский оздоровительный лагерь помощницей воспитателя. Последние два года учебы я была председателем учкома женской средней школы № 2. Так закончилось моё пребывание в прифронтовом городе. В 1946 г. я уехала в Ленинград продолжать образование в ВУЗе.

Оглядываясь на военные годы, прихожу к выводу, что тимуровцы старались, как и где могли, помогать взрослым. Мы понимали основную цель – во что бы то ни стало не допустить фашистов в город. Точное заключение о стойкости Мурманска дал А.А. Киселёв:

«Мурманск устоял, потому что на его защиту встали все – стар и млад. Единство фронта и тыла было настолько прочным, что город и подступы к нему превратились в непреступную крепость» [3]. Так оно и было. После Победы прошло 40 лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1985 г. Мурманску присвоено звание «Город – герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

С памятных военных лет прошло много времени. Уже на пенсии я обратилась в пенсионный отдел г. Новополюцка (Белорусская ССР), где тогда жила. В то время определялись статусы пенсионеров: ветераны, блокадники, труженики тыла. Вместе с пенсионным удостоверением и удостоверением «Ветеран труда», которое мне вручено в 1978 г. в Геологическом институте КФ АН, я показала удостоверение на медаль «За оборону Советского Заполярья». Рассказала сотруднице о моём участии в обороне Советского Заполярья. Та, выслушав, спросила: «А у вас есть справка о том, что вы работали в военном госпитале?» Вопрос меня шокировал: «Какая справка, о чем вы?!» Видимо, ей было трудно понять, почему я в то время не запаслась справкой, на всякий случай... Тогда мне дали удостоверение «Труженик тыла», хотя Мурманск в военное время трудно было назвать тылом. А вот в Геологическом институте КНЦ РАН меня продолжали считать ветераном. В 1995 г. в 50-летний юбилей Победы я получила от них поздравления, денежный перевод и памятный подарок. За признание, внимание и память хочу сердечно поблагодарить руководство и всех сотрудников института. В настоящее время я являюсь членом Общества ветеранов в Металлостроевском районе г. Санкт-Петербурга.

Литература

1. Белопольский Л.О. Отчёт начальника экспедиции особого дивизиона Мурманской базы военизированного флота Главсеврыбпрома о проведении экспедиции на Новую Землю для заготовки яиц, мяса и пуха морских птиц летом 1942 г. от 09.09.1942 г.
2. Воронин А.А. Мурманск в огне войны. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1979.
3. Киселев А.А. Мурманск – город герой. М.: Воениздат., 1988.

Была нужна Родине

Я сибирячка. Родилась в районном центре Красноярского края – селе Нижний Ингаш в многодетной очень дружной украинской семье. Была самым младшим ребёнком и росла в атмосфере заботы и любви. Там же окончила среднюю школу. В 1942 г. меня призвали в армию, мне исполнилось тогда 18 лет. Две моих сестры и три брата к тому времени уже были на фронте. Наверное, как самая послед-

няя из детей, я могла остаться дома. Мама плакала, умоляла отца, чтобы он куда-то пошёл, попросил за меня. Но отец, Иван Степанович Гриценко, убеждённый коммунист, сказал: «Раз моя дочь нужна Родине – пусть идет её защищать».

Около года я училась в школе младших авиаспециалистов (ШМАС) в Кемерово, куда школа была эвакуирована из Смоленска. Курсантов готовили по разным специальностям для обслуживания боевых самолетов. Я получила специальность радистки. Во время учёбы проходили курс молодого бойца, включавший изнуряющую физическую подготовку: выбивались из сил на маршбросках, ползали по-пластунски, подтягивались... Никакой разницы между девушками и парнями не делалось, зато девушки были в очень хорошей физической форме. Целая рота – одни девушки. Школу закончила младшим сержантом. Шёл 1943 год. Всех наших распределили по фронтам. Я попала на Белорусский фронт, в дальнейшем наше формирование вошло в состав 2-го Белорусского фронта.

До войны я никуда не выезжала из села, поэтому дорога к месту назначения сильно врезалась в память. С Белорусского вокзала в Москве доехала до Малоярославца. Дальше железная дорога была разбита, пришлось добираться пешком до белорусского г. Барановичи, где находился пропускной пункт. Шла вместе с возвращав-

шимися домой беженцами: люди слышали по радио, что освободили такой-то населенный пункт, и с мешками и маленькими детьми трогались в обратный путь. Здесь недавно проходила линия фронта. Мы брели мимо убитых русских и немецких солдат, раздутых трупов лошадей. Мне и так было боязно, чувствовала себя неприспособленной к жизни, а тут ещё такие страшные впечатления!

Дошла до Барановичей, где располагался военный штаб, отдала пакет, получила предписание – прибыть в 245-й батальон аэродромного обслуживания. К девушкам на фронте относились заботливо, жалели. Штабисты накормили-напоили, дали солдата в сопровождение, чтобы на перекрёстке перехватил попутку, где она обязательно должна была проехать в батальон. Целый день до вечера простояли – не было нужного транспорта. На второй день отправились на перекрёсток снова. Была передышка, и хотя с одной стороны стояли фрицы, а с другой – наши, боёв не было. Наконец, встретили полуторку 277-го батальона, входившего в состав нашего соединения. Ребята сказали: «Можно неделю здесь ждать и дольше. Мы знаем, где ваш батальон, но на неделю едем по линии фронта собирать приборы со сбитых самолетов. Поехали с нами, и после тебя завезём». Выхода не было, согласилась.

Группа была человек 7, солдаты моего возраста и постарше. Возглавлял группу майор. Я к ним быстро привыкла. Мужчины заботились обо мне: кашу разогреют, шоколадом угостят. Меня оставляли подождать, укрывшись за большими деревьями, пока они выполняли задание. Но я увязывалась следом, боясь потерять эту единственную ниточку к моему батальону и остаться одной. Они ползком передвигались, я с ними – тут навыки ползать по-пластунски и пригодились! Они ставили меня посередине цепочки, сами размещались по краям. Так и ползали целую неделю, пока всю машину не загрузили приборами.

Снегова Е.И., 1941-1945 гг.

Потом выехали на главную дорогу, показавшуюся мне необыкновенно просторной и гладкой, бойцы называли её «варшавка».

Вдруг едет навстречу полуторка, машины друг друга приветствуют, завязывается разговор. Молодой шофёр меня увидел в кузове: «Ой, у вас девчонка, а у нас радистка потерялась неделю назад». Я поняла, что он из 245 батальона, руки к нему протягиваю, а говорить не могу. Команда 277-го ему ничего не сказала, майор скорее в машину запрыгнул и тронулся. Я догадалась, что соседи не хотят меня отдавать, и давай колотить в кабину. Машина остановилась, а командир признался: «Ты – молодец, мы хотели тебя украсть, у нас тоже нет радистки, это такой дефицит». Мальчишка тоже всё понял, обрадовался, мой вещмешок кинул в полуторку, меня в кабину посадил. Довёз до озера, где купались солдаты, показал дорогу, лесом надо было пройти до деревни Барсуки. Там и стоял наш батальон.

Я попала работать на метеостанцию. Моя специальность называлась радист-кодировщик. Сначала мне было трудновато, в школе учили по-другому. Меня москвичка Вера обучала неделю или две. Так же и я обучала потом парня, приехавшего на мое место в 1945 г. Метеорология для боевых самолётов – самое важное. Авиация без погоды – никуда. Командование должно было знать метеоданные по линии фронта, точкам, куда предполагалось сбросить авиабомбы. Не дай бог, чтобы дали неправильный прогноз. Я принимала материал от метеостанций, он был закодированный, секретный. Потом метеонаблюдатель составлял синоптические карты, их передавали на аэродром командиру полка.

Обслуживали бомбардировщики, истребители и маленькие самолеты «У-2». Авиаполки, имевшие их на вооружении, у нас базировались разные. В основном они летали к партизанам, которых было очень много: им возили боеприпасы, питание. Но пару раз мы пересекались с 46-м гвардейским ночным бомбардировочным авиационным полком, который был полностью женским. Все должности – лётчиков, механиков, радистов и так далее – там занимали женщины. Я навсегда запомнила их командира полковника Евдокию Бершанскую. Это их немцы прозвали «ночными ведьмами». Все девчонки были красивы, как на подбор. И одеты с иголочки, не как мы, в офицерской форме, шерстяных юбочках. Мы носили мужскую форму: кальсоны, старые гимнастерки. А женской просто не было: разве думали, что девчонки пойдут в армию? Сапоги кирзовые, портянки. Помню, в ШМАСе ими ноги до крови в маршбросках на 25 км натирали, ведь 40-й размер давали девчонкам для

35-го размера ноги. Но никто не жаловался. Кормили в ШМАСе не очень хорошо, хлеба мало давали, я очень худенькая была. На фронте питание, пусть и ничего особенного, но было хорошее. Допустим, тот же гороховый суп, но густой. Хлеба ели, сколько хочешь. Мне говорили: «Катя, как ты похорошела!»

Немцев очень интересовали наши аэродромы, чтобы их уничтожить. Прощупывали ночью с помощью освещения, потом очень страшно бомбили. Многие самолёты не успевали подняться в воздух. И мы, конечно, попадали под бомбёжки, потому что базировались рядом с аэродромом. Бежала в укрытие: на одном боку – автомат, с которым никогда не расставались, на спине – вещмешок с приёмником, который надо было спасти, другое оборудование. Тогда оно было громоздким, не как сейчас, даже солдат был ко мне приставлен, чтобы помогать.

Двигались вместе с войсками, из Белоруссии дошли до Польши. Запомнился настоящий городской шикарный аэродром в Кракове.

Гора трофейного снаряжения на улице Бреслау: немецкие каски, противогазные коробки, ящики из-под боеприпасов.

Памятник советским воинам в Бреслау.

В Польше сложилась очень тяжёлая обстановка, на Висле мосты были взорваны, собирали понтонные. Там долго стояли на переправе. Потом переезжали Одер, дошли до Германии. В Бреслау для меня война закончилась. О победе узнали не 9 мая, а раньше. Числа со 2-го уже знали, что немцы капитулируют. А те хоть и капитулировали, но наносили тяжёлый урон. В Германии перед самым концом войны было опасно – подростки озлобленные, подготовленные, очень много солдат погибло от их рук. Поодиночке мы не ходили.

Из Бреслау 15 мая 1945 г. поехали посмотреть Берлин, наше расположение было в 90 км от него. Вместо города – страшные руины, не видела ни одного целого дома. Все обратили внимание на то, что женщины, дети и старики расчищали дороги. Несмотря на то, что немцы жестоко обращались с советскими людьми, мы жалели берлинцев. Они были голодные, просили хлеб. Мы отдавали им сухие пайки – те, что давались на сутки. Кто-то один оставит – его потом и делили. На экскурсии были не только мы. Представители всех наших фронтов и союзников приезжали посмотреть на логово поверженного врага. Там было много народу, от рядовых до генералов. За всю войну я видела два таких сильно разбитых города: Берлин и Минск, возле которого в деревнях только печные трубы стояли. Но какие разные чувства они вызывали! Мой самый младший внук, когда вырос, отдыхая в Белоруссии, прислал открытку из Минска. Я разглядывала изображение, сравнивала с тем, что видела тогда, и удивлялась, какая же сейчас там красота.

После победы я оставалась в части почти полгода. Демобилизовалась домой из Польши в конце ноября 1945 г. в звании старшего сержанта и с высокой наградой – орденом Отечественной войны

II степени. И ещё на войне произошло важное событие в моей жизни – я познакомилась с будущим мужем, метеорологом Владимиром Николаевичем Снеговым. Его семья была репрессирована и отправлена из Псковской обл. на Кольский п-ов. Он родился в заполярном Кировске, там закончил школу, оттуда его в 1941 г. призывали на действительную службу в армию. Был стрелком, защищал Москву, потом воевал на Западном и Южном фронтах. После войны его несколько раз приглашали на парады в Москву. А тогда, в 1945 году, сибиряки в теплушках возвращались домой. Потом Владимир приехал за мной и увёз в Кировск. Со временем перебрались в Апатиты. Владимир Николаевич работал главным бухгалтером, я – старшим инспектором отдела кадров Кольского филиала АН.

Я украинка, воевала с фашистами. Очень горько, что сейчас на Украине фашизм поднимает голову. Во время страшной войны мирных жителей жалели, отдавали им последнее, а теперь убивают. Так не должно быть!

«Просто не ленюсь...»

Наталья Котларенко

Так, покжимая плечами на моё «В чём секрет вашего долголетия?», отвечает Екатерина Ивановна Снегова. Жительница Апатитов на днях отметила своё девяностолетие.

Юбилей

Поздравили с днём рождения уважаемую в городе Екатерину Ивановну, труженицу, просто очень светлого человека, и глава Апатитов Леонид Лукичёв, и, конечно, дети и внуки.

– Мама всегда была сердцем нашей семьи, – отмечает сын Екатерины Ивановны, Виктор Снегов, – в нас она воспитала ответственное и серьёзное отношение к обязанностям.

делу, за которое берёшься. Она настолько строгий, насколько и мягкий человек. Помню, как за «двойку» могла погонять нас... талком, а мы прятались под родительской кроватью, – с улыбкой вспоминает Виктор Владимирович, и, помолчав, добавляет: – а жизнь-то была у мамы несладкой.

С Екатериной Ивановной мы встретились через несколько дней после празднования круглой даты. Она призналась, что юбилей доставил хлопот: «Никогда не любила шумки вокруг себя». Но несмотря на усталость, женщина согласилась ответить на несколько вопросов.

Свела война

Родилась Екатерина Ивановна в Кларновском крае, хотя роди-

■ Екатерина Ивановна и Владимир Николаевич Снегов, 1943 г.

тели были чистоукраинцами украинцами. Ката была одиннадцатим ребёнком в семье. Жили дружно. – Со старшими братьями и сёстрами я росла с таким ощущением защищённости, что, когда пришла война и попала на фронт, чувствовала себя совсем неприспособленной к жизни, одинокой. Мне было страшно, и очень хотелось домой.

Екатерина Ивановна после 10-го класса выучилась на радистку, прошла школу молодого бойца и девятнадцать лет была мобилизована в Советскую армию. Шёл 1943-ий год. Наша героиня попала на Белорусский фронт, в 245-й батальон аэродромного обслуживания. Всё было: смерть рядом, бомбёжки, окопы, зок... Но о войне Екатерина Ивановна вспоминать не любит. Глав-

ЖИТЬ»

ное, что она связывает с военным лихолетьем, – встреча с будущим супругом.

– Страстной любви не было, и девчонкой была, провинциалкой: любви не знала, всего стеснялась. А он был молод, учтив и симпатичен. Очень мне понравился. Владимир Николаевич Снегов родился в Кировске. Семья была сослана сюда со псковщины. После войны дома его ждала мама, но молодой человек отправился приком в Сибирь догонять возлюбленную. А потом был переезд за Полярный круг, бедность и голод.

– Вставали на ноги постепенно: муж работал бухгалтером в ботсаду, а сначала там же была секретарём у директора, Николая Аврорина, а потом устроилась в отдел кадров Кольского научно-

■ Каждый день Екатерина Ивановна встречает с улыбкой

Активность и доброжелательность

Сорок лет отдала Екатерина Ивановна трудовой деятельности. Коллеган было с ней легко и комфортно. «Совершенно не сложный человек, очень скромная и доброжелательная женщина», – отмечают они.

Сейчас Екатерина Ивановна на пенсии. Возраст и болезни (здоровье стало подкапывать рано: годовые тоды после войны и переезд на Север сказались) не мешают Екатерине Ивановне активно интересоваться жизнью города. Она следит за прессой, не пропускает новостные выпуски местных и общероссийских телекомпаний, читает книги. Да, сердце ждёт от вестей из Украины или известных проблем в нашей стране, но в целом активность и информированность помогает женщине сохранять свежесть ума, разбираться в современных тенденциях.

– Кроме компьютеров, – отмахивается женщина, – и это моя принципиальная позиция. Газет и книг мне хватает вполне, а вот нездоровая привязанность молодёжи к компьютеру мне не нравится, поэтому я не хочу его осваивать.

Пожалуй, так же сильно, как компьютеры, Екатерина Ивановна не любит больницы. Пока «терпит», она отказывается от стационарного лечения. Домашние стены, а не больничные помогают встречать каждый день с хорошим настроением.

– Я люблю трудиться. Сделашь да не мелочь по хозяйству, уже день прожит не зря; и силы чувствуешь, и интерес к жизни. Может, потому, что в никогда не была ленивой, мне легче жить.

Силаев Валерий Иванович – доктор геолого-минералогических наук, известный исследователь минералогии и геохимии Урала, области научных интересов: теоретическая, систематическая и генетическая минералогия, минералого-геохимические закономерности пороодо- и рудообразования. Родился в казачьей станице на территории нынешней Чечни. Предки по материнской линии – из староверов, впоследствии терских казаков, по отцовской – из крестьян Воронежской губернии. Деды – участники русско-японской и I мировой войн, отец – участник II мировой. В школу пошёл при военном гарнизоне на берегу Японского моря, окончил её в Липецке. Поступил на геолого-географический факультет Ростовского университета. По его окончании был направлен в аспирантуру Коми филиала АН СССР, где обучался под руководством будущего академика Н.П. Юшкина. Кандидатскую диссертацию защитил в ИГГ АН СССР в 1975 г., докторскую – в ИГ Коми НЦ УрО РАН в 2007 г. Полевые исследования проводил на Пай-Хое, Полярном, Приполярном, Северном и Среднем Урале, о. Вайгач, Северном Тянь-Шане, в Забайкалье, Южном и Центральном Казахстане. Опубликовал более 320 научных работ, в том числе 11 монографий и 12 брошюр. Смесь наследственных и благоприобретённых черт сформировали В.И. таким, каким мы его знаем и ценим – широкий кругозор, острый ум, автономность мышления, скептицизм и нонконформизм... Ранее публиковался в изданиях Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения РМО. – *Ред.*

Краткий конспект доклада сотрудницы госдепартамента США Жен Спаки «Об уроках Второй мировой войны и достижениях Империи Добра в борьбе за мировую демократию»¹

Леди и джентльмены! Наша нация – самая великая в Мире, во-первых, созданная самим Богом для вразумления и управления всеми другими менее цивилизованными народами, во-вторых, руководимая единственным в истории человечества президентом-нобелевским лауреатом. Именно наша неповторимая Империя Добра одержала основные исторические победы, в частности на

¹ Выступление посвящено 70-летней годовщине Победы США над СССР в Великой Отечественной войне американского народа.

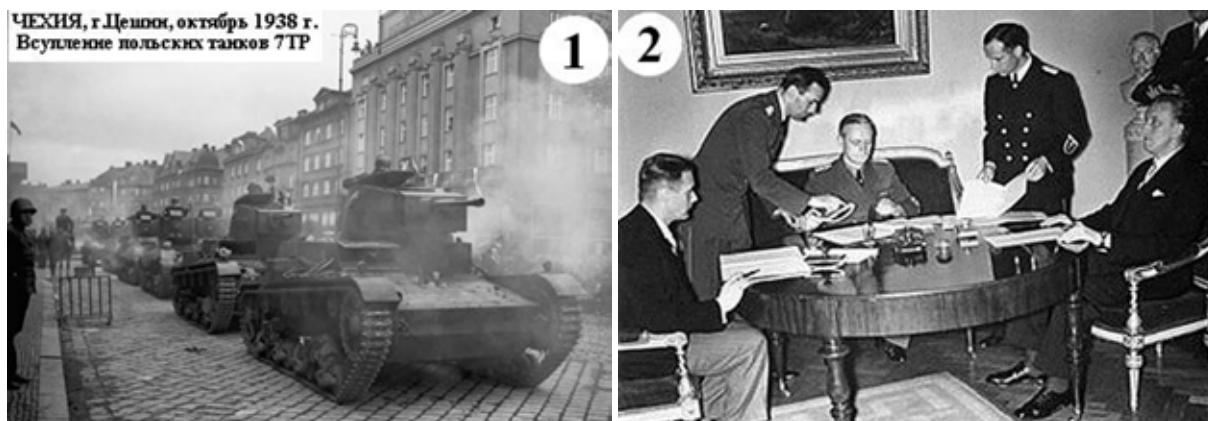
Некоторые примеры американских борцов за демократию и мир во всем Мире: 1 – президенты-основатели США; истребляли индейцев, завозили рабов-негров, хапнули у мексиканцев богатейший нефтью штат Техас, спёрли у России Аляску, колонизовали огнём и долларом ближние страны и народы; 2 – Г. Трумэн, президент-демократ, сменивший Ф. Рузвельта после его внезапной смерти, принял решение об атомной бомбардировке Японии, автор теории и практики «сдерживания», т.е. «холодной войны», инициатор анти-советского военного блока НАТО, развязал войну в Корее; ответственный за смерть сотен тысяч японцев и корейцев; 3 – Л. Джонсон, президент-демократ, пришедший к власти после убийства Дж. Кеннеди; по некоторым данным – активный участник антипрезидентского заговора; имитировал нападение на «вооруженные силы США» в Тонкинском заливе и развязал войну во Вьетнаме с применением ковровых бомбардировок, климатического оружия, дефолиантов, но потерпел сокрушительное поражение; виновен в смерти миллионов вьетнамцев; 4 – Р. Рейган, президент-республиканец; способствовал монетизации экономики США – «рейганомики», породившей невиданный в истории человечества государственный долг; замешан в крупном политическом скандале «Иран-контрас» – продаже Ирану вооружений в нарушение международного эмбарго и финансировании за счёт доходов от продажи оружия никарагуанских повстанцев тоже в обход запрета конгресса США; инициатор гонки вооружений в условиях ядерного паритета (программа СОИ); разместил «першинги» в Европе; фанатичный русофоб («Советский Союз должен быть разрушен»), придумал для СССР пропагандистское прозвище «Империя зла»; реализатор программы экономического разрушения СССР; палач Гренады (операция «Вспышка ярости»); 5 – Б. Клинтон, президент-демократ; ловелас, едва не подвергнувшийся импичменту; активно поддержал российских реформаторов-шокотерапевтов; последовательно проводил линию на одностороннее ядерное разоружение России и её экономическое

поглощение США; палач Югославии; 6 – Дж. Буш-мл., республиканец, запомнившийся ковбойским косноязычием («бушизмы»); проглядел подготовку теракта 11 сентября 2001 г. в США; сфальсифицировал предлог для войны на Б. Востоке; палач Ирака и Ю. Осетии; 7 – Б. Обама, президент-демократ, лауреат Нобелевской премии мира; лжец и циник, не выполнивший ни одного обещания; отдавал честь караулу морских пехотинцев со стаканом кофе в руке; палач Афганистана, Ливии, Сирии, Украины; 8 – Дж. Байден, вице-президент при Б. Обаме; беспринципный, корыстный и наглый русофоб, рекомендовавший В.В. Путину не выдвигаться в президенты в 2011 г.; палач Украины; 9 – М. Олбрайт («мадам Брошкина»), чешская еврейка, патологическая ненавистница славян; госсекретарь при Б. Клинтоне; считала оправданной гибель от санкций США сотен тысяч детей в Ираке; возражала в ООН против резолюции о геноциде армян в Турции; политически обслуживала военную операцию НАТО против Югославии; виновна в гибели более 2000 гражданских лиц в Сербии, включая 650 детей; 10 – К. Райс, госсекретарь при Дж. Буше-мл.; умная, но фанатично жестокая, политически обслуживала грузинскую военную операцию с признаками геноцида; виновна в гибели тысяч иракцев, Саддама Хусейна, сотен детей, женщин и стариков в Ю. Осетии; 11 – Х. Клинтон, госсекретарь при Б. Обаме; глупая, тщеславная и спесивая; политически обслуживала разрушение Ливии, свержение и зверское убийство М. Каддафи; ответственна за массовый терроризм в Ираке и Ливии; 12 – Д. Керри, госсекретарь при Б. Обаме; лжив и косноязычен, один из организаторов кровавого государственного переворота на Украине; ответственен за десятки тысяч убитых в Новороссии; 13 – З. Бжезинский, этнический поляк, наукообразный мизантроп, политический консультант нескольких президентов; патологический русофоб, идеолог глобального и радикального решения «русского вопроса» в стиле пятого германского Рейха.

реке Калке, Чудском озере и Куликовом поле, в битвах при Молоди и Чигиринном, в сражениях под Грюнвальдом и Полтавой, а также при штурме Шипки (это место, как мне только что сообщили эксперты, находится где-то в Европе), на Б. Востоке (не то, что Д. Восток) и в Африке (где живут люди, внешне похожие на нашего неповторимого президента). Только в последнее время мы своими авиационными высокоточными молитвами спасли заблудшие страны на Балканах (где-то в районе северного полушария). А на днях непобедимый военно-морской флот США переброшен к берегам так называемой Белоруссии, руководимой последним диктатором Европы, для предотвращения её вторжения на Украину с применением ядерного, термоядерного, химического, биологического, геофизического, климатического и других видов российского оружия. Все эти достижения не были случайными, поскольку

именно наша великая страна со времени падения Шумерской, Ассирийской, Персидской, Римской и Византийской империй непрерывно и крайне успешно ведёт тяжёлую борьбу за демократию и мир во всем Мире. Разрешите мне иллюстрировать приведенный бесспорный тезис некоторыми историческими примерами.

Как известно, наша Богом избранная страна еще в начале 1930-х вступила в тяжёлую борьбу за идеалы демократии в Европе. Именно благодаря нашей помощи многие европейцы уже к 1933 г. поняли, что единственным шансом на укоренение у них гуманизма и спасения от советских коммунистов является жизнерадостный итальянский фашизм и немецкий национал-социализм. В 1936 г. на этот спасительный путь вступили австрийцы, патриотично осуществившие аншлюс с Германией. Чуть позже к ним присоединились вольнолюбивые чехи, сначала передавшие Германии Судеты, а затем с воодушевлением отказавшиеся от собственного суверенитета, обменяв его на почётный статус германского протектората Богемии и Моравии. Перспективность такого демократического переустройства быстро поняли и в других странах, склонных к прогрессу: в Польше, Венгрии, Словакии, Румынии, Болгарии, Испании, Финляндии, Литве, Эстонии, Латвии. Демолобивые руководители этих государств сначала очень мудро заключили с Германией пакты о ненападении на самих себя, например, германо-польский (Пилсудского – Гитлера) в 1934 г., германо-эстонский и германо-латвийский в 1939 г. Затем уже защищённые пактами ев-

Фашистско-демократическое переустройство Европы в 1930-х:
1 – октябрь 1938 г., демократическая оккупация польскими войсками чешского г. Цешин; 2 – лето 1939 г., подписание германо-эстонского и германо-латвийского пактов о ненападении. Сидят слева направо: В. Мунтерс (Эстония), И. фон Риббентроп (Германия), К. Сельтер (Латвия).

ропейские государства вступили в итало-германский фашистско-нацистско-демократический союз, способный противодействовать наглой советской агрессии как несокрушимая скала. Именно под защитой такой скалы некоторые из союзников, объединённых идеями Муссолини – Гитлера, стали мирно заимствовать территории и население у других менее предприимчивых соседей по коалиции. Венгрия в 1938-1939 гг. окрасила в свои фашистско-демократические цвета значительную часть Словакии, а Польша то же сделала с Чехией. Правда, в последнем случае один видный английский политик немного подпортил впечатление, несправедливо назвав Польшу «главным шакалом Европы».

В 1938 г. стремление стран к объединению вокруг самой выдающейся в то время европейской демократии во главе с Адольфом Гитлером получило высокое политическое одобрение на переговорах в Мюнхене. И хотя некоторые злонамеренные российские псевдоисторики называют эти переговоры «мюнхенским сговором», в действительности они открыли путь к вечному миру. Один из первооткрывателей, а именно сэр Чемберлен, так и сообщил своему народу, спускаясь с трапа самолета и помахивая бумажкой: «Я привёз мир нашему поколению». К сожалению, другой сэр, чуть раньше обидевший демократичную Польшу шакальим прозвищем, тут же возразил первому сэру в том смысле, что «у вас был выбор между предательством и войной, вы выбрали предательство, но войну вы получите тоже». Это было обидно, но более поздние события показали, что дважды отмеченный нами другой

Участники «мюнхенского сговора» о разделе Европы: от Германии – А. Гитлер, от Англии – Н. Чемберлен, от Франции – Э. Даладьё. 1938 г.

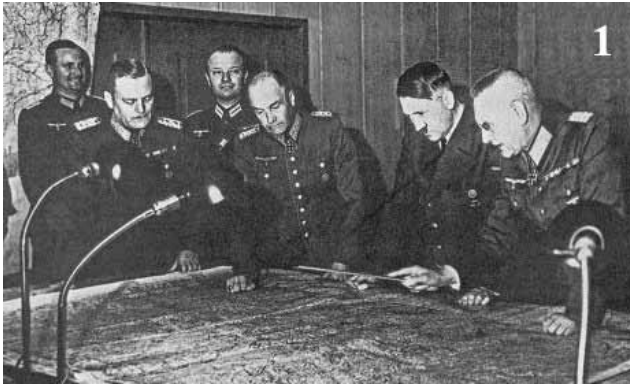
Некоторые герои истории «спасения Польши от советской оккупации» в 1939 г.: 1 – гитлеровские солдаты сносят шлагбаум на германо-польской границе; 2 – «ненападающие» люфтваффе над Варшавой; 3 – прибытие в Аушвиц очередного эшелона с венгерскими евреями; 4 – главврач и гуманист-экспериментатор над заключенными Й. Менгеле с позывным «доктор смерть»; 5, 6 – муза «доктора смерти» капо Ирма Гриз, известная под псевдонимом «неотразимый зверь».

сэр был в то время, скорее всего, не сэром вовсе, а тайным агентом Сталина. К счастью, со временем он одумался и выступил с естественным и традиционным для истинных демократов призывом немедленно начать оздоровительные бомбежки СССР. Теперь эта притягательная для гуманитарного бомбометания территория называется Российской Федерацией.

Именно козни Сталина привели к тому, что в 1939 г. для предотвращения оккупации со стороны вероломного тоталитарно-коммунистического СССР Германия была вынуждена ввести свои миротворческие войска в Польшу. В спасенной таким образом Польше в интересах польского населения стали возникать концлагеря для недопущения стихийных расправ над пятой просоветской колонной. В концлагерях ничего плохого не происходило. В основном там сидели не хорошие поляки, а плохие евреи, которых кормили высококачественной брюквой, обслуживали квали-

Подписание самого последнего из соглашений о ненападении – советско-германского «пакта Молотова-Риббентропа» 23.08.1939 г. Стоят слева направо: Й. фон Риббентроп, И.В. Сталин, секретарь МИД СССР. Сидит В.М. Молотов.

фицированные специалисты, например, доктор Менгеле, развлекали несложным трудом на фабриках по производству костной муки как ценного фосфатного удобрения.

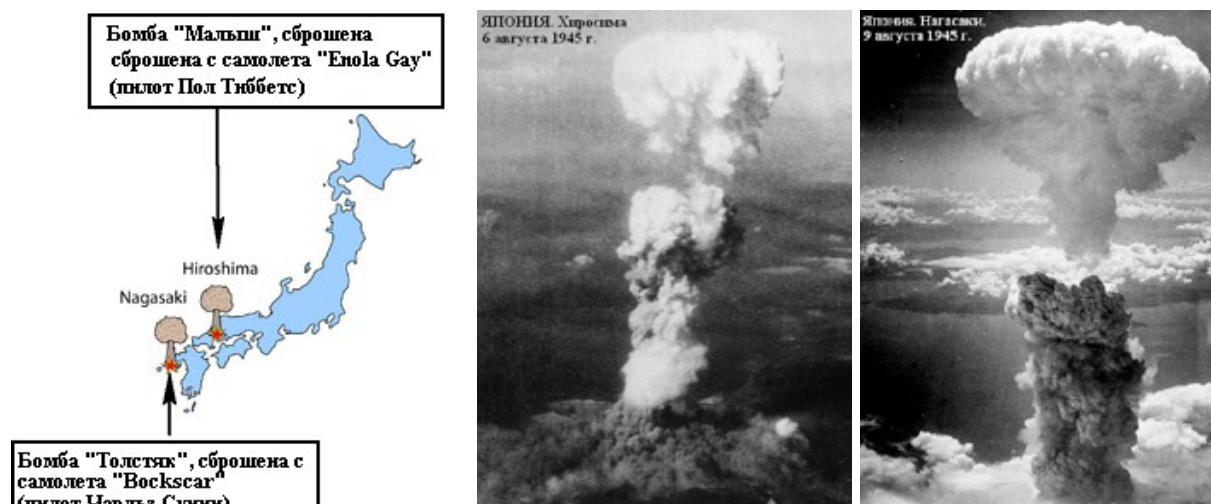
К сожалению, пока демократические вожди итало-германского союза обустроивали спасённых поляков, по-азиатски коварный Сталин захватил восточные окраины Польши, мерзко обозвав их «Западной Украиной» и «Западной Белоруссией». Будучи не готовой к большой войне за великие демократические ценности, Германия была вынуждена в 1939 г. подписать «пакт Молотова – Риббентропа». Но уже в 1940 г. она поднатужилась и ради предотвращения дальнейшей агрессии со стороны СССР направила свои миролюбивые воинские контингенты в Бельгию, Францию, государства Сев. Европы, Африку, предприняв также профилактические бомбардировки Англии для нейтрализации набиравших там силу симпатизантов коварного Кремля.

В 1941 г. во избежание массированного нападения с востока Германии пришлось нанести превентивный удар демократическими бомбами, снарядами, минами и пулями по вероломному СССР. К несчастью, советские коммунисты не испугались, и до 1944 г. Германия почти в одиночку пыталась защитить Европу от полчищ сталинских монстров в героических сражениях за Брестскую крепость, под Могилёвом, Смоленском, Тулой, Москвой, Ленинградом, Вязьмой, Ржевом, в Сталинграде, на Сев. Кавказе и Курской дуге, в Крыму и Одессе. Именно из-за того, что США вступили в войну слишком поздно, русским коммунистам удалось оккупировать Украину, Белоруссию, бывшие Австрию и Чехию, Болгарию, Венгрию, Румынию, Польшу с гуманным концлагерем в местечке Освенцим, а также саму Германию, включая особенно миролюбивый Берлин.

Из-за того, что СССР первым создал атомное оружие и, как мне только что сообщили эксперты, применил его по дружественной Японии, наша великая страна не смогла сразу же приступить к освобождению многострадального демократического человечества. Но постепенно ситуация стала улучшаться. Сначала мы освободили от коммунистов-недочеловеков половину Кореи, затем едва не победили на Кубе Фиделя, которого временно спасли русские, разместив там свои недемократические ракеты. Потом наступила очередь вьетнамцев, тоже сильно пострадавших от советских из-

Некоторые сюжеты Великой Отечественной войны. 1 – 1940 г., Берлин, над картой плана «Барбаросса», второй справа А. Гитлер; 2 – весна 1941 г., на западной границе СССР; 3 – типичное лицо европейского «демократизатора» образца 1941 г.; 4 – октябрь 1941 г., «Русские должны умереть, чтобы мы могли жить»; 5 – осень 1941 г., Белоруссия, расстрел евреев карателями из айнзацгруппы; 6 – 1942 г., Днепропетровская обл., каратели из батальона «Галичина» жгут деревню за связь с партизанами; 7 – «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»; 8 – зима 1943 г., истребление гитлеровцев в Сталинграде; 9 – лето 1943 г., танковая атака на Курской дуге; 10 – апрель 1945 г., Ил-2 над Берлином; 11 – зачистка нацистов; 12 – 2 мая 1945 г., Знамя Победы в руках юного разведчика Григория Булатова; 13 – автографы победителей на стенах Рейхстага; 14 – 0 час 43 мин 9 мая 1945 г., подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии, слева направо: Г.К. Жуков (СССР), К. Спатс (США), А. Тэддер (Англия), Же де Тассиньи (Франция). Подписывает Кейтель; 15 – 1946 г., Нюрнберг, Международный суд над нацистскими преступниками.

Американские атомные бомбёжки Японии в 1945 г. Репетиция перед реализацией планов «Тоталити» (1945) – атомной бомбардировки 20 городов СССР; «Дропшот» (1949) – атомной бомбардировки 100 городов СССР; «Обезглавливания Советского Союза» (1977) – атомного истребления до 113 млн. человек, «преимущественно великороссов» (по рекомендации З. Бжезинского).

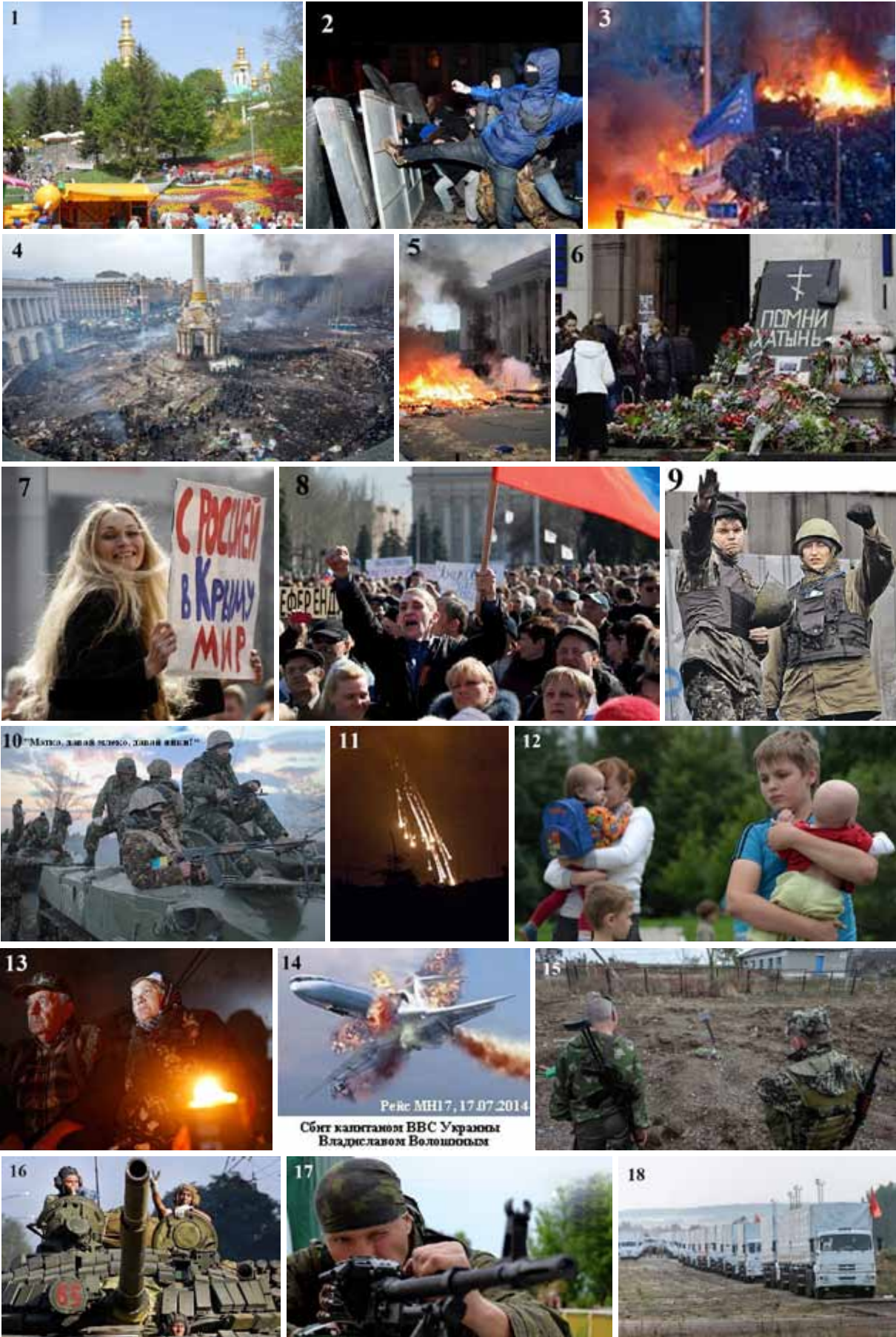

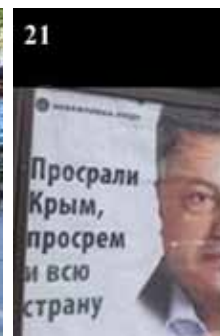
Новые достижения американской демократии: 1-4 – март 1999 г., операция НАТО против Югославии «Союзная сила», вылет F-15 с авиабазы Авиано на бомбардировку (1), запуск «Томагавка» с корабля США в Адриатике (2), взрывы (3) и пожары (4) в Белграде; 5 – американские коммандос в Ираке; 6 – казни заложников боевиками созданного спецслужбами США ИГИЛ; 7 – август 2008 г., грузинские войска начали реактивно-минометную операцию «Чистое поле» против спящего Цхинвала; 8 – главнокомандующий операцией докладывает вашингтонским кураторам о первых результатах; 9 – одна из недобитых жертв «Чистого поля»; 10 – послевоенный Цхинвал, усеянный разбитой техникой грузинских оккупантов; 11 – бойцы 58-й российской армии в освобождённом Цхинвале.

вергов, применивших во Вьетнаме ковровые бомбежки, ядовитую эмульсию «оранж», отравляющие пестициды и банды головорезов коммандос. Там мы тоже могли победить, если бы не эти вездесущие русские ракетчики. Но с особенно большим успехом наша великая демократическая страна помогла моджахедам освободить Афганистан от понастроенных там русскими вредительских заводов, фабрик, больниц, школ, университетов, музеев и бань. Вскоре мы свергли нагло дружившего с русскими Хонекера в ГДР, прокоммунистического Свободу в Чехословакии, сомнительного Ярузельского в Польше, неверного нам Чаушеску в Румынии, а потом победили СССР в холодной войне, сделав мудрую ставку на полноценных русских демократов и либералов: Горбачева, Яковлева, Ельцина, Немцова, Дудаева, Масхадова, Басаева, Чубайса, Явлинского, Гайдара, Хакамаду, Борового, Новодворскую, Березовского, Ходорковского, шахматиста Каспарова-Вайнштейна, кинорежиссёра Рязанова и папу Чебурашки Успенского.

Казалось, что мечта о золотом веке всемирной американской демократии, наконец, осуществилась. Но вдруг в России появился новый враг демократического человечества – какой-то Путин, из-за чего в России возродилась традиционная агрессивность, от которой когда-то сильно пострадали стремившиеся в Европу татаро-монголы и, напротив, несущие из Европы на восток демократические ценности brave прусские рыцари с топорами, куртуазные польские шляхтичи с секирами, галантные французские пушкарники и гренадёры с мушкетами во главе с любителем высоких шатенок, театров и полковых оркестров мсье Наполеоном. А недавно русские опять проявили себя в самом худшем смысле. Сначала они не признали законность и справедливость народно-освободительного бомбометания по Югославии, Ираку и Ливии. Потом помешали генеральной чистке от осетин и абхазов дружественной нам Грузии, нарушив тем самым её священную территориальную целостность. Затем сорвали планы освобождения Сирии от кровожадного Башара Асада.

В последнее время, как мне сообщила фрау Меркель, Россия окончательно откололась от демократической цивилизации, аннексировав Крым и напав на ангелоподобную Украину, стремящуюся в Европу под знаменами великих европатриотов и гуманистов – Мазепы, Пилсудского и его гайдамаков, Бандеры, Шухевича. Рос-

22

Военно-политический кризис на Украине, организованный США и Евро-союзом: 1 – лето 2013 г., довоенный Киев, выставка тюльпанов на Певческом поле над Днепром; 2 – декабрь 2013 г., начало бандеровского мятежа в Киеве; 3 – 19 февраля 2014 г., штурм боевиками «Правого сектора» Дома Правительства; 4 – первое утро после победы хунты Турчинова-Яценюка-Тягнибока-Кличко; 5, 6 – май 2014 г., «Одесская Хатынь» – сожжение в Доме Профсоюзов живьём многих десятков мирных сторонников федерализации Украины; 7 – 16 марта 2014 г., референдум в Крыму; 8 – март 2014, референдумы в Донецкой и Луганской обл.; 9 – укронацики: Хайль Европа! Дранг нах остен!; 10 – АТО началась, каратели в Донбассе: «Злюкен бабкен, путем тепя пу-пу, натюрлих?»; 11 – фосфорные бомбы над ночным Лисичанском; 12 – беженцы из Славянска; 13 – «люди подземелья» в пос. Спартак под Донецком пытаются спастись от украинских бомбардировок; 14 – гибель рейса МН 17; 15 – ополченцы в освобождённом населённом пункте у могильника жертв украинских карателей; 16 – ополченцы ДНР; 17 – ополченцы ЛНР; 18 – первый гуманитарный конвой из России в Донбасс; 19 – разгром 24-й моторизованной бригады украинских силовиков; 20 – 9 мая 2014 г., колонна пленных карателей в Донецке; 21 – истинная программа Турчинова-Яценюка-Порошенко; 22 – прогноз дружественного Украине польского TVP (Комсомольская правда, 18-25.02.2015 г.).

сия нарушила все международные правила и соглашения, расстреляла из снайперских винтовок Небесную сотню, сожгла живьём мирных сторонников независимой Украины в Одессе, безнаказанно сбила новозеландский самолет, угробив две сотни пассажиров, размолотила градами, ураганами, смерчами, «точками-М» и строго запрещёнными международными законами фосфорными бомбами города и деревни в Донбассе, умертвила тысячи детей, женщин и стариков, зверски запытала до смерти практически безоружных защитников Слава-Украины.

Именно поэтому в канун 70-летия нашей Великой победы всё прогрессивное человечество ждёт от Империи Добра, то есть нашей великой страны США решительных действий в защиту демократических стран и народов от неизлечимо заражённых путинизмом, гомофобией, дегенератизмом, мазохизмом и агрессивизмом русских невежливых алкашей-унтерменшей, которые продолжают вызывающе злонамеренно, несправедливо и незаконно владеть не только обширной территорией, но и так необходимыми нам, истинным демократам и гуманистам, неисчислимыми природными ресурсами. Да поможет нам Бог, который любит только Америку!

Авиаэскадрилья «Нормандия — Неман»

Содержание

От редактора	3
<i>Н.Н. Карпов</i> Прощание с Хибинами (воспоминания с лирическими отступлениями)	4-59
<i>Ю.П. Смирнов</i> Поэзия	60-63
<i>А.К. Полюшко</i> Поэзия	64-97
<i>Ф.Ф. Горбачевич</i> Мои детские годы	98-101
<i>А.А. Жамалетдинов</i> Мама.	102-108
<i>Т.А. Лукьянова (Соседко)</i> Пять геологов в одной семье	108-121
<i>Н.И. Плетнева</i> Мурманские школьники – тимуровцы в годы войны	121-131
<i>Е.И. Снегова</i> Была нужна Родине	132-137
<i>В.И. Силаев</i> Краткий конспект доклада сотрудницы госдепартамента США Жен Спаки «Об уроках Второй мировой войны и достижениях Империи Добра в борьбе за мировую демократию	138-153

Геологический институт КНЦ РАН
Кольское отделение РМО
Комиссия по истории РМО

Мы навеки вписались в Историю...

Литературный сборник

Некоммерческое художественное издание

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ОАО К & М

184209 г. Апатиты Мурманской обл., ул. Ферсмана, 17 а

Тел. / факс (81555) 77329

